

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

УДК 316.624
ББК 88.52
С88

В. Г. Стуканов

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ПРОФИЛАКТИКА
ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Рекомендовано к изданию
ученым советом Академии МВД Республики Беларусь
(протокол № 7 от 22 декабря 2018 г.)

Рецензенты:

Ф. В. Кадол, заведующий кафедрой педагогики
Гомельского государственного университета
имени Франциска Скорины, доктор педагогических наук, профессор;
В. В. Чет, профессор кафедры менеджмента
и образовательных технологий Института повышения квалификации
и переподготовки Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка, доктор педагогических наук, профессор

Минск
Академия МВД
2019

ISBN 978-985-576-178-6

© УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», 2019

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно в психолого-педагогической науке поведение, характеризующееся отклонением от принятых нравственных и правовых норм, называют девиантным. Синонимами девиантного поведения являются такие понятия, встречающиеся в научной литературе, как «отклоняющееся поведение», «социально нежелательное поведение», «нарушающее поведение», «ненормативное поведение».

Основным отличительным признаком девиантного поведения является его социальная вредоносность. Данное поведение посягает на интересы и права, жизнь и здоровье людей, оно приносит социальный вред (обществу, конкретному человеку, субъекту данного поведения, природным ресурсам, нравственным устоям и т. д.). Минимальная социальная вредоносность выражается, например, в грубости, неуважительном отношении к старшим, систематических опозданиях в школу и т. п. Максимальная вредоносность – бродяжничество, наркомания, самоубийство, совершение преступлений характеризуется значительным ущербом для конкретной личности и общества в целом.

Педагогическое исследование многообразных проявлений отклоняющегося поведения несовершеннолетних в условиях современного развития общества имеет несомненную научную актуальность. Общеизвестно, какую социальную опасность представляют наиболее выраженные формы девиации – преступное и суицидальное поведение подростков. Именно преступность несовершеннолетних является источником роста «взрослой» преступности, а смерть детей от самоубийства является второй причиной ухода из жизни данной категории населения. В этой связи глубоко рассмотрены наиболее трагические формы девиантного поведения – противоправное и суицидальное поведение несовершеннолетних.

Доля преступности несовершеннолетних в общей массе совершаемых в обществе правонарушений составляет в последние годы 3–4 %. В 2017 г. 1 716 несовершеннолетними совершено 2 043 преступления (2016 г. – 2 356 преступлений, что на 15 % больше). Наиболее часто несовершеннолетние преступники совершают кражи, хулиганство. Особую озабоченность вызывают преступления несовершеннолетних, связанные с незаконным изготовлением, приобретением, хранением, перевозкой, пересылкой или сбытом наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

В современном белорусском обществе сохраняется высокий уровень суицидов. Республика Беларусь находится в группе стран с критическим уровнем суицидов по шкале Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Одной из наиболее суицидоопасной категорией населения являются дети (15–17 лет) и лица молодежного возраста (18–29 лет). За последние десять лет в Беларуси зафиксировано 318 детских суицидов (до 17 лет включительно), всплеск которых произошел на 2009–2010 гг. Как правило, родители замечали изменения в поведении ребенка, но не обращались за помощью к специалистам, поэтому ему не оказывалась психоконсультационная или психиатрическая помощь.

Социальные условия, в которых формируется личность преступника и суицидента, во многом сходны – это неблагополучная семья, деструктивное информационное влияние, негативное воздействие референтной группы. Личности подростка, склонного к девиантному поведению, чаще всего присущи эмоциональная неустойчивость, импульсивность, повышенная тревожность, высокая внушаемость, несамостоятельность мышления, зависимость от мнения окружающих, неадекватная самооценка, агрессивность как характерная реакция на фрустрирующие воздействия, неразвитость коммуникативных качеств и способностей и др. Особенностью преступного и суицидального поведения подростков, с точки зрения взрослых, является «немотивированность», непонятность либо незначительность мотивов, вызвавших вредоносные поведенческие акты.

В первом разделе монографии осуществлен теоретический анализ подходов к исследованию девиантного поведения подростков, а также конкретизированы основания классификации отклоняющегося поведения по вредоносному признаку. Во втором разделе отражены психолого-педагогические особенности личности несовершеннолетнего преступника, социальные условия и влияния в формировании социально-правового поведения подростка, а также сформулированы психолого-педагогические задачи профилактики противоправного поведения. Третий раздел посвящен анализу психолого-педагогических особенностей суицидального поведения подростков, исследованию роли и влияния неблагополучной семьи, деструктивной информации средств массовой информации (СМИ) и сети Интернет на формирование суицидальных намерений ребенка, а также разработке направлений и задач педагогической профилактики суицидального поведения несовершеннолетних.

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

1.1. Теоретические подходы к исследованию девиантного поведения

В науке понятие «девиантное поведение» имеет разную трактовку. Например, Я. И. Гилинский под девиантным понимает поведение людей, когда их поступки или действия не соответствуют официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам и правилам [22, с. 8]. Девиантное поведение, по определению И. С. Кона, – «это система поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы права, культуры или морали» [48, с. 237]. В. В. Ковалев определяет девиантное поведение как отклонение от нравственных норм данного общества. При этом проявления антиобщественного поведения отличаются многообразием и не всегда легко поддаются систематизации [47]. По мнению А. Козна, девиантное поведение – это такое поведение, которое идет вразрез с институционализированными ожиданиями, то есть с ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы [51, с. 520–521]. В. Т. Кондрашенко отмечает, что «девиантное, или отклоняющееся, поведение – понятие социально-психологическое, так как обозначает отклонение от принятых в данном конкретно-историческом обществе норм межличностных взаимоотношений, действий, поступков и высказываний» [49, с. 77]. С. А. Беличева отмечает, что «отклоняющееся поведение является результатом неблагоприятного социального развития, нарушений социализации, возникающих на разных возрастных этапах» [10, с. 27]. Е. В. Змановская определяет девиантное поведение как устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм и причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией [38, 39]. Ю. А. Клейберг предлагает свое понимание данного явления, трактуя его как специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации ценностного отношения к ним [46, с. 45].

На основе анализа психолого-педагогической, социологической, медицинской литературы конкретизируем представления о девиантном поведении личности.

Общее во всех трактовках девиантного поведения – это поведение, отклоняющееся от социальных, нравственных или правовых норм. Девиантное поведение выходит за рамки нормы. Нормы – это правила поведения в обществе, закрепленные моралью, а также правовыми и законодательными документами. Относительно нравственно-правовой нормы поведение человека может иметь два проявления: нормативное и ненормативное (отклоняющееся, безнравственное, противоправное, асоциальное, то есть девиантное) поведение.

Нормативное поведение – это социально одобряемое поведение, соблюдающее установленные обществом правила, находящиеся в пределах норм морали и права, свойственное большинству людей. Установленные обществом правила поведения (нормативность поведения) закреплены нормами морали и права (социальными нормами), а также идеологией государства, определяющей цели и задачи воспитания и обучения граждан, обычаями и традициями народа, которые сохраняются в неформальных отношениях в семье, бытовом окружении. Нормативность формализована нормативными правовыми актами (конституция, закон, инструкция и т. д.).

Девиантное поведение – это социально осуждаемое поведение, нарушающее нормы морали, нравственности и (или) права.

Иногда гениальность, талантливость, уникальные способности относят к разновидности девиантного поведения. Данный подход не совсем верен, так как девиацию необходимо рассматривать в контексте именно социального поведения, которое соотносится в первую очередь с нормами морали и права. Некоторые исследователи указывают, что девиантное поведение находится на грани психической нормы и болезни [59, 64] и потому должно оцениваться не только педагогом, но и врачом [42]. Действительно, в основе девиантного поведения – социальная дезадаптация личности. Вместе с тем понятие нормы в психолого-педагогической науке не стандартизировано в отличие, например, от медицины, где норма – это здоровый человек. В педагогике нередко под нормой понимается желаемое поведение подростка, то есть то, которое соответствует предъявляемым требованиям и запросам взрослых – быть послушным, хорошо учиться, проявлять социальную активность, заботу о ближних и др. В таком случае в образовательном пространстве среднеуспевающий ученик, допускающий нарушения дисциплины в классе, будет считаться девиантным, что не совсем верно. Мы согласны с авторитетным белорусским ученым-психотерапевтом В. Т. Кондрашенко, который отмечал, что девиантное поведение – это отклонение от принятых норм, совершаемых в рамках психического здоровья [49, с. 77].

Полагаем, что отклоняющееся поведение подростков находится в пределах психической нормы. Это не психическое заболевание или

патология. Хотя девиации могут усугубляться и переходить в психические расстройства (например, систематическое употребление алкоголя может привести к зависимости).

Девиантное поведение всегда связано с каким-либо несоответствием человеческих поступков, действий, видов деятельности, распространенным в обществе или группах нормам, правилам поведения, идеям, стереотипам, ожиданиям, установкам, ценностям [46]. Другими словами, девиантное поведение выходит за рамки социальных норм и не характеризуется психическими и физическими (соматическими) отклонениями от нормы.

В. Е. Каган обосновано указывает, что заключение о девиантном поведении подростка требует крайней осторожности, так как суждение о нем выносят взрослые, в силу различных причин находящиеся в оппозиции к детству и психосоциальным издержкам развития и сами являющиеся активными трансляторами девиантных форм; критериями для суждения о девиантном поведении часто являются нормы и ожидания ближайшего окружения, от которого ребенок прямо зависит и в котором права ребенка не соблюдаются или попираются [43]. В реальности мы часто сталкиваемся не с девиантным, а с не соответствующим запросам и ожиданиям взрослых, непонятным для них поведением. Дж. К. Коулмен [18] предупреждает и считает необходимым отказаться от стереотипного отношения обывденного сознания к подростковому возрасту как к изначально патогенному и криминогенному периоду в жизни человека. В глазах взрослых поведение меньшинства становится общей характеристикой всех подростков, то есть вольно или невольно формируется некий «соционормативный канон» поведения, имеющий антисоциальную направленность.

Поведение подростков вообще, в том числе не соответствующее требованиям взрослых, а также девиантное, обусловлено психофизиологическими особенностями их развития. В контексте рассматриваемой проблемы к значимым возрастным особенностям подросткового периода необходимо отнести: незавершенность процесса формирования личности; отсутствие собственных механизмов преодоления трудностей; противоречивость чувств, сочетание чувствительности, ранимости, романтизма и жестокости, холодности; повышенное половое влечение; завышенную самооценку и неуверенность в себе; критическое восприятие общественной морали, установок родителей, стиля семейных отношений; отказ от общепринятых норм поведения и подчинение себя случайным «кумирам», бескомпромиссность; импульсивность; максимализм в оценках и неспособность к принятию аргументированных решений; упрямство и внушаемость; актуализацию интереса к вопросам жизни и смерти, своего места в обществе; недос-

таточно развитую способность объективно оценивать конкретные поступки, а также к самоконтролю поведения; отсутствие жизненного опыта, навыков конструктивного решения проблемы, широкого спектра представлений о способах удовлетворения потребностей и интересов, решения жизненных проблем; неспособность находить наиболее приемлемые способы разрешения сложных жизненных ситуаций; низкую сопротивляемость стрессу [1, 20, 21, 45, 56, 82, 84, 130].

Характерной чертой группового девиантного поведения подростков выступает жестокость и агрессивность. Бессердечность и крайняя враждебность друг к другу присущи подростковому внутригрупповому соперничеству, борьбе за власть в референтной группе. Нередко подростковое групповое взаимодействие сопровождается немотивированной агрессией, часто направленной на незнакомых людей.

При этом большинство ученых (М. И. Бердяев, Л. С. Выготский, А. Б. Добрович, И. С. Кон, А. Е. Личко, Х. Ремшмидт, М. Раттер, В. А. Сухомлинский, В. Н. Соколова, Г. Я. Юзефович и др.) считают, что эмоциональные расстройства, нарушения поведения в подростковом возрасте являются вариантом нормального поведения. Как верно отмечает Х. Ремшмидт [86], в период взросления трудно провести границу между нормальным и патологическим поведением.

Вместе с тем подростковый возраст несомненно представляет фактор риска для развития девиантного поведения. Современная молодежь стала раньше созревать (биологически и психически) и интенсивнее социализироваться. Ее психологическое развитие и социальная адаптация происходят в условиях информационного общества крайне быстро. Для подростков и молодых людей характерно раннее начало половой жизни, учебной и трудовой деятельности. Их психофизиологическое становление происходит в условиях легкодоступности алкоголя, употребление которого часто сопровождается суициды и парасуициды, снижая инстинкт самосохранения. Продажа алкоголя и пива в Республике Беларусь не имеет временных ограничений, их стоимость одна из самых низких в Европе.

Подростковый возраст, обусловленный гормональными изменениями, увеличением школьных и внеклассных нагрузок, активизацией межличностных отношений со сверстниками, возникновением ценностно-смысловых, экзистенциальных барьеров общения со взрослым и т. д., является кризисным этапом жизненного пути. Это может приводить к негативному мышлению и пессимистическому восприятию внешнего мира и самого себя.

Отмеченные особенности подросткового возраста становятся предпосылками развития отклоняющегося поведения. Но, как мы знаем, далеко не у всех. Современные исследователи единодушно утвержда-

ют, что генезисом девиантного поведения подростков является неблагоприятное сочетание социальных условий и психологических факторов, приводящих к формированию устойчивых психических образований, свойств и качеств личности, детерминирующих социально неблагоприятное или вредоносное поведение. Негативные социальные условия повышают вероятность формирования девиантности. Вместе с тем степень выраженности отклоняющегося поведения зависит от психологических особенностей субъекта. Об этом прежде всего свидетельствуют следующие факты: в одной и той же социальной среде люди демонстрируют совершенно разное поведение; девиантное поведение формируется не только в условиях девиантной субкультуры, но сплошь и рядом в обычных социальных условиях; в одной и той же семье дети ведут себя по-разному; у людей с идентичными нервно-психическими расстройствами в одних случаях имеет место девиантное поведение, в других – нет [38].

Девиантное поведение – это повторяющееся, относительно устойчивое поведение индивида, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным и нравственным нормам, имеющее отрицательные последствия для общества, приносящее моральный или физический вред жизни и здоровью другим людям либо самому индивиду. Данное поведение, как правило, имеет негативную оценку со стороны окружающих людей, общества и государства, сопровождается стигматизирующими¹, правовыми и иными последствиями (общественное осуждение и порицание; дисциплинарное, административное или уголовное наказание; принуждение; изоляция (ограничение или лишение свободы); лечение (в специальных лечебно-воспитательных учреждениях или лечебно-трудовых профилакториях).

1.2. Общая характеристика девиантного поведения несовершеннолетних

Большинство исследователей рассматривают девиантное поведение подростков с точки зрения причиняемого вреда обществу или самому себе. Например, Е. В. Змановская выделяет три основные группы отклоняющегося поведения: антисоциальное (делинквентное), асоциальное (аморальное) и аутоагрессивное (саморазрушительное) [38, 39]. С. А. Беличева, рассматривая социальные отклонения, отмечает следующие их типы: корыстной направленности (хищение, кража и т. п.); агрессивной ориентации (оскорбление, хулиганство, побои); социально-пассивного

¹ Стигматизация (от греч. *στίγμα* – ярлык, клеймо) – это клеймение кого-либо, то есть наделение его негативными характеристиками.

типа (уклонения от гражданских обязанностей, уход от активной общественной жизни) [10, с. 25]. А. Бандура подразделяет девиантов на несоциализированных (агрессивные подростки-одиночки); социализированных (объединенные в группы несовершеннолетние правонарушители); ситуативных правонарушителей (совершающие преступления в зависимости от ситуации) [7]. Исследователи Л. Е. Хевитт и Р. Л. Джекинс в основе деления видят социальные признаки и делят девиантов на три группы: дети-невротики (дети, имеющие сильное эмоциональное расстройство или перенапряжение нервной системы); асоциальные типы (правонарушители, у которых главную роль играет отсутствие вины и угрызение совести в момент и после совершения преступлений); псевдосоциальные нарушители (совершили преступления под влиянием среды, окружающей обстановки) [46].

Анализ научной литературы и практический опыт организации и осуществления исправительно-профилактической работы с делинквентами позволяет классифицировать девиантное поведение по вредоносным основаниям на две основные группы: саморазрушающее поведение, приносящее в первую очередь вред самому подростку, а также другим людям (аддиктивное поведение (виртуальная зависимость – игровая, компьютерная, интернет-зависимость; пищевая зависимость – анорексия, булимия; зависимость от психоактивных веществ (ПАВ) – алкогольная и наркотическая зависимость, токсикомания, табакокурение); аутоагрессия (суицидальное поведение, членовредительство)); делинквентное¹ поведение, приносящее вред другим людям и проявляющееся в провинностях, проступках, нарушающих нравственные (общепринятые) и (или) правовые нормы поведения (асоциальное (аморальное) поведение (не имеет административного или уголовного состава правонарушения, то есть отсутствует правовая ответственность: прогулы учебных занятий, употребление ненормативной лексики, грубость и оскорбления, побеги из дома, бродяжничество (Попрошайничество), общение с антисоциальными (криминальными) компаниями, сексуальные девиации, не сопряженные с нарушением закона (манипуляции с половыми органами животных, половые отношения до полного физического созревания, включая частую смену партнеров, неразборчивость в половых сношениях, гомосексуализм) и др.); правонарушающее (преступное, противоправное) поведение (проявляется в проступках, нарушающих правовые нормы общества: хулиганство, издевательство над другими людьми, вандализм, вымогательство денег, предметов, одежды и т. д., угон велосипедов и мотоциклов, мо-

¹ Делинквентность – юридическое понятие, означающее нарушение законов государства.

шенничество, спекуляция, кражи, нанесение телесных повреждений, незаконный оборот наркотических средств, сексуальные преступления (педофилия, мужеложство, зоофилия, некрофилия, эксгибиционизм, проституция и др.) и т. д.).

Рассмотрим общую характеристику наиболее выраженных и характерных для несовершеннолетних девиаций поведения.

Аддиктивное поведение подростков. Аддиктивное поведение (от англ. *addiction* – склонность, пагубная привычка; лат. *addictus* – рабски преданный) – особый тип деструктивного поведения, которое выражается в стремлении к уходу от реальности посредством специального изменения своего психического состояния [14]. Аддиктивное поведение характеризуется своей деструктивностью и стремлением к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния химическим или нехимическим путем. Признаки аддикции выделены Р. Брауном. Зависимость, по его мнению, характеризуется сверхценностью, эйфорией, ростом толерантности, симптомом отмены, конфликтом с окружающими и самим собой, возможностью рецидива [137]. У подростков наиболее часто встречается виртуальная зависимость, реже пищевая и химическая.

Интернет становится неотъемлемой частью жизни подростков. По сведениям Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2017 г. 87,7 % детей в возрасте 6–17 лет пользовались сетью Интернет [29]. Из них использовали интернет для просмотра и скачивания фильмов, прослушивания и скачивания музыки, скачивания программного обеспечения – 88,9 %, поиска информации – 83,2 %, игр – 85,8 %, общения в социальных сетях – 70,1 %, отправки, получения электронной почты, переговоров – 35,3 %, покупки, заказа товаров, услуг – 7,3 %. По данным лаборатории Касперского, постоянно использовали интернет 56 % несовершеннолетних, при этом около 80 % детей проводили в сети в среднем 3 ч в день¹.

Можно выделить следующие типы виртуальной аддикции личности подростков: интернет-бродяжничество, или веб-серфинг (бесконтрольные путешествия по сети, постоянные покупки или участие в аукционах); виртуальное общение (предпочтение (замена) реальных отношений, семьи и друзей виртуальным, так называемым кибер-отношениями, зависимость от общения в чатах, групповых игр и телеконференций); киберсексуальная зависимость (непреодолимое влечение к посещению порносайтов и занятию киберсексом, обсуждению сексуальной тематики в чатах, специальных телеконференциях «для взрослых»); игромания

(постоянное участие в компьютерных играх). Исследования свидетельствуют, что почти половина школьников старших классов (45,5 %), треть учащихся колледжей (29,3 %) и каждый десятый студент учреждения высшего образования (13,4 %) имеют признаки увлеченности компьютерными играми, поскольку играют почти каждый день в среднем более 2 ч [132].

Ведущим признаком виртуальной зависимости является появление в интернет-сети круга общения, который на определенное время становится более значимым, чем люди в реальной жизни.

Динамика развития виртуальной, компьютерной, интернет-зависимости, как отмечает А. Ф. Федоров, повторяет динамику развития химической зависимости: стадия легкой увлеченности, стадия увлеченности, стадия зависимости, стадия привязанности. Однако в отличие от химической компьютерная зависимость редко перерастает в хроническую. Ее пик приходится на подростковый и юношеский возраст [131].

В. Гриффит выделяет два типа мотивов, заставляющих детей и подростков вновь и вновь обращаться к компьютерной игре [25]. Игроки с первым типом играют ради удовольствия от самой игры и ради результата. Их привлекает возможное соперничество с другими игроками и вероятность удовлетворения мотива достижения. Для игроков со вторым типом мотивации игра становится формой ухода от реальности. Причиной такого увлечения может стать неспособность ребенка справиться с проблемами повседневной жизни, сложные отношения с родителями и сверстниками, то есть игра в таких случаях является формой реакции на стресс и способом ухода от действительности.

Виртуальная зависимость имеет разрушающее воздействие на психику. Анонимность, бесконтрольная возможность смотреть порно, экстремистские ролики, общение со случайными партнерами способствует формированию у подростков ложных представлений о реальном мире. В то же время подобное общение является небезопасным, подросток может выступать объектом преступного посягательства.

Признаки синдрома виртуальной зависимости: утрата контроля за временем, проводимым за компьютером (резкое увеличение времени пребывания за игрой, в интернет-пространстве); неспособность и невозможность ограничить деятельность в сети Интернет; непреодолимое желание играть, общаться в социальных сетях, бороздить интернет-пространство; склонность забывать о домашних уроках и обязанностях, учебе, важных делах; отсутствие интереса к реальному общению и деятельности вне сети Интернет; навязчивые мысли и образы игры; подъем настроения, чувство предвкушения, раздражительность и появление тревожно-депрессивного синдрома при ограничении деятельности в сети Интернет, а также в случае подавления желания

¹ См.: 56 % детей постоянно в Сети: Россия обгоняет Европу и США по показателю интернет-увлеченности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kaspersky.by/about/news/virus/2016/news-12-05-16>. – Дата доступа: 15.10.2017.

посещать глобальную сеть, ощущение нарастающей усталости и сонливости; обман близких, родителей, учителей по поводу количества времени, проведенного в сети Интернет.

Данную аддикцию сопровождает специфический синдром измененного сознания, проявляющийся в нарушении восприятия игры в виде «оживления» виртуальной реальности, идентификации с героем игры, «стирания качества графики». Между игрой и играющим формируется некоторого рода «раппорт», поэтому события и опыт игры начинают восприниматься как реальные. Возможен и депрессивный синдром. Однако депрессивный синдром может быть обусловлен как синдромом зависимости, так и другими причинами, поскольку нередко поводом для выраженной игровой увлеченности являются нерешенные психологические проблемы, вызывающие плохое настроение, а по прошествии времени сама игра может стать проблемой, превращаясь в дополнительный источник отрицательных эмоций [132].

Аутоагрессия. За последние 10 лет в Беларуси зафиксировано 318 детских суицидов (до 17 лет включительно), всплеск которых приходится на 2009–2010 гг. (рис. 1). Как правило, родители (опекуны) ребят не обращаются к специалистам по поводу изменений в их поведении (только 6,5 % из них оказывалась психоконсультационная или психиатрическая помощь). По статистическим данным, на одну девочку приходится 2,5 мальчика в возрасте 15–17 лет.

Рис. 1. Динамика уровня детских суицидов в Республики Беларусь в 2008–2009 гг.

По сведениям Республиканского научно-практического центра психического здоровья (РНПЦ), в 2017 г. среди детей показатели парасуицидов возросли на 22,1 % (с 244 до 298 случаев) и с 13,4 до 16,1 случаев на 100 тыс. детского населения. При этом их доля в общем числе зарегистрированных парасуицидов увеличилась с 4,7 до 6,2 %. Рост показателей парасуицидов в общей детской популяции отмечен в Минске

(с 18,5 до 21,0), Витебской (с 17,1 до 20,8), Гомельской (с 8,2 до 9,8), Гродненской (с 12,1 до 15,7) и Минской областях (с 10,0 до 21,7); снижение в Брестской (с 15,5 до 12,9) и Могилевской областях (с 10,8 до 8,3). Количество парасуицидов среди девочек выше чем среди мальчиков во всех регионах республики.

Среди подростковых парасуицидов на первом месте острое отравление медикаментами (около 51 % от всех способов совершения суицидальной попытки), нередко вследствие употребления лекарственных средств из домашней аптечки; на втором – нанесение самоповреждений (около 36 % от всех случаев).

Выделяют различные типы суицидов. Э. Дюркгейм разграничивал эгоистические, альтруистические и аномичные самоубийства [32]. Эгоистические самоубийства совершаются в результате гипертрофированной индивидуализации человека, когда взаимоотношения между ним и окружающим ослабевают, личность отстраняется от общественной жизни. Для альтруистического суицида характерно принесение себя в жертву во имя общественного долга или иной высокоморальной для человека цели (например, подвиг Матросова в годы Великой Отечественной войны). Аномичное самоубийство становится реакцией человека на творящееся беззаконие в периоды трансформации существующего уклада жизни.

М. Абрахам, развивая идеи Э. Дюркгейма, изучает два вида протестных (аномичных) самоубийств: публичный, совершенный преимущественно в общественных местах и привлекающий внимание к жертве; кумулятивный (массовый), в рамках которого индивиды совершают самоубийство в частном порядке, но поскольку их число велико и они порождают общее недовольство, общество вынуждено обращать на них внимание [2].

В. А. Тихоненко [3, 127] и А. Е. Личко [56] подразделяют суициды на истинные и демонстративные. По мнению исследователей, истинный суицид не бывает спонтанным, ему всегда предшествует депрессивное состояние или просто мысли об уходе из жизни, решение вызревает постепенно, составляется план действий. Демонстративное (демонстративно шантажное) поведение формируется на основе стремления привлечь к себе внимание, воздействовать на окружающих, как-то наказать их. Как правило, демонстративность проявляется соотвечствующими сигналами: прямое сообщение о суицидальных планах друзьям; оставление на видном месте прощальных записок, дневников; посты в социальных сетях; совершение суицидальных попыток в общественных местах, где возможна своевременная помощь, либо дома в момент возвращения родителей с работы; выбор «безопасных» способов (порезы рук, прием незначительной дозы снотвор-

ного). Однако нередко демонстративная попытка заканчивается завершённым суицидом.

Как правило, суицидальное поведение подростка формируется не в один момент и говорить об одной причине (факторе риска) было бы неверно. Однако значимое событие в жизни (конфликт с родителями, отвержение референтной группой, безответная любовь или расставание с любимым человеком, сексуальное насилие и т. д.) может подталкивать подростка к совершению самоубийства, поэтому предпочтительно говорить о психологических и внешних факторах, способствующих совершению самоубийства.

Э. Шнейдман, ведущий и наиболее известный американский суицидолог, основываясь на многолетних исследованиях, выделил общие черты суицида [135]:

целью всех суицидов является поиск решения (суицид является выходом из кризиса или невыносимой ситуации, это не случайное действие, его никогда не предпринимают бессмысленно или бесцельно; он является единственно доступным ответом на труднейшие вопросы «Как из этого выбраться? Что делать?»); цель каждого суицида состоит в том, чтобы найти решение стоящей перед человеком проблемы, вызывающей интенсивные страдания);

задачей всех суицидов является выключение сознания в целях прекращения состояния непереносимой душевной боли (суицидент – всегда страдающий человек, испытывающий невыносимые страдания, вызванные, разрывом межличностных отношений, психическим или физическим насилием, заболеванием, жизненными проблемами и др.);

стимулом при суициде является невыносимая душевная боль (если человек, имеющий суицидальные намерения, движется к прекращению сознания, то душевная боль – это то, от чего он стремится убежать; в этом смысле суицид – это бегство от нестерпимых чувств, невыносимой боли и неприемлемых страданий);

стрессором при суициде являются нереализованные, заблокированные психологические потребности (суицид не следует понимать как бессмысленный и необоснованный поступок – он кажется логичным совершающему его человеку на основании логических предпосылок, образа мышления и сосредоточенности на определенном круге проблем; он является реакцией на его неудовлетворенные психологические потребности);

суицидальной эмоцией является беспомощность-безнадежность («Я ничего не могу сделать (кроме совершения самоубийства) и никто не может мне помочь (облегчить боль, которую я испытываю)»);

внутренним отношением к суициду является двойственность переживаний (амбивалентность) (типичным для самоубийства становится

состояние, когда человек одновременно пытается покончить с собой и взывает о помощи, причем оба эти действия являются истинными и непритворными; человек чувствует потребность лишить себя жизни и одновременно желает спасения и вмешательства других);

состоянием психики является сужение эмоциональной и интеллектуальной сфер личности (синонимом сужения интеллектуальной сферы является «туннельное» сознание, заключающееся в резком ограничении выбора вариантов поведения (или – или); варианты выбора сужаются до альтернативы, при этом системы поддержки личности, например значимые люди, не столько игнорируются, сколько не помещаются в рамки «туннельного» сознания);

действием при суициде является бегство (оно отражает намерение человека уйти из зоны бедствия, где суицид является предельным, окончательным бегством; его можно предотвратить, закрывая выходы (например, отбирая у человека пистолет) или путем уменьшения силы потребности человека в уходе из жизни);

коммуникативным актом при суициде является сообщение о намерении (человек, намеревающийся совершить самоубийство, исподволь, сознательно или безотчетно подает сигналы бедствия: жалуется на беспомощность, взывает о поддержке, ищет возможности спасения; информирует окружающих о грядущем самоубийстве не враждой, яростью или уходом в себя, а именно сообщением о своих намерениях). Печально, что это сообщение далеко не всегда бывает услышано. Естественно, эти словесные сообщения и поведенческие проявления часто бывают косвенными, но человек внимательный в состоянии заметить их.

Асоциальное (аморальное) поведение. Употребление мата и криминального сленга («фени») является поведением, нарушающим нормы этики и нравственности. Согласно данным социологических исследований, около 80 % подростков ничего страшного не видят в употреблении так называемой ненормативной лексики, около 60 % сами употребляют нецензурные выражения [78, с. 98].

Среди подростков умение материться на бессознательном уровне считается признаком взрослости, а способность свободно «бтать по „фене“» – повышает «криминальный» авторитет в соответствующей референтной группе. Как правило, подростками нецензурная лексика используется в случае переживания сильных эмоциональных состояний (радость, возбуждение, восторг, агрессия, фрустрация); сопровождается драки, обиду, зависть, ненависть, плохое настроение, приближающийся экзамен и т. д. Мат преимущественно служит инструментом выражения отрицательных эмоций и негативных переживаний.

В настоящее время принято выделять следующие виды бродяжничества среди несовершеннолетних.

Истинные бродяги, для которых бродяжничество является главным источником существования, – это, как правило, сироты, а также дети, по разным причинам бежавшие из дома. Все они – лица без определенного места жительства (бомж). Первые побеги из дома дети совершают в возрасте от 7 до 9 лет. Чаще всего побеги из дому совершают подростки 10–13 лет. Подростки, склонные к побегу, обычно характеризуются такими чертами, как нестабильность поведения, повышенная возбудимость и эмоциональная незрелость. Неблагополучная семья, разногласия между родителями, алкоголизм родителей, насилие над ребенком, гиперопека над детьми выступают факторами, провоцирующими подростков к бродяжничеству. Истинное бродяжничество сопряжено с другими видами девиантного поведения – алкоголизмом, наркоманией, проституцией, воровством и т. п. При этом данная категория бродяг является разнощиком инфекционных заболеваний.

Профессиональные бродяги (нищие), для которых попрошайничество является средством зарабатывания денег и ведения «второй» социально адаптивной жизни, чаще всего стоят у «доходных» мест (церковь, рынок, подземный переход, оживленная улица) и находятся под контролем преступных группировок.

Ситуативные бродяги периодически прибегают к данному способу получения дополнительных материальных средств, изредка «подрабатывают». Как правило они имеют родителей (родителя), место жительства, учатся. Вместе с тем асоциальный образ жизни родителей, пьянство вынуждают подростка выходить на улицу в поисках дополнительных средств к существованию.

Существует разная классификация подростков, совершающих побеги из дома [84]. Очень часто их подразделяют на две группы: ушедших от кого-то или чего-то и ушедших к кому-то или к чему-то. Подростки первой группы не могут терпеть сложившуюся дома ситуацию, отношения с одним или обоими родителями. Подростки второй группы – это искатели удовольствий, которые стремятся туда, где им представится наибольшая свобода действий. По другой классификации подростки, убегающие из дома, делятся уже на три типа. Первый тип – это подростки, которые убегают от сложных взаимоотношений в семье, вызванных разного рода критическими обстоятельствами (трудность с финансами, уход одного из родителей или появление в семье отчима или мачехи). Второй тип – это беглецы от чрезмерного родительского контроля и чрезмерно жестких требований с их стороны. Третий тип – это подростки, убегающие от насилия (физического или сексуального).

По характеру реагирования подростков на стрессовые ситуации «бегунки» делятся по следующим уровням [84]. Подростки-беглецы первого уровня не испытывают большой отчужденности от других

членов семьи. Их побег – это реакция на какой-то отдельный факт или событие. Беглецы второго уровня уходят или от старой жизни, или бегут к новой жизни. Они полагают, что решение возникшей у них проблемы – уход из семьи. Такие подростки тяжелее переживают стрессовые ситуации и в отношении возвращения домой испытывают двойственное чувство: с одной стороны, они хотели бы вернуться, а с другой – боятся повторения того, из-за чего они сбежали. Беглецы третьего уровня уходят для того, чтобы начать новую жизнь. Они заранее планируют свой уход и намереваются уйти навсегда.

М. И. Буянов выделяет несколько основных мотивов побегов из дома [16].

Жажда приключений – так называемая сенсорная жажда, то есть потребность во множестве новых и ярких впечатлений. По этой причине из дома бегут дети инфантильные, безудержные фантазеры, любители приключений. Для них это своеобразная игра, в которую они и сами с удовольствием играют и могут увлечь других детей, более внушаемых. Часто такие подростки бродяжничают в поисках новых впечатлений, не желая учиться в школе, поскольку там от них требуется усидчивость и трудолюбие. В школе и дома им скучно, вот они и отправляются «в бега», ночуют на чердаках, вокзалах, в подвалах. Эти типы бродяжничества с полным основанием можно отнести к результатам педагогической запущенности. С приобретением жизненного опыта (годам к 18–20) они прекращаются.

Побеги в знак протеста встречаются значительно чаще. Причина таких побегов – протест против несправедливого, по мнению подростка, отношения к нему со стороны старших или сверстников. В результате подросток убегает из дома и школы. Такие формы протеста могут закрепиться, и побеги в дальнейшем могут совершаться в ответ на даже незначительные замечания или требования.

Бывает так, что в побеге подростков виноваты учителя: их неправильное поведение служит либо причиной, либо поводом к побегам школьников из школы и дома. Мотивом к такого вида побегов является «крик души».

Изгнанные – это подростки, которые просто вынуждены покинуть родной дом, так как их выгоняют родители.

Беглецы-исследователи ищут приключений, чтобы таким образом утвердить свою независимость. Они обычно покидают дом, оставляя записку. Если их не задерживают правоохранительные органы, они обычно сами возвращаются домой.

Искатели приятного общества – девушки, часто конфликтующие с родителями по поводу главного, с их точки зрения, вопроса – свиданий с молодым человеком. Это проявляется в многочисленных скандалах по поводу требований родителей раньше приходить домой либо не

посещать те или иные важные, по мнению девушек, увеселительные мероприятия. Они обычно тайком исчезают из дома, а потом так же незаметно возвращаются. Встречаются и другие варианты – девушки остаются на ночь у своего бойфренда, а утром звонят родителям и просят разрешения вернуться домой. Беглецы-шантажистки обычно имеют более серьезные и длительные конфликты с родителями по поводу домашних дел, круга друзей и выбора знакомых, поэтому они уходят из дома для того, чтобы заставить родителей принять их образ жизни.

Беглецы от проблем имеют еще более тяжелые и продолжительные конфликты и напряженные отношения с родителями со скандалами, битьем посуды и телесными повреждениями. В таких семьях постоянно ощущается угроза разрушения семьи. Большинство подростков из таких семей имеют многочисленные проблемы в школе, пытаются отключиться от них, употребляя наркотики или алкоголь.

Вандализм – бессмысленное уничтожение, разрушение, осквернение культурных и материальных ценностей.

Выделяют несколько типов вандализма, которые характерны и для взрослых, и для подростков: вандализм как способ приобретения (основной мотив разрушения – материальная выгода); вандализм как мщение (разрушение происходит в ответ на обиду или оскорбление); вандализм как выражение гнева (разрушительные действия объясняются чувством досады, переживанием неспособности достигнуть чего-либо и могут быть попыткой справиться со стрессом); вандализм как ответ на скуку (причина – желание развлечься; мотив – поиск новых впечатлений, острых ощущений, связанных с запретностью и опасностью); вандализм-исследование (цель разрушения – познание, желание узнать устройство механизма); вандализм как средство самоутверждения, изучения возможностей своего влияния на общество, привлечение внимания к себе [46].

Наиболее распространенной формой подросткового вандализма являются граффити (от ит. *graffiti* – древние надписи, главным образом бытового характера, рисунки, нацарапанные на стенах зданий, сосудах и т. п.). Такая современная «настенная живопись» выполняется разными способами – шариковой ручкой, маркерами, карандашами, краской, мелом, иногда вырезается ножом, выцарапывается острым предметом или даже выбивается. Граффити, содержащие разнообразные сообщения, ругательства, рисунки, изречения и символы, можно встретить не только на стенах домов или заборах, но и в транспорте, на столах в аудиториях учебных заведений и классах школ, на скамейках в парках, иногда на деревьях или асфальте. В настоящее время граффити наносят ощутимый ущерб городской среде.

Противоправное поведение несовершеннолетних. Доля преступности несовершеннолетних в общей массе криминала относительно невелика (рис. 2). В период БССР она составляла 10–15 % (например, в

1971 г. – 12,8 %, 1981 г. – 15 %). В Республике Беларусь преступность несовершеннолетних постепенно снижается. Так, если в 2005 г. она составляла 8,2 %, то уже в 2016–2018 гг. снизилась до 3–3,5 %.

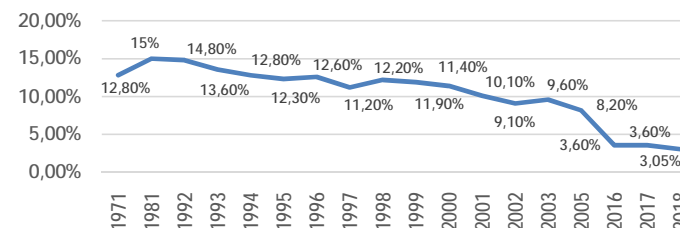

Рис. 2. Доля преступности несовершеннолетних в общей структуре преступности

Наиболее часто несовершеннолетние преступники совершают кражи, далее следуют хулиганство и незаконный оборот наркотиков (более 75 % от числа всех совершаемых указанной категорией лиц преступлений), далее идут грабеж, угон транспортных средств (табл. 1).

Таблица 1

Основные виды преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии

Преступление	Год			
	2014	2015	2016	2017
Убийство и покушение на убийство	8	6	10	3
Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения	18	17	15	9
Изнасилование и покушение на изнасилование	7	7	6	4
Кража	1 396	1 465	1 219	1 021
Грабеж	118	81	91	83
Мошенничество	44	26	42	40
Хулиганство	260	353	323	310
Угон транспортного средства	108	107	77	63
Хищение путем использования компьютерной техники	38	38	48	53
Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств,	464	526	263	157
в том числе с целью сбыта	128	219	108	81

В последние годы особую остроту приобретают преступления, связанные с незаконным изготовлением, приобретением, хранением, перевозкой, пересылкой или сбытом наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. С 2015 г. в стране снижена возрастная граница по уголовной ответственности для несовершеннолетних, обвиняемых в распространении наркотических средств (с 16 до 14 лет). В том же году впервые в Беларуси преступления несовершеннолетних, связанные с незаконным оборотом наркотиков, вышли на второе место в списке преступлений, совершенных подростками. Резко выросло число подростков, совершивших преступления в состоянии наркотического возбуждения, что связано с распространением среди подростков курительных смесей – спайсов. При этом существенно уменьшилось совершение преступлений несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения [83, с. 54].

В Республике Беларусь функционирует одна воспитательная колония, в которой отбывают наказание осужденные, совершившие преступление в несовершеннолетнем возрасте. В 2000–2007 гг. в трех воспитательных колониях отбывали наказание 2 000–2 200 человек. В 2017 г. в исправительном учреждении «ВК–2» г. Бобруйска содержались 269 человек (на 3,6 % меньше, чем в 2016 г.), а к концу 2018 г. – 240 осужденных. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика осужденных к лишению свободы, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, представлена в табл. 2.

Таблица 2

Характеристика осужденных воспитательной колонии № 2

Уголовно-правовая и криминологическая характеристика	Статья УК	Количество осужденных
Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов	328	96
Кража (в совокупности с более тяжкими статьями 18 человек)	205	65
Грабёж	206	7
Разбой	207	19
Мошенничество	209	1
Изнасилование и насильственные действия сексуального характера (мужеложство, лесбиянство, совершенные вопреки воле потерпевшего (потерпевшей))	166, 167	13
Убийство	139	10
Умышленные тяжкие телесные повреждения	147	7
Хулиганство	339	25

Уголовно-правовая и криминологическая характеристика		Статья УК	Количество осужденных
Срок наказания			
До 1 года – 9 осужденных		От 5 лет до 10 лет – 97 осужденных	
От 1 года до 3 лет – 93 осужденных		От 10 до 15 лет – 9 осужденных	
От 3 лет до 5 лет – 32 осужденных		Свыше 15 лет – нет осужденных	
Количество раз отбывают наказание в местах лишения свободы			
1-й раз – 236 осужденных		2-й раз – 4 осужденных	

Распространенность преступности несовершеннолетних по регионам Беларуси по итогам 2017 г. следующая: на первом месте Гомельская область (19 %), на втором – Минск (18,5 %), далее следуют Минская (16,5 %), Брестская (15 %), Могилевская (10,3 %), Витебская (11,7 %), Гродненская (9 %) области.

Интенсивность преступлений несовершеннолетних в городах по сравнению с сельской местностью выше. В данном случае немаловажную роль играет встречная миграция совершающих преступления несовершеннолетних (городские – во время сельхозработ, отдыха на селе; сельские – при проведении досуга в городе). Выборочные исследования показывают, что четыре из пяти преступлений совершаются несовершеннолетними вблизи от места жительства, учебы, работы. Около 50 % из них совершаются после 22.00. Доля рецидива в структуре преступности несовершеннолетних составляет 10–15 %, что намного ниже, чем среди взрослых.

Преступность несовершеннолетних всегда носила групповой характер (около 50 %). Доля групповых преступлений, совершаемых несовершеннолетними, примерно в 1,5–5 раз выше аналогичного показателя взрослой преступности. Наиболее часто преступные группы несовершеннолетних состоят из 2–3 человек. При этом большинство групп организуется, не имея четкой структуры и цели и не для совершения преступлений, они лишь отражают естественное стремление к общению и совместному проведению свободного времени [44].

Как правило, несовершеннолетние преступники – лица мужского пола (88 %). Так, в 2017 г. из 1 716 выявленных несовершеннолетних преступников – 1 516 мужчины. ³/₄ всех несовершеннолетних совершают преступления в возрасте 16–17 лет.

Более половины осужденных к лишению свободы, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, воспитывались в полной семье. 74 % несовершеннолетних осужденных проживали в городе, 26 % – в сельской местности.

Начало преступной деятельности подростков (70 % общего числа) приходится на возраст 10–13 лет, а не 14–15, как это принято традиционно считать [83, с. 54]. Большинство несовершеннолетних до совершения преступления уже состояли на учете в органах внутренних дел, а часть из них содержались в специальных учебно-воспитательных учреждениях (специальные школы и профессионально-технические училища закрытого типа) для правонарушителей.

Свободного времени у несовершеннолетних правонарушителей в 2–3 раза больше, чем у их законопослушных сверстников. Подросток должен быть постоянно чем-то занят. По мере увеличения свободного времени его интересы деформируются и приобретают негативный оттенок, от безделья его тянет к опасным приключениям с асоциальным уклоном. Из числа подростков, имеющих 2–3 ч свободного времени, на учете в инспекции по делам несовершеннолетних (ИДН) состоят 18 %, но если это уже 5–7 ч, то на учете появится больше половины подростков с девиантным поведением – до 53 % [53, с. 195].

2. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

2.1. Психолого-педагогические особенности личности несовершеннолетнего правонарушителя

Постановка психолого-педагогических задач, а также выработка способов педагогической профилактики противоправного поведения подростков требует изучения психологических свойств личности, обуславливающих социально-правовое поведение (преступное и правомерное).

Современный несовершеннолетний преступник – это преимущественно юноша в возрасте 16–17 лет, по национальности белорус, проживающий в городской местности, чаще всего из полной семьи, поддерживающий связь со своими родителями, живущий за счет их материальной поддержки, учащийся общеобразовательного учебного заведения, пропускающий занятия, проводящий все свое свободное время в компании друзей, не участвующий в общественной жизни, ранее не судимый, совершавший противоправные поступки с детского возраста (12–13 лет), совершивший умышленное преступление корыстной направленности с целью удовлетворения своих материальных потребностей либо насильственной направленности из хулиганских побуждений, считающий назначенное наказание справедливым, полностью раскаивающийся в совершенном преступлении, с назначенным сроком лишения свободы более года, с потребительскими чертами характера, безответственный, имеющий невысокий уровень культурного и интеллектуального развития, посредственно характеризующийся по месту учебы и жительства, агрессивный, склонный к риску, лживый, конфликтный, мстительный, циничный, злоупотребляющий спиртными напитками, иногда употребляющий наркотические или токсические вещества, с холерическим типом темперамента, импульсивный, невыдержанный, несамокритичный, слабовольный, страдающий перепадами настроения, склонный к дисфории, неадекватный в оценке ситуации [83, с. 61].

Несовершеннолетние чаще совершают преступления агрессивно-импульсивного характера. Их возрастные особенности не всегда играют решающую роль в мотивации преступного поведения, они могут лишь усилить восприятие отрицательного влияния. Самоутверждение

через насилие – типично подростковая мотивация. У несовершеннолетних возникают такие мотивы преступления, которые заставляют их доказывать определенной группе лиц свою значимость. Мотивация самоутверждения подростков проявляется в формах ложного чувства товарищества, агрессии к чужакам вследствие низкой культуры проведения досуга. Основными мотивами преступлений несовершеннолетних являются эгоистически-потребительские, которые направлены на удовлетворение желаний завладеть «модными» предметами. По данным мотивам совершается более половины всех преступлений несовершеннолетних. Хулиганство и некоторые другие преступления ими совершаются чаще всего в драках, происходящих в результате групповой конфликтности или в состоянии алкогольного опьянения для того, чтобы завоевать авторитет в группе, закрепиться в ней. Некоторые насильственные преступления подростков носят характер вандализма, особенно при массовых беспорядках футбольных фанатов, когда орудует небольшая, но спаянная группа несовершеннолетних [83].

Значительной части несовершеннолетних преступников присуще такое качество, как отчуждение, то есть нахождение личности на определенной дистанции от общества и семьи. Отчужденность порождает особую взаимосвязь между субъектом и окружающей его средой: он противопоставляет себя как отдельным индивидам, так и обществу в целом. Вследствие такой самоизоляции, ухода в себя наблюдается неприятие несовершеннолетним общественных норм и требований, враждебное к ним отношение. Отчужденность выступает в качестве фактора, затрудняющего эмпатическую идентификацию подростка с другими людьми и тем самым способствующего совершению противоправных действий по отношению к ним [83].

К наиболее распространенным преступлениям, совершаемым несовершеннолетними, относятся кражи. Если в возрасте 8–11 лет воровство чаще всего связано с тем, что волевая сфера у детей развита недостаточно (ребенок хочет обладать какой-либо вещью и справиться с этим соблазном ему не удастся), то в 12–15 лет кражи совершаются осознанно. Есть множество причин, из-за которых дети начинают воровать (удовлетворение естественной потребности в пище, вещах первой необходимости; употребление запрещенных для их возраста алкогольных напитков, табака; владение престижными вещами, которые родители не в состоянии приобрести; месть и др.). Вместе с тем одна из самых распространенных причин воровства – желание самоутвердиться в среде сверстников, проверить границы дозволенного, испытать новые острые ощущения или привлечь к себе внимание. Часто такие подростки не получают в достаточной степени родительской заботы и

внимания. Как правило, кражи осуществляется без тщательной подготовки и планирования.

В Минске 11-летний школьник за четыре месяца похитил у своего отца свыше 10 тыс. рублей, которые потратил на покупку велосипеда, iPhone и спортивный инвентарь. Двум друзьям подарил клетку и трех хомячков. Еще одному другу передал 600 белорусских, на которые мама друга купила телевизор. Школьники ежедневно катались на аттракционах в парке развлечений и несколько раз в день ходили в McDonald's.

Уголовное дело против школьника не возбуждалось, в связи с не достижением возраста уголовной ответственности. Однако в отношении родителей составлены административные протоколы по статье о невыполнении родителями обязанностей по воспитанию детей¹.

В 2017 г. в республике 1 021 подросток совершили кражи; в 2018 г. 65 несовершеннолетних отбывали за данное преступление наказание в виде лишения свободы.

Грабежи несовершеннолетними совершаются крайне редко. Например, в 2017 г. было совершено 83 подобных преступления с участием подростков. В воспитательной колонии отбывают наказание 19 осужденных. Как правило, открытое похищение имущества осуществляется в состоянии алкогольного опьянения, спонтанно, без подготовки и планирования противоправного деяния.

21 апреля 2018 г. около 04.00 пьяный несовершеннолетний из Минского района зашел в столичный магазин на проспекте Победителей. Он взял бутылку водки и пива и направился к выходу. Продавец магазина заметила парня, позвала на помощь коллегу и удерживала дверь. Но подростку удалось убежать. Следом за ним выбежал охранник. Молодого человека задержали и доставили в ИДН в местное РУВД.

В отношении подростка возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 14 (покушение на преступление) и по ч. 1 ст. 206 (грабеж) УК Республики Беларусь.

Парень учился в одном из столичных колледжей, состоял на учете в ИДН. Ранее неоднократно привлекался к административной ответственности, в том числе за распитие спиртных напитков в общественном месте. Сотрудниками ИДН Минского РУВД решается вопрос о его направлении в специализированную школу закрытого типа.

Одним из наиболее опасных видов преступлений является убийство. Личности несовершеннолетних убийц присущи такие качества, как

¹ Здесь и далее примеры взяты из материалов уголовных дел, судебно-психологических, судебно-психиатрических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз.

склонность к риску, низкий уровень самоконтроля, импульсивность и эмоциональная неустойчивость, неадекватная самооценка, ригидность и внушаемость, сильная потребность в самоутверждении. Для несовершеннолетних, совершивших убийства, характерны враждебность и агрессивность к другим людям, сверстникам и близким людям, абсолютно незнакомым гражданам.

В 2018 г. в воспитательной колонии республики отбывали наказание в виде лишения свободы 10 человек, совершивших убийство в несовершеннолетнем возрасте.

16-летний Александр Г. друзьями и учителями характеризовался как спокойный, уравновешенный, дружелюбный. Согласно заключению психиатра у подростка имелось психическое заболевание в форме диссоциального расстройства личности.

Отец оставил семью, когда сыну было 3 года, проживает в другом городе с новой семьей. Участия в воспитании сына не принимал. Мать, когда Саше было 5 лет, уехала на заработки в другую страну, периодически звонила по телефону, присылала деньги. Воспитывался бабушкой и дедом, которые обеспечивали высокий материальный достаток в семье. Проживали в собственном доме. Опекуну заботились о единственном внуке, контролировали успеваемость, воспитывали в строгости и послушании. Между ними и внуком сложились конфликтные отношения, Александр периодически их обманывал, воровал деньги. Бабушка часто ругала его за низкую успеваемость в школе, прогулы. В день совершения преступления бабушка во время разговора с матерью Александра с использованием программы «Скайп» оскорбляла внука и била его кулаком по голове.

Соседи характеризовали бабушку Александра как скандальную и взрывную. Классный руководитель охарактеризовала семейные отношения с положительной стороны, при этом указывала на отсутствие предвзятого отношения со стороны бабушки и деда. О наличии психологических проблем у ученика осведомлена не была.

Вечером во время ссоры, возникшей из-за невыполненного школьного задания, Александр, взяв на кухне нож, стал наносить бабушке удары в область спины. Прибежавшему на крики в комнату деду стал наносить удары ножом в область головы и шеи. Бабушка в это время выбежала из комнаты и попыталась по телефону из кухни вызвать милицию. Чтобы помешать ей, внук нанес несколько ударов ножом, от которых она упала. Догнав на улице убежавшего деда, нанес ему несколько ударов совком по голове, завел назад в дом, взял топор из сарая, нанес ему несколько ударов лезвием топора по голове.

На следующее утро орудия преступления и одежду, которая была на нем во время преступления, упаковал в пакеты, отнес к железнодорожному мосту и выбросил в реку. Соседям Александр сказал, что на их дом напали грабители в масках, которые требовали клад, а затем убили бабушку и деда.

Во время следствия Александр утверждал, что преступление совершил спонтанно, заранее к нему не готовился, основанием послужила сильная

злость на погибших, поскольку они его сильно и часто ругали, оскорбляли. Не думал о последствиях, когда начинал наносить удары. В судебном заседании достоверно установлено, что около 23.00 обвиняемый Александр Г. умышленно нанес бабушке не менее 16 ударов ножом, а деду не менее 27 ударов ножом, совком и топором в различные части тела, в том числе жизненно важные.

Судебная коллегия признала Александра виновным в умышленном противоправном лишении жизни двух лиц, совершенном с особой жестокостью, и на основании п. 1, 6 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь назначила наказание в виде лишения свободы сроком на 12 лет в воспитательной колонии.

Несовершеннолетние совершают сексуальные преступления чаще всего против половой неприкосновенности сверстниц и сверстников, редко малолетних лиц или женщин намного старше себя. Часто несовершеннолетние совершают изнасилование группой лиц. Подростки не так стремятся к сексуальному удовольствию, сколько к самоутверждению в глазах друг друга, наслаждению от издевательств над другими, глумления над незащищенной жертвой. Нередко подросток принимает соучастие в изнасиловании под влиянием сверстников, опасаясь, что отказ будет воспринят как трусость, а это послужит основанием для изгнания из группы. Если же изнасилование совершено одним подростком, то, как правило, потерпевшей являлась лицо, которое в силу определенных особенностей не в состоянии было адекватно оценить виктимную ситуацию (малолетние девочки, женщины, находящиеся в беспомощном состоянии в силу, например, алкогольного опьянения, психического заболевания, возраста и др.). В большинстве случаев сексуальные насильники являлись знакомыми потерпевшей или потерпевшего.

Александр Д. (16 лет) воспитывался в неблагополучной семье, успеваемость в школе была крайне низкая, часто пропускал занятия. Друзей не имел, испытывал к себе враждебное отношение со стороны сверстников.

В первой половине дня, находясь наедине со своей двоюродной сестрой Анастасией Д. (19 лет), являющейся инвалидом I группы с детства (тяжелая умственная отсталость), использовал ее беспомощное состояние, вопреки воле потерпевшей, которая не могла понимать характер и значение совершаемых с нею действий и не могла оказывать сопротивление, вступил с ней в половое сношение в естественной форме.

Через несколько месяцев мать Анастасии заметила у дочери признаки беременности. В ходе следствия и судебного разбирательства Александр полностью признал свою вину.

Суд приговорил Александра Д. виновным в совершении полового сношения вопреки воли потерпевшей, с использованием беспомощного состояния потерпевшей, и назначил наказание по ч. 1 ст. 166 УК Республики Беларусь в виде лишения свободы сроком на 3 года и 1 месяц с отбыванием наказания в воспитательной колонии.

Психологические особенности личности сексуальных насильников характеризуются такими чертами, как низкая чувствительность в межличностных контактах (черствость), отсутствие склонности к рефлексированию и способности поставить себя на место другого, отсутствие доверия к людям, эмоциональная неуравновешенность, мнительность, раздражительность, агрессивность и др.

В 2018 г. в воспитательной колонии Бобруйска отбывали наказание в виде лишения свободы 13 осужденных, совершивших изнасилование и насильственные действия сексуального характера (в том числе мужеложство) в несовершеннолетнем возрасте.

Несовершеннолетние Алексей Х. и Артем П. (обоим по 17 лет), находясь в состоянии алкогольного опьянения, по предварительному сговору, реализуя совместный единый преступный умысел, направленный на удовлетворение своей половой страсти с применением физического насилия, в конце апреля около 20.30 в безлюдном месте остановили одноклассницу, несовершеннолетнюю Екатерину О. и предложили ей вступить с ними в интимную связь. Девушка отказалась и попыталась убежать. Догнав ее, удерживая девушку за одежду, подталкивая руками сзади вперед себя, привели ее в лесопарковую зону города. Действия молодых людей вызывали чувство страха и психологически подавляли волю потерпевшей оказать какое-либо сопротивление. Алексей против воли потерпевшей завел руки Екатерины за спину, насильственно удерживал ее в таком положении, чтобы подавить ее активное сопротивление и облегчить действия Артема, который в это время снял с потерпевшей одежду. Поочередно совершили половое сношение в естественной форме, причинив потерпевшей легкие телесные повреждения.

По возвращении в общежитие Екатерина обо всем рассказала дежурному педагогу по колледжу, была вызвана милиция.

Алексей в ходе следствия пояснил, что действительно удерживал против воли Екатерину, помогая Артему изнасиловать девушку. После окончания насилия товарищем, вступил с ней в половые сношения. При этом считал, что потерпевшую не насилует, так как «она не сопротивлялась». Обвиняемый Артем вину не признал, показал, что половое сношение с Екатериной было по обоюдному согласию, насилия не было, при этом рядом никого, в том числе Алексея, не было.

Алексей страдает легкой умственной отсталостью, несмотря на это способен понимать происходящее, критически оценивает ситуацию, свои действия и может прогнозировать их последствия. Артем имеет социализированное расстройство поведения, синдром зависимости от алкоголя (хронический алкоголизм). Алексей воспитывался в полной семье, Артем – матерью и ее сожителем.

Суд обоим признал виновными в половом сношении вопреки воле потерпевшей с применением насилия (изнасилование), совершенном группой лиц, заведомо несовершеннолетней и на основании ч. 2 ст. 166 УК Республики Беларусь назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет каждому с отбыванием наказания в воспитательной колонии.

В последние годы все чаще несовершеннолетние привлекаются к ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (ст. 328 УК Республики Беларусь). По данной статье в 2018 г. в воспитательной колонии республики отбывали наказание 96 осужденных.

Доступ к наркотикам стал намного проще, так как любой подросток, умеющий пользоваться современными гаджетами может как приобрести, так и распространять самые различные виды наркотических средств, не имея при этом специальных знаний и связей в преступной среде. Особую опасность представляет возможность анонимного приобретения и распространения наркотических средств и психотропных веществ с использованием сети Интернет. При этом многие подростки не употребляют наркотики, а лишь ищут способ «легкого» заработка, выполняя функцию распространителей. В интернете на специальных сайтах представлено огромное количество видов наркотических средств (курительные смеси «спайсы», синтетические наркотики, так называемые соли, шоколад, различные реагенты, запрещенные в Беларуси), с полным их описанием, которые можно легко приобрести, оплатив товар через электронные кошельки или переведя деньги на счет карты, указанной для покупки и получения товара.

Наиболее распространенный сегодня способ сбыта наркотических средств – оставление их в тайниках, так называемых закладках. Это бесконтактный способ сбыта, при этом координация действий и обмен информацией между участниками и заказчиком осуществляются посредством телекоммуникационных сетей и мобильных приложений (Telegram, Viber, WhatsApp, Jabber¹ и т. д.).

Несовершеннолетний Геннадий А. (16 лет) воспитывался в полной семье с высоким уровнем материального достатка. В школе учился на «хорошо» и «отлично», занимался в различных секциях, увлекался исторической литературой. В 15 лет в компании пристрастился к употреблению наркотиков. Систематически приобретал без цели сбыта особо опасные психотропные вещества посредством сети Интернет, используя программы Skype и Vipole.

В 2016 г. на основании ч. 1 ст. 328 УК Республики Беларусь приговорен к 3 годам лишения свободы.

¹ В приложении WhatsApp используется функция сквозного шифрования, с помощью которой никто другой не может прочитать отправленные сообщения, в том числе и компания WhatsApp. Еще более мощная защита информации используется в приложении Telegram. Данное приложение имеет функцию «секретного чата», сообщения в нем удаляются автоматически в зависимости от времени, установленного самим пользователем программы. На серверах Telegram переписка также не сохраняется. Таким образом, информация, передаваемая между соучастниками незаконного оборота наркотиков, надежно защищена и недоступна для правоохранительных органов.

Анализ уголовных дел несовершеннолетних, осужденных за незаконный оборот наркотических средств, позволяет классифицировать их по трем основаниям: подростки – наркоманы, зависимые от ПАВ, приобретающие наркотические вещества или их аналоги для личного потребления; подростки – наркоманы, зависимые от ПАВ, приобретающие наркотические вещества или их аналоги для личного потребления, а также распространяющие запрещенные вещества с целью получения денежных средств для их приобретения; 3 подростки, не употребляющие наркотики, распространяющие запрещенные вещества ради получения материальной выгоды.

Обвиняемые Максим М. и Василий С. (обоим по 17 лет) воспитывались в неполных семьях, ранее к уголовной или административной ответственности не привлекались. Зависимость от ПАВ отсутствует. Из корыстных побуждений, вступили в созданную в неустановленное время неустановленным лицом устойчивую, управляемую организованную группу для незаконного оборота особо опасных психотропных веществ через сеть Интернет, в состав которой неустановленное лицо, являющееся организатором, также вовлекло иных лиц и осуществляло руководство их деятельностью.

В соответствии с преступным планом и распределением ролей в ходе осуществления преступной деятельности неустановленное лицо распространяло запрещенные к обороту психотропные вещества, используя программы для мгновенного обмена сообщениями посредством сети Интернет с функцией шифрования входящего и исходящего трафика Telegram и Vipole для связи с собой и потребителями. Денежные средства неустановленное лицо получало путем их зачисления через платежные терминалы, почтово-денежные и банковские переводы на подконтрольные электронные кошельки электронных платежных систем, зарегистрированных на иных лиц. Распространение наркотиков осуществлялось бесконтактным способом через потайные места, специально определенные для скрытого и долговременного хранения, после их оплаты.

Несовершеннолетние Максим М. и Василий С. в течение месяца осуществили не менее 20 «закладок» для дальнейшей продажи. В этих целях они приобрели оптовую партию особо опасных психотропных веществ (гашиш и альфа-PVP), затем занимались их дроблением, фасовкой, раскладкой с применением географических координат. В ходе судебного разбирательства подростки вину признали частично, не признав в своих действиях такие квалифицирующие признаки, как действие в составе организованной группы.

Суд признал Максима М. и Василия С. виновными в приобретении, хранении и сбыте особо опасных психотропных веществ, совершенных организованной группой, и на основании ч. 4 ст. 328 УК Республики Беларусь назначил наказание в виде 10 лет лишения свободы с отбыванием наказания в воспитательной колонии.

Современное состояние науки позволяет утверждать о наличии криминогенных склонностей личности, которые детерминируют преступное поведение.

Методологическим основанием оценки свойств личности, обуславливающих противоправное поведение подростка, выступает концепция криминогенных склонностей и антикриминальной устойчивости личности, разработанная профессором А. Н. Пастушенной [67, 68, 72, 73]. Криминогенная склонность личности представляет личностную predisposition (допустимость) совершения определенного вида преступления при определенных условиях, то есть выступает личностной predisposition потенциально возможного преступного поведения индивида.

Совершение индивидом преступного деяния обусловлено личностными predispositionами, которые представляют собой совокупность определенных свойств, выражающих криминогенную потенцию (склонность) личности как присущую ей внутреннюю возможность или необходимость и возможность совершения преступного деяния при определенных условиях. Личностные predispositionы противоправного поведения могут выражаться не только в наличии определенных психологических свойств, но и в отсутствии тех свойств, которые выступают внутренними детерминантами правомерного поведения и антикриминальной устойчивости, а именно в отсутствии личностных запретов, барьеров, установок на недопущение противоправных действий.

Личностные predispositionы преступного поведения могут иметь различную степень выраженности: высокая степень проявляется в совершении преступного деяния по собственной инициативе, а низкая – в совершении преступления при определяющем влиянии внешних условий (условия жизни, обстоятельства ситуации, поступки и воздействие других людей).

В совокупности психологических свойств, выражающих личностные predispositionы преступного поведения, имеются свойства, выполняющие роль системообразующего ядра криминогенной склонности личности (наиболее существенные), и свойства, способствующие реализации функций этого ядра в порождении противоправного деяния. Эти свойства детерминируют содержание таких основных элементов психологического механизма преступления, как восприятие внешних условий (социальная перцепция), мотивообразование, целеполагание и исполнительная регуляция.

Социальная перцепция представляет собой восприятие и оценку субъектом внешних условий и своего положения в этих условиях. Содержание восприятия и оценка ситуации, в которой совершается преступление, порождают определенные знания, представления, ожида-

ния, эмоционально-оценочные установки, ценностные ориентации и отношения личности. Побуждения, вызванные неадекватной в нравственном и юридическом плане оценкой внешних условий, выступают детерминантами преступного поведения. К ним относятся: преувеличенно отрицательная оценка действий других людей как несущих вред для самого субъекта и значимых для него людей (превышение пределов необходимой обороны); искаженная оценка внешних условий как благоприятных для достижения цели; неадекватно отрицательная оценка собственных возможностей как не позволяющих удовлетворить определенные жизненные потребности правомерным способом (украл, ибо считал, что никогда не сможет заработать); искаженные представления о социальной приемлемости (допустимости) и распространенности совершения определенных видов противозаконных деяний (так все делают).

Мотивообразование – возникновение побуждения к активности, совершению действий или воздержанию от действий. Мотивацию порождают потребности, влечения, притязания, ценностные ориентации, чувства, отношения. В механизме преступного поведения ведущая роль отводится следующим гипертрофированным потребностям: гипертрофированные аморальные влечения (алкоголизм, наркомания, пристрастие к играм на деньги, дракам, потребность в систематических развлечениях аморального характера, половая распущенность); гипертрофированные потребности (притязания), уровень которых явно завышен, не соответствует индивидуальным или социальным возможностям обеспечения их правомерного удовлетворения и при этом явно превышает социально средний или жизненно необходимый уровень (неадекватно завышенные притязания материального характера в обеспечении материального достатка, приобретение дорогостоящего имущества, услуг, дорогостоящие развлечения и т. д.); гипертрофированная потребность властвования над другими людьми (например, над представителями определенных социальных групп), доминирования в межлических отношениях, которое проявляется в деспотизме, чрезмерной подозрительности и враждебности; чрезмерно завышенные притязания в достижении престижного статуса в группе или определенной общности людей (известность, влияние), самовыражении; потребность в разрядке устойчивых отрицательных эмоциональных состояний (устойчивые переживания чувств отчужденности, тревоги, неполноценности, мести, обиды, зависти, озлобленности, агрессивности); острое переживание отрицательного чувства по отношению к людям, социальным группам, государственным и общественным институтам и другим социальным ценностям; потребность в социально отчужденном образе жизни, приобщение к группе противоправной направленности, приобретение авторитета среди лиц, совершающих преступления. В такой

среде они находят возможность самовыражения, удовлетворения потребности в общении, персонализации.

В исполнительной регуляции реализуются способности, умения, навыки, привычки, стереотипы. Этот процесс поддерживается волевыми усилиями субъекта.

Целеполагание (цель преступного деяния) – желаемый результат, неразрывно связанный с противоправным способом его достижения. Принятие преступной цели и способа действий определяют представления, предубеждения, отношения, касающиеся преступных способов, личностные нормы (правила) и поведенческие установки.

Центральным (системообразующим) элементом в механизме преступного поведения выступает принятие криминальной цели и неразрывно связанного с ней преступного способа действий, что представляет собой формирование у индивида криминальной целевой установки (решимость совершить определенные преступные действия или разрешение сложившейся проблемной ситуации). Эта криминальная целевая установка по сути представляет собой преступный умысел.

Другие такие элементы механизма, как восприятие, оценка ситуации, имеющей отношение к преступлению, и мотивация, обуславливают принятие криминальной цели-способа, а исполнительная регуляция обеспечивает ее реализацию.

В соответствии с этим подходом в структуре криминогенной склонности необходимо выделить: во-первых, психологические свойства личности, которые обуславливают принятие преступной цели-способа, во-вторых, свойства, обуславливающие такую оценку ситуации и такие побуждения (мотивы), которые способствуют принятию именно данной преступной цели и способа, в-третьих, свойства, позволяющие реализовать принятую криминальную цель.

Системообразующее ядро криминогенной склонности представляют психологические свойства личности, которые определяют принятие преступной цели-способа. Характеризуя эти свойства наиболее общим понятием, можно сказать, что они выражают личностную приемлемость преступного способа и соответствующей ему криминальной цели.

Личностную приемлемость преступного способа действий и собственно самого криминального деяния определяют психологические свойства на различных уровнях психической деятельности: интеллектуальном (на основе обдумывания и расчета), эмоциональном (по воле чувств), установочно-поведенческом (в силу привычки).

В качестве свойств, выражающих приемлемость преступного способа, могут выступать преобладающе положительные представления о преступном способе; преобладающе положительное отношение к преступному способу и его личному использованию; криминальная лич-

ностная норма; криминальная поведенческая установка; криминальное влечение; криминогенное самосознание.

Преобладающе положительные представления о преступном способе выражают видение индивидом в преобладающей мере его положительных сторон, в том числе позитивное видение его результата и последствий. Преступный способ может представляться, например, как быстрый, эффективный, не требующий больших затрат, единственно возможный, используемый многими и т. д. Положительные представления о преступном способе включают и доминирование в сознании представления о достижимости желаемого результата и благоприятных последствий. При этом индивид осознает определенные отрицательные стороны преступного способа, а также возможность отрицательных последствий, в том числе привлечения к уголовной ответственности. Однако эти отрицательные представления в сознании не доминируют в его субъективном образе. В результате таких представлений преступный способ приобретает преобладающе положительное значение как позволяющий обеспечить удовлетворение некоторой потребности или разрешение определенной проблемной ситуации.

Преобладающе положительное отношение к преступному способу и его личному использованию может быть абстрагированным, когда индивид видит в нем положительные стороны, одобряет его использование другим человеком, но при этом не испытывает положительного отношения к его личному использованию. В связи с этим наряду с положительным отношением к преступному способу существенное значение для его личностной приемлемости имеет положительное отношение и к его личному использованию (это более высокий уровень его сформированности). Положительное отношение к преступному способу (как и отрицательное) может быть сформировано не только на основе интеграции представлений о нем, но и более непосредственно – на основе внушения, подражания примеру, стимулирования криминальных действий (например, одобрение сверстниками), самостимулирования при удовлетворении преступным путем потребности, а также в результате психологической защиты самооправдания, приводящей к позитивной переоценке собственных действий.

Криминальная личностная норма представляет собой усвоенное субъектом правило либо решение действовать определенным криминальным способом или выражает субъективную допустимость совершения таких действий при определенных обстоятельствах, проблемных ситуациях или для удовлетворения определенной потребности. Эта личностная норма представляет более высокую степень готовности к противоправному поведению при определенных условиях, поскольку в ней потенциально содержится криминальное намерение при определенных условиях.

Криминальная поведенческая установка выражается в потенциальной готовности к совершению определенных преступных действий при актуализации некоторой потребности или при определенных условиях. Она отличается от криминальной нормы операциональной освоенностью таких действий в результате их предшествующего неоднократного совершения. Это определяет ее более конкретное содержание как внутреннего регулятора действий (что и как надо делать), снижает сдерживающие психологические барьеры неиспробованности, непривычности, опасности и в целом выражает более высокую готовность к преступному деянию.

Криминальное влечение представляет собой установку на совершение определенных преступных действий, сочетаемую с потребностью в их совершении, предмет которой заключается в благоприятных для субъекта переживаниях от самого процесса совершения: этот процесс приносит сильные положительные эмоции (удовольствие, радость успеха, азарт, облегчение и др.).

Каждый из приведенных видов психологических свойств представляет собой более высокую степень зрелости личностной приемлемости преступного способа действий.

Субъективная приемлемость преступного способа действий, в том числе его вынужденная допустимость, обусловлена также и особенностью самосознания личности, которая неразрывно связана с наличием указанных криминогенных свойств. Эта особенность самосознания выражается в принятии себя в роли субъекта приемлемого противоправного деяния, то есть в позитивном отношении к себе в этой роли. Такое отношение выражает криминогенное самосознание и может иметь различный смысловой и эмоциональный оттенок – от чувства гордости собой до оправдания себя в связи с пониманием, что преступное деяние является делом недостойным, но вынужденно необходимым.

Лица, имеющие склонность к совершению определенных преступных деяний, как правило, достаточно хорошо информированы о их наказуемости и относительно высокой раскрываемости. Наличие таких представлений, однако, не выступает для них существенным фактором неприятия преступного способа. Первостепенное значение имеет другой фрагмент субъективного отражения результата и последствий, в котором наиболее четко проявляется отличие лиц, имеющих криминогенную склонность, от законопослушных лиц. Это отличие заключается в разных акцентах субъективной представленности результата и последствий совершения противоправных действий: что выходит на первый план в их образе, на что акцентировано внимание, что находится на переднем плане в сознании.

Психологический анализ генезиса преступных деяний, а также проактивное моделирование законопослушными лицами преступного по-

ведения дали основания для сравнительных выводов об особенностях психической деятельности, детерминирующей преступное поведение, которые весьма значимы для понимания личностных предпосылок такого поведения. Так, по мнению А. Н. Пастушени, у лиц, совершивших преступления, при принятии ими криминального решения и планировании действий сознание было сосредоточено на оценке возможности достичь желаемого результата с учетом имеющихся помех и опасностей и осмыслении, что необходимо предпринять для его достижения и избежания отрицательных последствий. В отличие от них внимание законопослушных лиц при проективном моделировании преступного поведения захватывал образ негативных последствий: что произойдет в случае неудачи и наказания [68].

Субъективная оценка возможности привлечения к ответственности у лиц, имеющих криминогенную склонность, является более оптимистичной с преобладающей уверенностью в возможности избежать негативных последствий. Такая уверенность снижает степень субъективного ощущения их опасности. Их относительно высокая вероятность осознается (как правило, около 50 %), но в субъективном отражении уходит на второй план и не имеет мотивирующей силы, препятствующей совершению преступных действий.

Таким образом, у лиц, имеющих криминогенную склонность, сознание акцентировано на положительном результате и последствиях, а осознаваемые отрицательные последствия выступают второстепенными. Такое смещение акцентов внимания в психическом отражении результата и последствий преступного деяния определяет преобладающие положительные его личностный смысл. Акценты внимания, определяющие значение преступного деяния и его последствий, актуализируют соответствующие ожидания: у лиц, имеющих криминальную склонность, – надежду на успешное достижение криминальной цели и избежание ответственности, а у законопослушных лиц – предчувствие высокой опасности привлечения к ответственности и связанных с ней жизненных потерь. Эти ожидания, в свою очередь, существенно определяют приемлемость либо неприятие преступных действий.

Второстепенность значения отрицательных последствий преступного деяния может объясняться рядом факторов. Она может обуславливаться: включением психологических защит, когда мысль о возможности юридической ответственности вытесняется как препятствующая желанному результату; отсутствием достаточно впечатляющих представлений о возможных отрицательных последствиях преступного деяния или искаженных представлениях о том, что серьезных неприятностей не произойдет. Это часто проявляется у несовершеннолетних преступников.

Еще одна сторона личностной приемлемости преступного способа действий отражает специфику субъективной представленности причи-

няемого вреда. Уголовный закон определяет умысел на причинение вреда, когда субъект осознавал наступление вреда и при прямом умысле желал его наступления, а при косвенном – не желал, но допускал или относился к нему безразлично. Психологическое объяснение субъективного отражения вреда должно раскрывать его влияние на приемлемость либо неприятие совершения преступного деяния.

Исследование, проведенное А. Н. Пастушени, показало, что представленность ожидаемого вреда у лиц, имеющих криминогенную склонность, возможна в различных вариантах [68]. Первый вариант – это одобрение вреда, который может быть причинен деянием, и оценка этого вреда как справедливого, правильного, полезного и т. д. Второй заключается в представленности вреда (потеря, страдание) как неизбежного события в жизни людей или как менее значимого в соотношении с другими потерями и страданиями. Третий вариант проявляется в объективной отрицательной оценке вредных последствий преступного деяния с сожалением или хладнокровным отношением к ним как к неизбежному явлению.

Вместе с тем необходимо учитывать, что субъективная представленность вреда и отношение к его причинению могут зависеть от того, кому причиняется вред. У части лиц, имеющих криминогенные склонности, причинение вреда в отношении разных категорий людей вызывает различное отношение к его причинению и совершению преступного посягательства. Например, негативное эмоциональное отражение криминальных действий проявляется у некоторых преступников при моделировании совершения преступления в отношении детей, людей преклонного возраста и некоторых других социальных субъектов и ценностей, что определяет неприятие такого деяния в отношении данных лиц.

Подводя итог изложению психологической сущности личностной приемлемости преступного способа действий как ядра криминогенной склонности личности, необходимо подчеркнуть, что данная приемлемость определяется положительной представленностью этого способа в психическом мире личности, доминированием в его образе положительных сторон и второстепенностью отрицательных последствий. Приемлемость преступного способа относительна. Она соотносится с определенными условиями: мотивацией, ради удовлетворения которой приемлемо совершение противоправного деяния (потребность, ценность, проблемная ситуация); обстоятельствами, при которых субъективно приемлемо совершение преступления; приемлемым объектом преступного посягательства и приемлемой тяжестью причинения вреда.

Приемлемость преступного способа (деяния) может быть различной по своей степени – от минимальной до максимальной. Минимальная

выражает допустимость для индивида совершения определенных преступных действий при вынуждающих обстоятельствах с проявлением амбивалентного отношения к этим действиям. Максимальная представляет положительное отношение к преступному деянию, сочетающееся с криминальной установкой, что выражает его желательность и освоенность и проявляется в совершении преступлений по собственной инициативе.

2.2. Социальные условия и влияния в формировании противоправного поведения подростка

Совершение преступления происходит в силу личностных свойств подростка. Вместе с тем, как известно, личность – это социальная характеристика человека, то есть свойства формируются в процессе социализации под воздействием социальных условий и влияний. Криминальные свойства личности являются также результатом социализации [54, 57, 58, 73, 85, 87].

К основным социальным условиям и влияниям в формировании личности и социально-правового поведения относятся: социально-экономические условия; деятельность органов государственной власти, в частности органов правопорядка; государственная политика в сфере нравственно-правового воспитания; деятельность учреждений образования; СМИ, интернет; семья и неформальная (референтная) группа.

Важнейшей составляющей социально-экономических условий жизни людей (уровень их материального, образовательного, культурного расслоения и т. д.) выступает наличие в обществе возможностей для социально приемлемого удовлетворения потребностей, интересов и притязаний, достижения жизненных целей и планов, разрешения жизненных и личных проблем (потребности материального характера, отдых и развлечения, безопасность от преступных посягательств, социальная справедливость; уважение личного достоинства и личных интересов со стороны других людей и государства, решение жизненных проблем в сфере межличностного общения, разрешение конфликтов, споров и др., самоактуализация, достижение профессиональных целей, реализация профессиональных умений и навыков и т. д.).

Чем меньше в обществе возможностей для удовлетворения указанных потребностей и выше уровень расслоения населения, тем ниже уровень его нравственного и правового сознания, тем выше риск формирования девиантного поведения у подрастающего поколения.

Эффективность, обоснованность и справедливость деятельности государственных органов, в том числе правоохранительных, будет способствовать формированию правопослушного правосознания подрост-

ков, если в обществе доминирует мнение об эффективности работы местных и республиканских исполнительных и законодательных органов, их заботе о человеке, отсутствии масштабных коррупционных проявлений среди чиновников, своевременности и справедливости принимаемых решений. Правоохранительная деятельность также способствует формированию правосознания, укреплению правопорядка в среде несовершеннолетних, если обеспечивается реализация принципа неотвратимости наказания, эффективно раскрываются и расследуются правонарушения, правосудие осуществляется открыто и доступно гражданам, органы правопорядка тесно взаимодействуют с населением и гражданским обществом. В результате граждане станут активно участвовать в поддержании правопорядка: выступать свидетелями правонарушений, оказывать помощь в раскрытии преступлений, пресекать определенные нарушения правопорядка и др. И наоборот, деятельность органов управления, оцениваемая людьми как несправедливая, коррумпированная, нечестная, не реализующая принцип неотвратимости наказания и т. д., будет формировать в правосознании граждан негативное отношение к власти и государству в целом, что, в свою очередь, выступает предпосылкой формирования девиантного поведения.

Важнейшей функцией любого государства является культивирование через органы управления, учреждения образования, СМИ, институты гражданского общества определенной системы ценностей (идеология), являющейся условием его существования. При этом государство не может эффективно функционировать без формирования в гражданах готовности вести социально приемлемый образ жизни, удовлетворять потребности, разрешать жизненные проблемы и конфликты в рамках морали и законопослушными способами. Объектом государственной политики (идеологии) в сфере нравственно-правового воспитания выступает все население страны, предметом воздействия – нравственное и правовое сознание личности [19, 50, 61, 62, 128, 136].

В настоящее время содержание государственной политики в сфере нравственно-правового воспитания определено Законом Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» от 4 января 2014 г. № 122-З и Кодексом Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З. Так, Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» одной из мер общей профилактики правонарушений предусматривает правовое просвещение граждан (ст. 10). В ст. 2 Кодекса Республики Беларусь об образовании последним пунктом ч. 1 указано, что одним из основных направлений государственной политики в сфере образования является «обеспечение деятельности учреждений образования по осуществлению воспитания, в том числе по формированию у граждан

духовно-нравственных ценностей, здорового образа жизни, гражданственности, патриотизма, ответственности, трудолюбия». Данные положения развиваются в ч. 5 ст. 18 кодекса. Законодательно регламентированное содержание воспитания охватывает отдельные компоненты правовой сферы личности и направлено на формирование уважительного отношения к основным правоохраняемым социальным ценностям¹, повышение уровня правового сознания и правовой культуры граждан. Вместе с тем декларируемые задачи не подкреплены соответствующим механизмом реализации: что и как необходимо делать в целях формирования правосознания личности в духе уважения к закону.

Важнейшая роль в нравственно-правовом воспитании принадлежит СМИ. Основным механизмом реализации государственной политики в сфере правового воспитания выступает процесс формирования СМИ общественного мнения, в основе которого – целенаправленное планомерное предоставление реципиенту определенным образом обработанной информации, создающей нужные государству мировоззренческие ориентиры, взгляды и убеждения.

Как свидетельствуют результаты проведенного нами эмпирического исследования [114, 115, 119, 121], в настоящее время именно интернет и телевидение наиболее сильно оказывают влияние на формирование правосознания личности. Проведенный анализ позволяет говорить о соответствии содержания информационной политики государства нравственно-правовым ценностям, ее направленности на формирование положительных представлений о законопослушном человеке, деятельности правоохранительных органов (в основном, милиции и суда), правовое информирование граждан, а также профилактику правонарушений, формирование негативного образа преступника, человека, ведущего противоправный образ жизни.

Вместе с тем содержание информационного потока, как правило, не ориентировано на формирование конкретных и понятных законопослушных моделей поведения в различных сферах жизнедеятельности. Они не раскрывают привлекательно правомерные способы удовлетворения потребностей материального характера, взаимодействия с другими людьми, развлечения и проведения свободного времени, досуга. Почти отсутствуют убеждающие материалы о том, что законопослушные способы решения жизненных проблем являются единственно возможными. Крайне редко даются четкие, конкретные, понятные и, главное, реальные разъяснения, как поступать и вести себя, не нарушая

¹ Уголовное законодательство Республики Беларусь к основным правоохраняемым социальным ценностям относит: человечество (его мирное сосуществование), общественные и государственные интересы, жизнь, здоровье, честь, достоинство, права, свободы, личные интересы и собственность человека, уклад семейных отношений и др.

закон, в сложных жизненных ситуациях (например, межличностный конфликт, нехватка денег, невозврат долга, криминальные ситуации в общественных местах и др.). Нередко материалы СМИ формируют убеждения о сложности удовлетворения своих потребностей, защиты прав и интересов правомерными способами, невозможности их законного удовлетворения либо это возможно, но потребует больших усилий и затрат по сравнению с противоправным способом.

Очень редко встречаются материалы, направленные на формирование антикриминальной устойчивости личности, умению говорить «нет» на призыв к совершению криминального действия. При огромном массиве материалов в СМИ антиалкогольной и антинаркотической направленности, информация об альтернативных стратегиях поведения чаще всего сводится к указанию телефонов доверия, служб спасения и др., то есть преимущественно речь идет о проблемах зависимых людей, а не о вопросах предупреждения употребления наркотиков, алкоголя, табакокурения.

Крайне недостаточно материалов, которые бы отражали социальную значимость оказания гражданами помощи правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступлений, поддержании правопорядка.

Интернет становится неотъемлемой частью жизни подростков. Абсолютное большинство детей, начиная с 10-летнего возраста, почти ежедневно посещают глобальную сеть. По данным лаборатории Касперского, в 2018 г. в 37 % случаев они посещали веб-ресурсы, предоставляющие доступ к программному обеспечению, видеоаудиоконтенту, 32 % – социальные сети, 20 % заходили на порталы, связанные с электронной коммерцией. При этом в 3 % случаев подростки заходили на сайты связанные с алкоголем, табаком и наркотическими веществами, в 2 % – с нецензурной лексикой и в 1 % – с контентом порнографического и эротического характера¹.

Нередко в сети Интернет распространяется откровенно деструктивная и даже криминальная информация. Опасность распространения криминальной информации в социальных сетях сопряжена с эффектом психологического заражения. Исследователи отмечают, что восприятие окружающей действительности у девиантной личности представлено картинкой «мне плохо на душе потому, что вокруг плохие люди, которые конкурируют со мной, я веду себя с ними так же плохо, как они, я такой же плохой, потому, что мне плохо на душе, ведь вокруг

¹ См.: «Лаборатория Касперского» рассказала, что белорусские дети делают в интернете [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://42.tut.by/613610>. Дата доступа: 23.10.2018.

меня плохие люди» (и по новому кругу спирали психического). Этот эффект за короткое время может охватить значительное количество пользователей социальных сетей [129, с. 126].

Именно интернет сегодня стал основным средством незаконного распространения наркотических средств. Основными способами осуществления незаконных операций по приобретению или сбыту наркотиков с использованием сети Интернет являются «закладки» (оплата наркотического средства осуществляется при помощи электронных платежей с последующим сообщением покупателю места, где расположен тайник с наркотиком). Использование электронных платежных систем Webmoney, «Яндекс.Деньги» существенно затрудняет возможность выявления наркопреступлений, не позволяет проследить связь между поставщиком и потребителями наркотиков. Криминальную сделку могут совершать лица, которые лично не знакомы и не обладают информацией друг о друге, находящиеся не только в разных регионах, но и в разных государствах, где действует различное законодательство [60, с. 47].

В сети Интернет встречаются также рекламные объявления о продаже марихуаны, синтетических стимуляторов амфетаминового ряда. Программные средства мониторинга социальных сетей позволили обнаружить ряд видеофрагментов, касающихся процесса изготовления и употребления наркотических средств, в основном курительных смесей. Ряд ссылок, имеющих в социальных сетях, ведет на тематические форумы, посвященные употреблению и продаже наркотиков. Несмотря на то что такие интернет-ресурсы вносятся в перечень запрещенных сайтов и доступ к ним ограничивается, ссылки на них могут открываться и с использованием анонимайзеров, то есть средств для сокрытия информации о компьютере или пользователе в сети от удаленного сервера, либо при помощи браузера Tor. Только за один год только одним российским исследователем было выявлено 1 114 фактов распространения экстремистских материалов и 789 фактов рекламы, пропаганды или распространения наркотиков в социальных сетях [106, с. 18].

В настоящее время сеть Интернет становится площадкой и средством совершения преступлений. В. С. Соловьев провел эмпирическое исследование [106], в результате которого установил, что 83,3 % пользователей сети встречались с материалами экстремистского характера. С информацией, унижающей и оскорбляющей людей по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной, языковой принадлежности или отношения к религии, сталкивались в социальных сетях 68 % респондентов. Наибольшая интенсивность встреч с материалами экстремистского содержания зафиксирована среди несовершеннолетних респондентов (40 % несовершеннолетних пользователей сталкиваются

с такими материалами часто). Информацию, призывающую к насилию в отношении людей по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной, языковой принадлежности либо отношения к религии, встречали при использовании социальными сетями 51,6 % опрошенных, с пропагандой идеи исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии сталкиваются при использовании социальными сетями 58,4 % опрошенных, с попытками склонения, вовлечения, вербовки людей в социальных сетях для участия в реальных террористических или экстремистских объединениях либо совершаемых ими деяниях (например, вербовки в организацию «Исламское государство») – 27,7 % пользователей.

51,9 % интернет-пользователей находят информацию, пропагандирующую употребление наркотиков, рассказывающую о способах изготовления, рецептах запрещенных веществ, содержащую рекламные объявления о продаже наркотических средств. Из них 19,3 % сталкиваются с подобной информацией часто, 35,8 % – время от времени и 44,9 % – в единичных случаях. Каждый десятый пользователь часто встречается с информацией пронаркотического характера в социальных сетях. В наибольшей степени подобные материалы встречают респонденты, имеющие профили более чем в шести социальных сетях.

60,5 % респондентов сталкивались с рекламой услуг сексуального характера (проституции), информацией о приеме на работу лиц, желающих оказывать коммерческие сексуальные услуги. 56,2 % пользователей сети встречают фотовидеоматериалы порнографического характера с изображением несовершеннолетних (11,9 % респондентов указали на то, что часто встречают такие материалы в социальных сетях). С попытками совершения мошеннических и иных действий, направленных на хищение денежных средств (блокировка страницы с требованием прислать платное смс-сообщение, ссылки на баннеры, блокирующие работу компьютера, просьбы прислать реквизиты банковской карты и т. п.), сталкивались 82,9 % пользователей социальных сетей (24,7 % респондентов подвергались таким попыткам часто, 36,8 % респондентов – время от времени, 38,5 % – в единичных случаях). Доля лиц, часто подвергающихся попыткам мошеннических действий, среди общего числа опрошенных пользователей составляет 20,5 %. Наибольшая вероятность подвергнуться мошенническим действиям в социальных сетях существует у женщин (почти каждая четвертая пользовательница подвергалась попыткам совершения таких действий), несовершеннолетних пользователей (каждый третий несовершеннолетний пользователь социальных сетей сталкивался с мошенническими действиями).

Наибольшей криминальной пораженностью, представленностью криминального контента отличаются социальные сети «ВКонтакте»,

«Живой журнал» и Twitter, а также видеохостинги YouTube и RuTube. При этом, распространение материалов, рекламирующих и продающих наркотики в социальной сети Twitter происходит в 9,9 раза эффективнее, чем в «Живом журнале», и в 21,6 раза эффективнее, чем в социальной сети «ВКонтакте» [106, с. 15].

Широко представлены в сети Интернет также такие криминальные явления, как распространение клеветнических материалов, деятельность религиозных сект, школьное и иное подростковое насилие, угрозы пользователям, взлом аккаунтов, мошенничество.

16-летний Дмитрий Б. после ссоры с девушкой Татьяной К. на почве конфликта с ней и ее братом создал в социальной сети «ВКонтакте» персональную страницу от имени Татьяны К., озаглавив ее «Татья Лизби», и разместил на ней заведомо ложную, вымышленную информацию, позорящую Татьяну К., выставив ее девушкой нетрадиционной ориентации, оказывающей платные сексуальные услуги. Затем разместил на данной странице видеофильмы порнографического характера для общего просмотра.

Дмитрий Б. воспитывался матерью, учился посредственно, увлечений не имел, поддерживал дружеские отношения со сверстниками, состоящими на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних. В сети Интернет проводил, с собственных слов, 6–8 ч в день.

Суд приговорил Дмитрия Б. виновным в хранении с целью распространения и рекламирования порнографических материалов, публичной демонстрации видеофильмов порнографического содержания, совершенном с использованием глобальной сети Интернет и на основании ч. 2 ст. 343 УК Республики Беларусь назначил наказание – 2 года и 2 месяца, признал виновным в распространении заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений (клевете), размещенной в глобальной сети Интернет, и на основании ч. 2 ст. 188 УК Республики Беларусь назначил ему наказание – 2 месяца ареста. По совокупности преступлений назначил Дмитрию Б. наказание в виде лишения свободы на 2 года и 2 месяца. В соответствии со ст. 77 УК Республики Беларусь исполнение назначенного ему наказания отсрочено на 2 года.

В сетевом пространстве начинает распространяться и пропагандироваться криминальная субкультура [24]. Наиболее ярким примером такого рода субкультурной экспансии является распространение в сети Интернет движения АУЕ (арестантский уклад един, арестантское уркаганское единство). Смысл идеологии АУЕ заключается во включении подростков в традиционную криминальную субкультуру посредством создания неформальных подростковых организаций, в основе которых лежит соблюдение норм криминальной субкультуры («понятий»), содержание «общака», внутригрупповой стратификации (смотрящие, опущенные и т. п.), а также кураторство взрослых представителей крими-

нальной среды. Страницы и группы в социальных сетях с соответствующим контентом набирают сотни тысяч подписчиков¹, среди которых основную долю составляют несовершеннолетние. В интернет-пространстве такие сообщества не всегда открыто пропагандируют криминальную идеологию. Часто она транслируется косвенно, как бы невзначай. Контент таких сообществ насыщен различными темами, сквозь которые проступает криминальная идеология и культура. Он отличается высоким качеством исполнения. Это выполненные с использованием последних PR-технологий изображения, видеоаудиоматериал, тексты, записи, статусы и т. п.

Продуцируясь в социальных сетях Интернета, такая разновидность криминальной субкультуры выходит за пределы интернет-пространства и объективируется в деятельности многочисленных, но объединенных общим идеологическим компонентом молодежных (подростковых) криминализованных движений.

Важнейшей воспитательной функцией семьи является «формирование личности ребенка, развитие его способностей и интересов, передача детям взрослыми членами семьи накопленного обществом социального опыта; привитие им чувства коллективизма, потребности и умения быть гражданином и хозяином, соблюдать нормы общежития и поведения» [55, с. 343].

По мнению Л. С. Выготского, патология подросткового периода не является фатальной, она обуславливается не столько теми перестройками, которые происходят в физических и нервно-психических сферах подростка, сколько аномальными условиями предшествующего ему воспитания и развития. Избыток или недостаток внимания к нему со стороны родителей, неправильное воспитание вообще – все это подготавливает почву для трудностей. Трудновоспитуемость подростка, несоблюдение им норм и правил, установленных в обществе, в науке рассматривается через явление, называемое «девиация». Подростковый возраст – один из важнейших и одновременно очень сложных периодов в становлении личности, девиантное поведение подростка и его последствия могут существенно повлиять на развитие личности [21]. Л. И. Божович указывает на то, что нельзя рассматривать процесс социализации как усвоение только социально одобряемых образцов общественного человеческого опыта. Такие образцы могут быть продуктом негативного опыта, представлять собой ложные взгляды и принципы, устаревшие традиции, отрицательные качества личности. В связи с этим девиантное поведение личности может стать результатом усвоения негативно-го социального опыта в процессе социализации [13].

¹ См.: АУЕ. Пацанский Округ. Режим доступа: <https://vk.com/pacanskiy.okrug>. Дата доступа: 08.11.2018.

Еще в 1937 г. А. С. Макаренко сказал: «Не только среда виновата в том, что дети становятся преступниками, а первую очередь виноваты плохие родители и плохие педагоги. Преступники растут не только в малообеспеченных и бедных семьях, но и в хорошо обеспеченных богатых семьях. Преступления совершают и выходцы из богатых семей. Все преступники, как малолетние, так и взрослые – все они воспитывались и росли в семьях, ходили учиться в школы. Значит, дело не только в объективных тяжелых условиях жизни, но прежде всего в субъективных – в неправильном воспитании детей» [93].

Только в благополучной семье возможно формирование здоровой личности ребенка и, следовательно, правопослушного правосознания личности. А. Г. Сапунов в результате эмпирического исследования приходит к выводу, что «позиции ближайшего окружения – прежде всего семьи – являются решающим фактором формирования уровня правосознания подрастающего поколения, вследствие чего семейное неблагополучие создает предпосылки повышения влияния на подростка социально негативно направленных неформальных групп» [90, с. 119].

Для того чтобы определить, какие семейные факторы негативно влияют на формирование личности подростка, необходимо рассмотреть содержание благополучной семьи. Понятие «благополучная семья» можно охарактеризовать посредством четырех базовых факторов.

Во-первых, благополучная семья отличается наличием эмоционально-позитивных отношений между родителями. Особый вред формирующемуся правосознанию личности ребенка оказывают отрицательные отношения между супругами, проявляющиеся в форме межличностной отчужденности, отсутствия общих интересов, увлечений, угасшего чувства любви и уважения друг к другу, не говоря уже о семейных скандалах, оскорблениях, драках и т. д. Как указывают российские исследователи, подростки из семей, где встречается супружеская неверность, в 10 раз чаще становятся правонарушителями [65, с. 20].

Во-вторых, благополучная семья безупречна с точки зрения нравственно-правового поведения родителей. Учитывая, что главным методом воспитания в семье является пример, родители должны быть образцом подражания для своих детей. Аморальное поведение родителей (развращенность, пьянство, тунеядство, совершение правонарушений и др.) является антипримером того, как нужно жить. Подобное поведение родителей становится определенным паттерном поведения, который формируется в правовом сознании ребенка. Очень важно, чтобы словесное воздействие родителей не противоречило их собственному поведению. Нередко под внешним благополучием семьи скрывается ее аморальная или даже противоправная направленность. Негативным фактором в формировании правосознания личности выступает демон-

страция родителями эмоционально-позитивных отношений, а на самом деле в основе их отношений лежит безразличие (непримечание, неуважение, ненависть и др.). Двуличие, лицемерие формируют чувство отчужденности и повышенной тревожности у ребенка. Если снижается авторитет родителей, то в правовом сознании ребенка формируются иные идеалы и авторитеты.

В-третьих, в благополучной семье присутствуют эмоционально-позитивные отношения «родители – ребенок». Отсутствие эмоционального контакта с ребенком (хотя бы одного из родителей), а в крайнем случае, отвержение ребенка, формируют в его сознании чувство отчужденности, страх смерти, повышенную тревожность, неуверенность в себе. В этой связи важным представляется вывод, сделанный Ю. М. Антоняном, Н. И. Еникеевым и В. Е. Эминовым: «Отсутствие или значительное сужение эмоциональных контактов ребенка с матерью и отцом, отвергание его одним из родителей и особенно обоими есть психологическое отчуждение индивида, закладывающее начало дальнейшей дезадаптации. Отвергание в детстве представляет собой и социальное отчуждение, порожденное конкретными отношениями, сложившимися в этой малой социальной группе. Следовательно, дезадаптация, наблюдаемая у многих преступников, имела социальное происхождение. Здесь мы руководствуемся одним из основных принципов психологии: каждая психическая функция, прежде чем стать интрапсихической (внутренней, присущей личности), первоначально является функцией интерпсихической (межличностной). Этот принцип положен в основу одной из центральных идей: криминологически значимые психологические особенности имеют свои корни в характере ранних внутрисемейных отношений» [5, с. 78].

И в-четвертых, адекватные педагогические методы воспитания ребенка – залог формирования здоровой в нравственно-правовом отношении личности. Для того чтобы уметь воспитывать детей, родители сами должны быть социально подготовлены к данной роли, обладать достаточным интеллектуальным и духовным уровнем развития. Родители должны четко представлять себе цели воспитания, у них должны быть единые педагогические требования, общая стратегия воспитания. Пренебрежение нравственным и интеллектуальным воспитанием детей, гиперконтроль, безнадзорность, отсутствие контроля, безнаказанность, невежество родителей, несогласованность и непоследовательность в действиях родителей, насилие, неумение организовать досуг детей, отсутствие воспитания как такового являются основными источниками формирования дефектов правового сознания личности. Результаты исследований свидетельствуют, что в семьях правонарушителей в $\frac{3}{4}$ случаев преобладает «потребительское» воспитание, а в $\frac{3}{5}$ –

господствует атмосфера безнаказанности, в 9–10 раз чаще процветает насилие и жестокость [65, с. 20–23].

Отсутствие одного из четырех факторов в семье превращает ее в неблагополучную. С.А. Беличева к неблагополучной семье относит: криминально-аморальные семьи, в которых преобладают криминальные факторы риска; аморально-асоциальные семьи, которые характеризуются антиобщественными установками и ориентациями; конфликтные (отчужденные) семьи, в которых отсутствуют эмоционально-позитивные отношения «родители – дети»; педагогически несостоятельные семьи, в которых доминируют антипедагогические методы воспитания [10]. Неблагополучная семья может сочетать в себе несколько деструктивных факторов.

Наибольшую опасность по своему негативному воздействию на детей представляют криминально-аморальные семьи. Жизнь детей в таких семьях из-за жестокого обращения, пьяных дебошей, сексуальной распущенности родителей, отсутствия элементарной заботы не о воспитании даже, а просто об элементарном содержании детей часто находится под угрозой. Такие дети относятся к категории социальных сирот (сирот при живых родителях), которых, как правило, ждут побег из дома, раннее бродяжничество, полная социальная незащищенность как от жестокого обращения в семье, так и от криминализирующего влияния преступных группировок.

К ассоциально-аморальным семьям чаще всего относят семьи с откровенными стяжательскими ориентациями, живущие по принципу «цель оправдывает средства». Внешне обстановка в таких семьях может выглядеть вполне благопристойной, уровень жизни достаточно высок, но духовные ценности подменены исключительно стяжательскими ориентациями с весьма неразборчивыми средствами их достижения. Такие семьи, несмотря на внешнюю респектабельность, своими искаженными моральными представлениями тоже оказывают на детей прямое десоциализирующее влияние, прививая им антиобщественные взгляды и ценностные ориентации.

Конфликтные семьи могут быть как шумными, скандальными, где повышенные тона, раздраженность становятся нормой взаимоотношений членов семьи, так и «тихими», где отношения характеризуют полное отчуждение, стремление избегать всякого взаимодействия. Но в обоих случаях конфликтная семья отрицательно влияет на формирование личности ребенка и может послужить причиной различных ассоциальных проявлений. В конфликтных семьях десоциализирующее влияние проявляется не прямо через образцы аморального поведения или антиобщественные убеждения родителей, здесь имеет место косвенное десоциализирующее влияние, оказываемое за счет хронически ослож-

ненных, нездоровых отношений между членами семьи, чаще всего между родителями.

В педагогически несостоятельных семьях, то есть в семьях, где при относительно благоприятных условиях (здоровая семейная атмосфера, социально одобряемый образ жизни и забота о детях) неправильно формируются взаимоотношения с детьми, совершаются серьезные педагогические просчеты, приводящие к различным ассоциальным проявлениям в сознании и поведении детей. По данным С. А. Беличевой, 45–60 % подростков, стоящих на учете в милиции, – из педагогически несостоятельных семей. Педагогически несостоятельные, как и конфликтные, семьи не оказывают на детей прямого десоциализирующего влияния. Формирование антиобщественной ориентации у детей в таких семьях происходит потому, что за счет педагогических ошибок, тяжелой морально-психологической атмосферы здесь утрачивается воспитательная роль семьи, и она по степени своего воздействия начинает уступать другим институтам социализации, играющим отрицательную роль.

Исследования показывают, что неблагополучная семья служит основным источником антиобщественного поведения ребенка в 58,6 % случаев [65, с. 20]. Уход ребенка в группы, в том числе криминальные, является замещающим фактором, группа начинает играть роль эквивалентную семье, а ее лидер – роль отца (матери, старшего брата и т. д.).

Нарушение структуры семьи (неполная, формально полная, когда ребенком занимается один из родителей) является важным, но не определяющим фактором должного воспитания и формирования законопослушного правосознания личности. Если в диаде «ребенок – родитель» существуют устойчивые эмоционально-позитивные отношения, при этом родитель демонстрирует и проповедует нравственно-правовое поведение, применяет адекватные педагогические методы воспитания, а у ребенка есть законопослушный эмоционально привлекательный идеал для подражания (в случае разнополости ребенка и родителей), неполная семья является благополучной семьей.

Семья выступает базовым, стартовым фактором социального влияния на ребенка. С возрастом в формировании правосознания начинает принимать участие ближайшее окружение – родственная референтная группа (дедушки и бабушки, братья и сестры), а затем друзья, учителя, другие люди, с которыми начинает контактировать ребенок. Со взрослением на личность подростка начинают оказывать опосредованное информационное влияние книги, искусство, художественные фильмы, телевидение, интернет и т. д. Каждый из факторов социального влияния в разные периоды развития ребенка оказывает воздействие, отличающееся по интенсивности и длительности.

Процесс формирования личности подростка подвержен влиянию неформальной группы (фанаты, уличные объединения, байкеры и др.). Подростки, входящие в неформальные группы, как правило, не принимают стандартизированных правил поведения, стремятся жить в соответствии со своими собственными, а не навязываемыми им извне интересами. Досуг у них воспринимается как главная сфера жизнедеятельности, а образование отходит на второй план перед реализацией своих потребностей. Основная причина, привлекающая несовершеннолетних в неформальные группы, – стремление приобрести внешние, формальные характеристики, позволяющие выделяться из общей обезличенной, по их мнению, массы населения, быть заметными, чтобы чувствовать свою значимость. Отличием неформальных групп является добровольность вступления в них, устойчивый интерес к определенной цели, идее, а также потребность самоутверждения членов группы. Приобщение несовершеннолетних к употреблению наркотических средств и токсических веществ чаще всего происходит в кругу сверстников, то есть в неформальных группах, что впоследствии приводит к совершению групповых преступлений.

Процесс перерастания досуговых групп несовершеннолетних в антиобщественные формирования, а затем и в преступные группы происходит двумя путями: под влиянием лидера, имеющего криминальный опыт; посредством приобщения к употреблению наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, что впоследствии приводит к совершению малозначительных правонарушений, а затем все более серьезных противоправных деяний [83, с. 65].

Таким образом, личность подростка непосредственно формируется под влиянием социально-экономических условий, благодаря деятельности органов государственного управления и власти, вырабатываемой и реализуемой системы государственно-правового воспитания через различные социальные институты, гражданское общество, учреждения образования. Ведущая роль в становлении правосознания личности принадлежит семье, а также СМИ.

В своих работах А. Н. Пастушеня указывал, что результат социальных влияний может быть как положительным, так и отрицательным с точки зрения формирования индивидуального и общественного правосознания [67, 69, 72, 73]. Положительное воздействие заключается в формировании достаточно полных правовых знаний членов общества о наказуемых (запрещаемых) деяниях и законных путях обеспечения своих прав и интересов, то есть о возможностях удовлетворения потребностей и решения жизненных проблем. Наряду с формированием

правовых знаний положительное социальное влияние предполагает формирование в индивидуальном и общественном сознании правоутверждающих ценностей, ожиданий и позиций, а также общественного мнения, способствующего поддержанию правопорядка. Отрицательный результат социальных влияний представляет противоположное явление, выражающееся в формировании таких ценностных ориентаций, ожиданий и общественных настроений, которые разрушают антикриминальную устойчивость членов общества и таким образом способствуют углублению внутренних предпосылок преступности. Такие влияния проявляются в девальвации правоохраняемых социальных ценностей, отрицательной оценке правовой системы и деятельности правоохранительных органов, убеждениях о значительной распространенности и безнаказанности определенных противоправных деяний, безуспешности или невозможности реализации своих прав и законных интересов правомерным путем, отрицательных последствиях честного выполнения гражданского долга по участию в защите правопорядка и т. п. Особое значение в формировании асоциальных позиций имеет идеализация образа успешного человека, пренебрегающего нормами права и использующего насилие и другие противоправные способы достижения своего благополучия.

2.3. Методологические основания педагогической профилактики противоправного поведения несовершеннолетних

Методологическим основанием педагогической профилактики противоправного поведения несовершеннолетних служат концепции готовности личности к правопослушному образу жизни [67, 70, 71, 73] и формирования правосознания личности информационно-педагогическими средствами [118–121, 123, 124].

Готовность подростка к правопослушному образу жизни представляет собой определенное качество личности (состояние души человека), которое обеспечивает внутреннюю необходимость и возможность осуществлять жизнедеятельность, соблюдая требования законов и морали.

Готовность к правопослушному образу жизни выражается в желании жить правопослушно, реальных и конкретных представлениях о том, как жить, не нарушая закон, а также в различных сферах жизнедеятельности. Человек ставит перед собой правомерные цели и использует правомерные способы удовлетворения потребностей, решения жизненных задач. Правомерные цели и способы являются для него

лично приемлемыми, в то время как противоправные цели и способы представляются в его сознании как недопустимые.

Исходя из того что значительная часть потребностей может быть удовлетворена и правомерными и противоправными способами, определяющим внутренним фактором для использования субъектом того или иного способа является его личностная приемлемость. Таким образом, личностная приемлемость правомерных жизненных целей и способов удовлетворения потребностей и поведения в различных ситуациях, личностное неприятие противоправных целей и способов, выражают основу готовности к правопослушному образу жизни.

Противоположностью готовности к правомерному образу жизни является готовность личности к преступному поведению, то есть наличие склонностей к совершению определенных видов преступных деяний (криминогенных склонностей). Ослабление и ликвидация криминогенных склонностей выступают параллельной целью исправительно-профилактической работы.

Готовность к правопослушному образу жизни может иметь различную степень сформированности и быть: минимальной по степени своей зрелости; фрагментарной, внутренне противоречивой; достаточно зрелой, устойчивой, системной и гармоничной (непротиворечивой).

Гармоничная готовность к правопослушному образу жизни охватывает ряд сфер жизнедеятельности: материального обеспечения жизни (подросток должен иметь готовность правомерно обеспечивать свое материальное положение (жилье, питание, одежда, предметы бытового назначения), соизмеряя при этом свои материальные притязания с реальными возможностями их обеспечения, например родителями); взаимодействия с другими людьми, включая взаимодействие с семьей, учителями, милицией и другими социальными субъектами (подросток должен обладать готовностью осуществлять взаимодействие с другими людьми и отстаивать свои интересы, не прибегая к аморальным, насильственным и другим противоправным действиям); потребления и досуга (подросток должен уметь отдыхать социально приемлемыми способами, необходимо предупреждать формирование алкогольной и наркотической зависимости, профилактировать и корректировать склонности к аморальным и другим развлечениям, имеющим криминальный риск, склонности вести развратный образ жизни).

Готовность к правопослушному образу жизни может быть представлена как система свойств его личности, которые в своей совокупности будут определять субъективную необходимость и возможность правомерного поведения в различных сферах жизнедеятельности. Совокупность этих свойств можно представить структурно (рис. 3).

Рис. 3. Структура готовности личности к правопослушному образу жизни

В структуре готовности личности к правопослушному образу жизни А. Н. Пастушена выделяет комплекс психических свойств и интегративных психических образований, выполняющих функции мотивообразования, целеполагания и исполнительной регуляции в психическом механизме социального поведения: интегративные психические свойства – Я-образ и концепция образа жизни; потребности, притязания и интересы, определяющие мотивы поведения; личностные нормы и принципы поведения, определяющие использование правомерных способов удовлетворения потребностей и поведения в проблемных ситуациях; социальные и правовые ожидания; социальные умения и навыки [67].

Концепция образа жизни включает в себя представления об условиях своей жизни, на которые рассчитывает подросток, о роде занятий, распорядке своего дня, круге общения, отношениях с близкими людьми, учителями и учениками, формах досуга, ближайших и перспективных жизненных планах.

Я-образ выражает представления о самом себе: какой я есть, каким мне надо быть. Я-образ охватывает осознание внешнего облика и манер поведения, черт характера, потребностей, ценностей и привычек, своих достоинств и недостатков.

Без формирования и достаточно комплексного представления о будущем образе жизни и целостного представления о необходимом Я-образе нельзя сформировать устойчивую готовность подростка к правопослушному образу жизни. Вместе с тем эти интегративные образования формируются на основе ряда ценностей, прежде всего ценности жизни в условиях свободы, жизни без риска отрицательных последствий и потерь, ценности жизни, не приносящей горе другим людям, умиротворенной, спокойной, без тревожных ожиданий, связанных с совершением преступлений и отношениями с преступной средой, и т. д.

Важной стороной готовности к правопослушному образу жизни выступает содержание потребностей, притязаний и интересов человека.

У законопослушного человека потребности и притязания соответствуют субъективным и объективным возможностям их удовлетворения (не носят гипертрофированного характера) и не являются собственно аморальными или противоправными, деформированными. Деформированные потребности и влечения проявляются в стремлениях к дорогостоящему имуществу и развлечениям, приобретению высокого статуса в криминогенной среде, самовыражению путем унижения и глумления над другими людьми, сверстниками. Они также выражаются в алкогольной и наркотической зависимости, склонностях к развратному образу жизни.

Деформация потребностей может проявляться как патология влечений: в садистских наклонностях, педофилии, kleptomании, пиромании и других психических аномалиях. Если человек стремится удовлетворить такого рода влечения или не способен их произвольно сдерживать, то он вынужден прибегать к противоправным способам и средствам их удовлетворения.

В связи с этим одной из задач формирования готовности к правопослушному образу жизни являются ослабление и устранение аморальных, гипертрофированных и собственно криминальных потребностей и влечений. Другой задачей является расширение и обогащение сферы потребностей за счет привития социально одобряемых личностных ценностей и интересов (добропорядочное поведение в школе, семейной жизни, забота о родителях, младшей сестренке; здоровый образ жизни; общение с законопослушными людьми; учебная и трудовая деятельность, ведение домашнего хозяйства; культурный досуг, саморазвитие, духовное совершенствование, творчество и т. д.).

При этом важно определить реальный, адекватный возрасту, состоянию здоровья, семейному и имущественному положению подростка, а также его способностям комплекс личностных ценностей и притязаний, которые необходимо ему прививать. Надо сформировать представления о лично приемлемом роде занятий, своем социально-ролевом статусе, материальном положении, которые должны укрепляться в сознании как личностные ценности, притязания и жизненные планы.

Для наличия у человека готовности к правопослушному образу жизни важно сформировать достаточно широкий комплекс личностно приемлемых правил и способов поведения и решения жизненных задач, охватывающих различные сферы жизнедеятельности и многообразие наиболее вероятных проблемных ситуаций. Прежде всего следует сформировать лично приемлемые правила и способы удовлетворения основных потребностей человека, связанные с материальным обеспечением жизни и обеспечением своего социально-психологического статуса.

Важно также обеспечить формирование лично приемлемых правомерных и нравственных правил и способов взаимодействия с другими людьми, и прежде всего индивидуальных правил поведения в конфликтных ситуациях и в случаях воздействия лиц, склоняющих к совершению преступлений. Их формирование предполагает развитие представлений о возможных правомерных способах удовлетворения тех или иных потребностей и способах поведения в проблемных ситуациях взаимодействия с другими людьми.

Особое значение имеет формирование у подростка представлений о способах противостояния вовлечению в преступную деятельность криминогенными лицами. Наличие таких представлений о правомерных способах решения жизненных задач еще недостаточно для их использования в реальной жизни. Правомерные правила и способы должны осознаваться подростком как наиболее правильные, благоприятные, разумные с точки зрения личностных ценностей и жизненных перспектив.

Необходимо также обеспечить и положительную эмоциональную представленность в сознании подростка правомерных способов и правил поведения. И наконец, они должны быть сформированы в психическом складе как личностные нормы и принципы действий, поведенческие установки и стереотипы.

В то же время в психическом складе должны быть определены личностные нормы-запреты на использование противоправных способов («так действовать нельзя»), которые призваны выполнять функции психологических барьеров в отношении данных способов, реализуясь на уровне сознания и подсознания. Формирование норм-запретов предполагает наличие убеждений о том, что противоправные деяния приносят вред самому себе и другим близким людям, угнетают душевное состояние, неизбежно приводят к наказанию юридическому или человеческому (презрение, проклятие, божья кара), жизненным потерям. Наряду с формированием отрицательного личностного смысла противоправных способов необходимо также и формирование отрицательного чувственного отношения к ним.

В создании правопослушной индивидуальной концепции образа жизни, включающей жизненные планы и пути их реализации, большое значение имеют социальные и правовые ожидания, которые связаны с представлениями как о правопослушном образе жизни, так и о противоправном поведении. Следует учитывать, что у значительной части лиц, склонных к правонарушающему поведению, отсутствует надежда на возможность правомерным путем обеспечить свое нормальное существование после освобождения. Многие уверены или предполагают, что не смогут правомерно решать жизненные проблемы и удовлетво-

рять свои потребности, в будущем могут быть осуждены. Такие подростки свыкаются с мыслью, что им придется совершать преступления и рано или поздно попасть в места лишения свободы. У них теряется чувство страха перед этой перспективой. В связи с этим у них надо формировать и укреплять оптимистические положительные ожидания, веру в будущее, надежду на возможность осуществления правомерных жизненных планов и намерений, положительный результат при использовании правомерных способов решения жизненных проблем.

У другой части подростков проявляется высокая уверенность в возможности избежать юридической ответственности при совершении преступлений, они рассчитывают на свою смекалку, криминальный опыт, поддержку родственников (отец, дядя, брат, старший товарищ, ведущие преступный образ жизни). У таких лиц необходимо прежде всего формировать представления о неотвратимости кары при совершении преступлений, об опасности для их будущего даже небольшой вероятности раскрытия преступлений, обострять осознание такой опасности и жизненных потерь в случае совершения преступлений.

Наличие правомерных личностных норм, правил и принципов поведения еще недостаточно для их использования. Надо обладать социальными умениями и навыками реализации этих норм. К ним относятся умения и навыки учебной и трудовой деятельности, социально-ролевого поведения в сфере семейно-бытовых и трудовых отношений (включая привычку систематически учиться и трудиться, готовность соблюдать учебную дисциплину), умения и навыки общения с различными категориями людей в различных ситуациях и с различными целями (например, с целью получения информации, мотивирования определенных поступков других лиц, налаживания сотрудничества, препятствования действиям других, отстаивания своей позиции, защиты своего достоинства). Большое значение имеет формирование у подростков навыков саморегуляции и сдержанности, торможения импульсивно возникающих агрессивных и иных криминогенных побуждений или отрицательных влечений.

Правосознание личности выступает одним из предметов педагогической профилактики.

Важнейшей функцией любого государства является осуществление идеологического воздействия, в том числе культивирование определенной системы нравственно-правовых ценностей. Вместе с тем государственная политика в сфере правового воспитания как практический компонент реализуемой идеологии не определяет в достаточной степени стратегические ориентиры в формировании правопослушных граждан страны, не ставит четких и понятных педагогам задач воспитания в данной сфере.

Законодательно регламентированное содержание воспитания охватывает отдельные компоненты нравственно-правовой сферы личности и предусматривает формирование уважительного отношения к основным правоохраняемым социальным ценностям, повышение уровня правового сознания и правовой культуры граждан¹. Вместе с тем декларируемые цели носят общий, достаточно абстрактный характер. Проведенный нами содержательный анализ документов в сфере образования свидетельствует, что в настоящее время отсутствуют конкретные и понятные как для педагогов, так и для родителей цели и задачи воспитания нравственной и законопослушной личности обучающихся [119, 122–124].

Как следствие, социальная, воспитательная и идеологическая работа в учреждениях образования сводится в основном к выявлению обучающихся, склонных к противоправному поведению, а также профилактике употребления и распространения наркотических, токсических веществ и спайса (это необходимые направления воспитания подрастающего поколения, но далеко не единственные).

Важнейшим средством индивидуальной, специальной и общесоциальной профилактики правонарушений выступает правовое воспитание. Результатом правового воспитания, а также критерием оценки его эффективности выступают нормоправное (правопослушное) поведение индивида и общественный порядок в обществе. Вместе с тем мы согласны с мнением Н. Я. Соколова и Е. К. Матевосова, что «правовое воспитание, безусловно, не является абсолютным детерминантом правомерного поведения, но оно есть основной, решающий и определяющий фактор его формирования» [105, с. 14].

Проблема правового воспитания широко исследуется начиная с 60-х гг. XX в. в юриспруденции, педагогике и психологии. Однако в настоящее время в науке отсутствует единообразное понимание правового воспитания. В юридической литературе правовое воспитание рассматривается как «систематическое влияние на сознание, психологию воспитуемых (индивидов и общественных групп) всего уклада общественной жизни и идеологических факторов» [88, с. 135]; организованное, систематическое, целенаправленное воздействие на личность, формирующее правосознание, правовые установки, навыки и привычки активного правомерного поведения [30, с. 5]; целенаправленное, систематическое воздействие на личность для формирования правового сознания, выработки навыков и привычек правомерного поведения

¹ Статьи 10, 20 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-3 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»; ст. 2, 18 Кодекса Республики Беларусь об образовании.

[27, с. 8]; структурный элемент механизма правового воздействия, средство воздействия на правовое сознание и поведение субъектов правоотношений [74, с. 75]; целевое воздействие, направленное на формирование системы нравственно-правовых ценностей личности, обеспечивающей высокий уровень правовой культуры [52, с. 8]; комплексная система мер по интеграции в сознание людей политико-правовых ценностей и политико-правового опыта, реализуемая в целенаправленной деятельности государства, общественных организаций, отдельных граждан с целью формирования позитивного правового сознания граждан [76, с. 279].

Традиционно правовое воспитание рассматривается в широком и узком смысле. По мнению исследователей, в широком смысле правовое воспитание включает в себя воздействие всех факторов жизни на формирование качеств личности [79, с. 81]; всеохватывающий процесс воздействия на сознание воспитуемых объективных условий жизни – ближайшего бытового окружения, учебного или трудового коллектива, личного правового опыта и т. д. [11, с. 24]; общий процесс формирования правосознания и правовой культуры членов общества, включая влияние социально-экономического уклада жизни, политического режима, идеологической деятельности, нравственно-правовой атмосферы [6, с. 4].

Как мы полагаем, в широком смысле правовое воспитание представляет собой правовую социализацию личности, то есть процесс усвоения индивидом правовых знаний и норм, нравственно-правовых ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве правопослушного (нормоправного) члена общества. В процессе правовой социализации человек формируется под воздействием социальных условий (социально-экономические факторы, правовое устройство государства, деятельность органов государственного управления и власти, в том числе правоохранительных, состояние правопорядка в обществе и др.).

В узком смысле правовое воспитание рассматривается как целенаправленное воздействие общества на сознание людей, их нравы, черты характера, образ поведения [79, с. 81]; вид организованного и целенаправленного воздействия на сознание воспитуемых [11, с. 24]; вид общественной деятельности, который выражается в целеустремленной и организованной работе государственных органов и общественных организаций, направленной на формирование правовой культуры и воспитание правопослушных граждан [6, с. 4]; целенаправленное воздействие на сознание личности, социальных групп и всего общества в целях превращения правовых идей и требований в личные убеждения и правомерное поведение граждан, формирование их правовой культуры [105, с. 9].

Мы считаем, что правовое воспитание в узком смысле – это целенаправленный процесс формирования правосознания личности, направленный на усвоение личностью системы правовых норм, регулирующих юридически значимое поведение, и формирование готовности к их соблюдению.

Правовое воспитание является составным компонентом идеологической функции любого государства. Его содержание и роль в жизни общества определяется политикой государства. Правовое воспитание имеет социально обусловленную педагогическую цель – формирование правопослушного гражданина, соблюдающего и почитающего правовые предписания общества, содержание (нравственно-правовую информацию), которое необходимо передать с помощью специальных средств, форм и методов трансляции, с учетом определенных закономерностей и принципов, а также объект, предмет и субъект воздействия.

Общим объектом правового воспитания выступает все население страны. Специальным объектом является подрастающее поколение – подростки. Предметом правового воспитания являются психические свойства, образующие индивидуальное правосознание личности и социально-психологические явления, детерминирующие общественное и групповое правосознание.

В происхождении асоциального и противоправного (делинквентного) поведения подростков особенно большую роль играют деформации правового сознания.

Под правовым сознанием личности мы понимаем систему психологических свойств, реализующихся в когнитивной и чувственно-эмоциональной сфере и детерминирующих субъективное отражение норм морали, правовой действительности, а также социально-правовое поведение человека [118, 119, 124].

Доминирующей функцией правосознания является регулятивная. Правосознание выступает внутренним регулятором социально-правового поведения подростка, неформальных групп, общества в целом.

Правосознание подростка охватывает основные сферы юридически значимого поведения, а также его социальные роли, реализация которых регламентирована правом и предусматривает определенные обязанности и запреты. Так, подросток выполняет различные регулируемые правом социальные роли сына (дочери), ученика, пешехода, свидетеля, пассажира, водителя мотоцикла и т. д.

Можно выделить правосознание личности с нормоправной (правомерной) и противоправной (противоречивой, криминогенной) направленностью поведения.

Нормоправная направленность правосознания выражает обусловленную им личностную предрасположенность к соблюдению нравст-

венно-правовых предписаний и волевую устойчивость против совершения противоправных деяний, в том числе устойчивость по отношению к криминогенным обстоятельствам и влияниям. Противоправная направленность связана с наличием деформаций правосознания, выступающих личностными предпосылками противоправного поведения. Правосознание личности нормоправной и противоправной направленности можно с различной степенью детализации дифференцировать в зависимости от уровня сформированности в следующем диапазоне: гармонично нормоправное – противоречивое – гармонично противоправное (криминогенное, криминальное). Например, О. Э. Схопчик выделяет следующие уровни правосознания несовершеннолетних: сформированное законопослушное, преобладающее законопослушное, противоречивое и правосознание с криминогенными деформациями [125].

Свойства нормоправного либо противоправного правосознания формируются в процессе правовой социализации, взаимосвязаны между собой и представляют систему. В зависимости от различных условий те или иные свойства могут быть сформированы лучше, чем другие, что обуславливает противоречивость правосознания. В этой связи, например, знание (незнание) правовых предписаний, выступая одним из необходимых условий для адекватной оценки конкретных правовых ситуаций, не является единственным детерминантом нормоправного либо противоправного поведения.

Профилактика и коррекция делинквентного поведения подростков требует знания основных свойств (компонентов) правосознания, существенно детерминирующих социально-правовое поведение индивида.

Проведенный анализ результатов философских, правовых и криминологических, а также психолого-педагогических исследований позволяет выделить ядро правосознания личности – свойства, существенно детерминирующие социально-правовое поведение человека: знание поведения и правовых предписаний; оценочное отношение к закону, правовым предписаниям; оценочное отношение к правоохраняемым социальным ценностям; оценочное отношение к социально-правовому поведению (законопослушному, противоправному и собственному); оценочное отношение к субъектам социально-правового поведения (законопослушному человеку, преступнику и потерпевшему); оценочное отношение к судебноп-правовому устройству государства, правоохранительным органам и их деятельности; оценочное отношение к выполнению гражданского долга по участию в поддержании правопорядка; социально-правовые ожидания.

Поскольку одной из задач исследования является изучение элементов правосознания, детерминирующих социально-правовое поведение, надо рассмотреть, с одной стороны, те его свойства, которые играют

первоочередную роль в обуславливании нормоправного поведения человека, его готовности соблюдать закон и следовать его требованиям. С другой стороны, важным представляется определение психологических характеристик деформаций правосознания как предпосылок делинквентного поведения.

Рассмотрим базовые структурные компоненты правосознания, существенно детерминирующие социально-правовое поведение человека.

Знание правовых предписаний и запретов. Правовые знания являются значимым элементом правовой подготовленности личности и выступают одним из условий нормоправного поведения. По мнению И. Ф. Покровского, правовые знания являются ядром правосознания [77, с. 24], поэтому важнейшим направлением формирования правосознания личности выступает именно правовая подготовка в учредениях образования, в рамках досуговых мероприятий, семье, через СМИ и др.

Однако сами по себе правовые знания непосредственно не детерминируют направленность социально-правового поведения. В процессе отражения социально-правовых явлений, правовых норм и требований закона у индивида складываются собственные представления, в которых отраженные явления обретают субъективное значение. Основными видами психологических свойств личности, реализующихся в данных процессах, выступают социально-правовые представления, которые представляют собой разновидность социальных представлений личности, являющихся когнитивными и ценностно-смысловыми образованиями.

Исследования ряда авторов свидетельствуют, что уровень правовой подготовленности существенно не влияет на направленность социально-правового поведения человека. А. Р. Ратинов и Г. Х. Ефремова, эмпирически исследуя правовую подготовку как интеллектуальный компонент сознания, указывает, что общий объем правовой осведомленности в рамках требований, которые определены в качестве необходимых для правомерного поведения, достаточно высок у всех испытуемых и даже несколько выше у преступников и правонарушителей по сравнению с законопослушными гражданами [35, 85]. В совместном исследовании Г. Х. Ефремова и А. Р. Ратинов делают вывод о том, что «преступники имеют наиболее точные представления о тех видах запретного поведения, за которые они сами привлекались к уголовной ответственности; правонарушители уступают им в степени информированности, но также отличаются от законопослушных граждан более специализированными познаниями... Уровень формальных знаний не определяет степени практического владения ими» [85, с. 95–96], и далее: «уровень практического владения юридическими знаниями у лиц с отклоняющимся поведением, во всяком случае, не ниже, а по некото-

рым показателям выше, чем у законопослушных граждан» [85, с. 97]. Авторы делают общий вывод: «все группы испытуемых – и законопослушные, и правонарушители, и преступники – очень близки по уровню юридической подготовки» [85, с. 97]. Сходные данные были получены А. И. Долговой, которая эмпирически доказала, что в обыденной жизни люди часто пользуются не знанием закона, а моральными нормами [30, 31]. К таким же выводам пришли и другие ученые [26, с. 120–123].

Результаты эмпирических исследований влияния уровня правовой подготовки на социально-правовое поведение обобщил А. М. Столяренко. Он указал на то, что «правомерное поведение личности в определенной степени возможно и при отсутствии знаний в области права, если она находится на высоком уровне социального и психологического развития. Мораль и право неразрывно связаны, и человек, разбирающийся в вопросах морали, которому присущи справедливость, честность, порядочность, стремление к добру, доброжелательность, человечность, ответственность, требовательность к себе и пр., интуитивно угадывает, что справедливо, а что нет, и не допускает нарушений» [81, с. 58].

Отношение к закону, правовым предписаниям. Отношение людей к закону, основанное на нравственных ценностях, выступает стержневым элементом правосознания и может быть отрицательным, противоречивым либо положительным. Не знание тонкостей правовых предписаний, а целостное восприятие права как неприкосновенного института является важнейшим детерминантом законопослушного поведения. Как правило, поведение людей обусловлено не правовыми нормами, а представлениями о нормах права. При этом у гармонично развитой личности представления о нормах права и морали совпадают. В связи с этим М. И. Еникеев рассматривает данную сферу правосознания шире, включая в нее не только правовые нормы, но и общесоциальные: «Фундаментальными факторами социально положительного поведения человека является положительное эмоционально-оценочное отношение личности к общесоциальным нормам» [33, с. 233].

Оценочные отношения к правопослушному и противоправному поведению людей, субъектам социально-правового поведения. Отношение индивида к явлениям правовой действительности, правомерному или противоправному поведению и их субъектам формирует у него представления относительно собственного юридически значимого варианта действий. Восприятие и оценка правового поведения других людей выступает источником собственного правового поведения. Одобрительная оценка определенных видов правонарушений обуславливает собственное правонарушающее поведение и наоборот. В этой связи в целях выявления деформаций правосознания важным является изучение отношения к правомерным и противоправным способам

удовлетворения потребностей или разрешения проблемных ситуаций (материальных – отношение к труду на законных основаниях, кражам, воровству; межличностных – поиск компромиссов при конфликте, совершение насильственных преступлений; правомерные либо противоправные способы защиты личных интересов и др.). К данному элементу можно отнести и представление о правовых позициях других людей, так как «для субъекта социального поведения характерна ориентация на других людей, прежде всего на тех, с которыми он себя идентифицирует, которые для него представляют референтную социальную группу» [69].

Отношение к правоохраняемым социальным ценностям. К правоохраняемым социальным ценностям уголовное законодательство относит мирное и безопасное существование человечества; жизнь, здоровье, честь, достоинство, права, свободы, личные интересы человека, его собственность; уклад семейных отношений; окружающую и природную среду; общественные и государственные интересы (безопасность, здоровье населения, общественный порядок и др.) и т. д. «Личностно-значимыми социальными ценностями также являются моральные свойства социальных отношений, а именно утверждение в обществе и государстве справедливости, взаимопомощи, гуманизма, законности, правопорядка и т. д. Они выступают для индивида важными условиями его социального бытия» [72].

Отношение к правоохраняемым социальным ценностям может быть уважительным, гуманным либо эгоистичным, потребительским, пренебрежительным, неприязненным. Уважительное отношение к социальным ценностям существенно определяет выбор правомерных и морально одобряемых способов взаимодействия с ними. Противоположное отношение прямо не предопределяет склонность субъекта к вредоносным действиям, но характерно для лиц, совершающих противоправные посягательства на них.

Оценочные отношения к судебному-правовому устройству государства, правоохранительным органам и их деятельности, выполнению гражданского долга по участию в поддержании правопорядка; социально-правовые ожидания. Данные структурные компоненты правосознания выражают отношение к правовому контролю, осуществляемому правоохранительными органами, выявлению ими противоправных деяний и лиц, их совершающих, к применению правовых санкций и мер юридической ответственности, уголовно-исполнительной системе и мерам наказания. Отношение к правоохранительным органам и их деятельности является одним из основных элементов правосознания, детерминирующих социально-правовое поведение людей. При этом характер этих отношений определяет уровень правовой активности граждан в

поддержании правопорядка, степень напряженности во взаимоотношениях населения и власти. «Дело в том, что милиция в глазах населения, с одной стороны, олицетворяет порядок, установленный законом, а с другой – является наиболее „осязаемым“ инструментом власти» [80, с. 49].

Отношение населения к правоохранительным органам и их деятельности определяется представлениями об уровне правопорядка в стране, конкретном регионе; мнением, насколько распространены в обществе те или иные преступные деяния; наличием либо отсутствием у граждан состояния безопасности от преступных посягательств; оценкой морально-деловых качеств сотрудников правоохранительных органов, в первую очередь милиции (добросовестность, отзывчивость, профессионализм, соблюдение законности, уровень коррумпированности и др.); степенью доверия к правоохранительным органам; отношением к выполнению гражданского долга по поддержанию правопорядка (участие в защите правоохраняемых социальных ценностей, пресечение (воспрепятствование) противоправных деяний, избличение преступников в уголовном процессе в качестве свидетеля, профилактические мероприятия или охрана общественного правопорядка совместно с сотрудниками органов внутренних дел и т. д.); социально-правовыми ожиданиями населения, представлениями об уровне раскрываемости преступлений, реализации принципа неотвратимости наказания.

Социально-правовые ожидания выражают представления о положительных или отрицательных последствиях противоправного поведения, а также успешности законопослушных способов удовлетворения потребностей и интересов, разрешения жизненных проблем. Эти ожидания касаются, с одной стороны, наступления или ненаступления юридической ответственности за совершение противоправных действий (ее неотвратимости или возможности избежать), а с другой – успешности правомерных путей удовлетворения определенных интересов.

Рассмотренные элементы правосознания (ядро) выступают источником для репродукции свойств правосознания, в том числе противоправной направленности, так называемые деформации правосознания.

Деформации правового сознания – это совокупность психологических свойств, детерминирующих искаженное отражение правовой действительности, отрицательное отношение к правовым предписаниям, законности и правопорядку, а также асоциальную направленность поведения индивида или группы.

Искажения отражения правовой действительности опосредованы социальными влияниями, к которым относятся: наличие социально-экономических и политических кризисов в развитии общества, низкий уровень экономического благосостояния граждан; неблагополучная семья; негативное влияние референтной группы; формализм в прове-

дении воспитательной и идеологической работы с населением, который способствует формированию в сознании граждан недоверия к органам государственной власти, неуважение к ее представителям; деструктивный информационный поток, транслируемый СМИ и в сети Интернет; низкий уровень педагогического мастерства субъектов правового воспитания (педагоги, сотрудники идеологических аппаратов, органов правопорядка, журналисты и др.) и т. д.

В психолого-педагогической и юридической литературе описаны деформации правосознания, обуславливающие противоправную направленность поведения. Традиционно рассматриваются следующие формы деформации правового сознания личности: правовой инфантилизм, правовой нигилизм, правовой фетишизм и перерожденное правосознание. При этом выделяют деформации общественного, группового и индивидуального правосознания.

Под правовым инфантилизмом понимается недостаточная сформированность и пробельность правовых взглядов, знаний, установок [75]; правовым нигилизмом – осознанное игнорирование требований закона [8]; правовым фетишизмом – гипертрофированное (возведенное в абсолют) понимание роли юридических средств в осуществлении социально-экономических, политических и иных задач без учета их реальных возможностей [8, 23]; правовым перерождением – случаи осознанного отрицания законов, сопровождающегося наличием у лица преступного умысла, а также корыстного, алчного [8].

Указанные деформации правосознания не отражают в полной мере его психолого-педагогической сущности. Деформации правосознания личности подростка выражаются в особенностях ее психического склада, специфических характеристиках системы интегративных психических образований, детерминирующих социально-правовое поведение, в социально-правовых ожиданиях личности, а также в социальной неподготовленности личности (отсутствие необходимых профессиональных, социально значимых умений и навыков, несформированность социально одобряемых личностных норм и принципов поведения и т. д.). Исходя из проведенного нами теоретического анализа сущности правового сознания, под деформациями правосознания личности следует понимать совокупность психологических свойств, реализующихся в когнитивной и чувственно-эмоциональной сфере, детерминирующих искаженное отражение правовой действительности, а также противоправную направленность поведения.

В зависимости от степени выраженности, представленности свойств, обуславливающих асоциальное поведение, деформации правосознания можно типологизировать на предкриминальные, криминальные и криминальные (табл. 3).

Таблица 3

Содержательная характеристика деформаций правосознания

Ядро правосознания личности	Деформации правосознания		
	предкри- ми- ногенные	кримино- генные	крими- нальные
Знание правовых предписаний	+	+/-	+; +/-; -
Отношение к закону, правовым предписаниям	+	+/-	-
Знание конкретных и реальных представлений о правомерных способах удовлетворения потребностей и решения жизненных проблем	+/-	+/-	+/-; -
Отношение к правомерным способам удовлетворения потребностей	+	+/-	-
Отношение к преступным способам удовлетворения потребностей	-	+/-	+
Отношение к правопослушному поведению	+	+/-	-
Отношение к противоправному поведению	-	+/-	+
Отношение к законопослушному человеку	+	+/-	-
Отношение к преступнику	-	+/-	+
Отношение к правоохраняемым социальным ценностям	+	+; +/-	-; +/-
Социально-правовые ожидания	+	+; +/-	-; +/-
Отношение к органам правопорядка	+	+/-	-
Отношение к выполнению гражданского долга по участию в поддержании правопорядка	+/-	+/-	-

«+» – положительное отношение / знает;

«-» – отрицательное отношение / не знает;

«+/-» – противоречивое отношение / неполное (фрагментарное) знание

Носитель предкриминальных деформаций правосознания отличается преобладанием правопослушной направленности поведения, правомерных взглядов, убеждений и ожиданий; личной неприемлемостью противоправного способа удовлетворения потребностей, интересов и притязаний; достаточным уровнем знаний правовых предписаний и запретов, необходимых для того, чтобы умышленно не нарушать закон; однозначно уважительным отношением к закону.

Признаки предкриминальных деформаций правосознания:

отсутствие конкретных и реальных представлений о правомерных способах удовлетворения потребностей в сфере материального обеспечения жизни (подросток выражает правомерные представления о том,

как обеспечивать свою жизнь и жизнь близких людей материальными благами: необходимо учиться, получить профессию, трудиться, нельзя воровать, обманывать других и т. д., однако его взгляды носят общий, поверхностный характер, без реальных и детальных представлений о том, что необходимо для получения соответствующей трудовой специальности, чем конкретно будет заниматься данный труженик, сколько денег зарабатывать, как повысить заработанную плату); взаимодействия с другими людьми (разрешение конфликтных ситуаций), обеспечения собственных прав и интересов, прав и интересов других людей (ребенок стремится разрешать конфликтные ситуации, не причиняя вред другим, не нарушая нравственные и правовые нормы, однако у него отсутствуют конкретные представления, как налаживать взаимоотношения, например, с одноклассниками, строить с ними гармоничные дружеские отношения; не знает реальных способов выхода из сложной межличностной ситуации, например во взаимоотношениях с учителем; как правило, это приводит к вынужденному одиночеству, доминирующему состоянию тоски, грусти, печали, тревоги; наибольшей угрозой выступает незнание подростком правомерных стратегий поведения в криминально опасной ситуации, например, в случае совершения товарищами противоправного или безнравственного поступка, издевательства, насилия, включая сексуальное над одноклассником); развлечения и досуга (проведение свободного времени) (подросток выражает искреннее неприятие к употреблению наркотиков, иных психотропных препаратов, осуждает ребят, принимающих алкоголь, курящих; вместе с тем ребенок не умеет занять себя в свободное время; особую опасность представляет незнание правомерных способов поведения в криминально опасной ситуации: не представляет, что сказать ребятам, которые могут предложить употребить наркотические вещества, например спайс; серьезно осложняет ситуацию отсутствие волевой решимости противостоять данному криминальному воздействию со стороны окружающих);

несоответствие правомерных жизненных притязаний объективным и субъективным возможностям субъекта (ставятся завышенные жизненные цели, не подкрепленные необходимыми личностными качествами (например, ребенок мечтает стать космонавтом, не прилагая к этому никаких волевых усилий: в школе успеваемость слабая, учиться не хочет, физкультурой не занимается, посещать спортивные секции отказывается); деформации правосознания данного типа могут быть обусловлены завышенными (гипертрофированными) потребностями (постоянное требование от родителей большей суммы карманных денег, дорогих вещей и предметов), неадекватным стремлением приобрести престижный статус в учебной группе (известность, влияние),

самовыражением (переживание самодовольства от обращения на себя внимания других людей), самоутверждением, побуждающим к рискованным действиям, не соотносимым с разумной необходимостью, совершаемым вопреки социальным нормам);

отсутствие бескорыстной готовности оказывать помощь органам государственной власти в поддержании правопорядка в обществе (демонстрация готовности принять участие в расследовании преступления в качестве свидетеля только при определенных условиях – материальном вознаграждении, освобождении от учебных занятий, предоставлении определенных льгот и поблажек и др.).

Наличие вышеуказанных проявлений предкриминогенных деформаций правосознания свидетельствует о недостаточной антикриминальной устойчивости личности, что выступает одним из существенных условий вовлечения подростка в противоправную деятельность.

Носитель криминогенных деформаций правосознания сочетает положительные и отрицательные представления о явлениях правовой действительности, а также признаки девиантного (отклоняющегося) поведения.

Признаки криминогенных деформаций правосознания:

недостаточный (пробельный, фрагментарный) уровень знаний правовых норм и запретов, необходимых для реализации своих основных прав и обязанностей; отсутствие понятных и конкретных представлений об уголовной или административной ответственности за те или иные правонарушения, что может способствовать совершению неумышленных и умышленных правонарушений (например, 16-летний подросток, не предполагая о возможном наказании, может сообщить ложную информацию о заложенной в школе взрывчатке, что является основанием для привлечения его к уголовной ответственности);

двойственное отношение к закону: с одной стороны, уважительное отношение к закону, с другой – убежденность в том, что отдельные правовые требования не справедливы, не обязательны для исполнения (например, оплата проезда в общественном транспорте);

незнание правомерных способов удовлетворения потребностей, решения жизненных проблем, обеспечения собственных прав и интересов (криминогенные деформации правосознания выражаются в представлении о сложности и проблемности правомерных способов, которые требуют больших усилий и затрат по сравнению с противоправными; преступные способы удовлетворения потребностей, воспринимаемые как «неправильные», считаются более легкими и простыми, не требующими существенных усилий);

отрицательное отношение к отдельным сторонам правопослушного образа жизни, добросовестному труду или учебе в школе; эгоистичное, потребительское отношение к другим людям (ученик может награж-

дать одноклассников-отличников негативными эпитетами, распространять сплетни и небылицы о них; более слабых эксплуатировать в личных интересах);

положительное (оправдательное) отношение к отдельным сторонам преступного образа жизни, отдельным преступлениям (подросток может демонстрировать спокойное отношение к правонарушающему поведению со стороны своих товарищей, которые издеваются над сверстником; в последующем при наступлении ответственности может оправдывать друзей, по принципу «Он первый начал!»; принятие некоторых норм и традиций криминальной субкультуры, «воровских законов» (например, в среде подростков, которые в целом выражают правопослушную направленность поведения, может культивироваться запрет на сотрудничество с органами правопорядка, использоваться в разговорной речи криминальный жаргон, приветствоваться нанесение татуировок с криминальным смыслом (аксельбант на предплечье, перстень на фаланге пальца и т. д.);

представления о том, что значительная часть преступников избегают ответственности либо это достаточно легко сделать, совершив правонарушение (данный признак криминогенных деформаций свидетельствует о неверии в неотвратимость наказания);

неаргументированное отрицательное отношение к деятельности органов внутренних дел, судов; нежелание оказывать им помощь в поддержании правопорядка в обществе.

Девиантное поведение подростков с криминогенными деформациями правосознания проявляется в провинностях, нарушающих нравственные, общепринятые нормы поведения (прогул учебных занятий, побег из дома, бродяжничество, оскорбление учителей, товарищей, общение с антисоциальными (криминальными) компаниями и др.).

Криминальные деформации правосознания выражаются в наличии отрицательных социально-правовых взглядов, убеждений и ожиданий, а также склонностей к совершению правонарушений.

Признаки криминальных деформаций правосознания:

отрицательное отношение к закону (правовые требования воспринимаются как вредные и ненужные для людей (данное отношение наиболее выражено, например, в среде подростков, исповедующих экстремистские, анархические взгляды, «воровские законы»); правовая система государства, нравственно-правовые нормы и требования общества воспринимаются как несправедливые, защищающие только власть, а не человека, необязательные для исполнения);

значительная часть людей воспринимаются как неуважительно относящиеся к закону, уклоняющиеся от соблюдения требований правовых предписаний («Все чиновники воры!») или «У нас в школе никто не готовит домашние задания!»);

неуважительное (отрицательное) отношение к правомерным способам удовлетворения материальных потребностей, решения жизненных проблем, межличностных конфликтов, обеспечения собственных прав и интересов; представления о невозможности законно удовлетворять потребности, интересов и притязаний (правопослушный образ жизни воспринимается как неприемлемый, невыгодный, неправильный);

противоправное поведение воспринимается как нормальное, выражается положительное отношение (выгодное, правильное) к преступному образу жизни;

принятие и культивирование норм и обычаев криминальной субкультуры, «воровских законов» (положительное отношение к лицам, ведущим преступный образ жизни, стремление завоевать криминальный авторитет, оправдательное отношение большинства преступлений; преступник наделяется положительными волевыми и моральными качествами (смелый, удачливый, справедливый, готовый к самопожертвованию за товарищей – «братву»), его судьба преподносится как достойная уважения; распространение криминальных песен («блатной шансон»), жаргона («блатная феня»), татуировок («масти»), прозвищ («погоняла»)).

Криминальная субкультура выполняет регулятивную функцию в антисоциальных сообществах. В этой связи педагогам необходимо знать, какие криминальные нормы, обязанности и запреты наиболее распространены в среде несовершеннолетних правонарушителей: всегда и везде оказывать поддержку преступникам («бродягам», «шпане», «пацанам»); препятствовать установлению представителями органов государственной власти (в контексте данной публикации – администрации учреждения образования) должного правопорядка; стойко переносить дисциплинарные наказания; соблюдать обязательства и договоренности; поддерживать справедливость в отношениях; рассчитывать за проигрыш в карты или другие азартные игры и добиваться возвращения карточного долга (долг прощать нельзя); пополнять общую кассу («общак»); пополнять ряды несовершеннолетних правонарушителей, готовить молодое пополнение; делиться информацией, значимой для избежания уголовной ответственности с преступниками, которых это касается; хранить тайну общего дела; отвечать за обвинения, оскорбления и поступки; справляться с теми, кто допустил незаслуженное обвинение или оскорбление («смыть кровью»); давать объяснение своим поступкам на сборе представителей криминальной элиты («сходке»).

Основными запретами по «воровским законам» являются: сотрудничество с работниками правоохранительных органов, администрацией учреждения образования в целях обеспечения должного правопорядка (жалобы на их действия писать допустимо); незаслуженное (недока-

зуемое) оскорбление или обвинение представителей элитной касты («бродяг», «шпаны», «пацанов»); беспричинная расправа («беспредел»); распространение информации о жизни сотоварищей с работниками правоохранительных органов, учителями и др.; воровство у «своих» (правонарушителей); проявление слабости характера и др.

Криминальная субкультура предполагает также такой обычай, как проверка новичков («прописка»), например, в классе на умственные способности, умение постоять за себя, надежность, а также на отрицательные склонности, в том числе к гомосексуализму.

Центральной характеристикой криминальных деформаций правосознания личности выступает наличие личностной приемлемости преступных способов удовлетворения определенных потребностей либо разрешения жизненных проблем.

Противоправное поведение подростков с деформациями правосознания проявляется в проступках, нарушающих правовые нормы общества (хулиганство, издевательство над другими людьми, вымогательство (денег, предметов, одежды и т. д.), угон велосипедов и мотоциклов, мошенничество, спекуляция, кражи, нанесение телесных повреждений, сексуальные девиации (педофилия, зоофилия, некрофилия, эксгибиционизм и др.) и т. д.).

Знание содержания правосознания, его деформаций необходимо для постановки дифференцированных психолого-педагогических задач правового воспитания. Так, в отношении личности, сформированной в духе законопослушного поведения, задачи должны быть направлены на укрепление позиции на правопослушный образ жизни, активное участие в защите правопорядка, конкретизацию правомерных способов удовлетворения потребностей и интересов. В отношении лиц, отличающихся криминогенными и криминальными деформациями правосознания, задачи должны быть направлены на устранение свойств, их образующих (исправительный аспект), и образование свойств, детерминирующих правомерную ориентацию поведения, антикриминальную устойчивость личности, готовность к правомерному решению жизненных проблем в различных сферах жизнедеятельности (формирующий аспект).

Свойства правосознания личности (ядро), с одной стороны, являются предметом их формирования (образования) в процессе правового воспитания, а с другой – профилактики и коррекции, если они образуют деформации правосознания.

Для выработки целей правового воспитания следует исходить из того, что правосознание охватывает три сферы юридически значимого поведения человека (материальное обеспечение, общение с другими людьми, развлечение и досуг), а также социальные роли, реализация

которых предусматривает правовые обязанности и запреты (гражданин, патриот, труженик, семьянин и др.). Основываясь на содержании правосознания личности, сформулируем цели правового воспитания:

формирование патриота, добросовестно выполняющего свой долг по защите отечества, других людей, в том числе от преступных посягательств, активно поддерживающего правопорядок; отличающегося готовностью в любой момент стать на защиту Родины;

формирование гражданина (члена общества), уважительно относящегося к нравственно-правовым предписаниям общества, другим людям, природе, чужой собственности, отличающегося совестью, терпимостью, уживчивостью; способного жить в коллективе и учитывать его интересы; способного к самоограничению; демонстрирующего благопристойное поведение в сфере отдыха и развлечений;

формирование профессионала-труженика, считающего труд основным источником материальных благ; стремящегося максимально качественно исполнять профессиональные обязанности; отличающегося приоритетом духовных ценностей над материальными, бескорыстием, душевной широтой и щедростью, нестяжательством;

формирование семьянина, добропорядочного родителя, любящего детей и использующего педагогически адекватные приемы воспитания; преданного супруга и заботливого сына (дочери).

Данные цели должны пронизывать всю систему государственной политики в сфере правового воспитания, образовательный процесс учреждений образования всех уровней, пропагандироваться СМИ, гражданским обществом. Центральной идеей государственной идеологии в сфере нравственно-правового воспитания человека должна быть аксиома «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества».

Правовое воспитание должно быть направлено на формирование готовности личности к правомерному поведению в различных сферах жизнедеятельности, выполнению определенных социальных ролей, а также на формирование (укрепление) антикриминальной устойчивости личности. Данная стратегия предполагает устранение деформаций правосознания, формирование свойств, выступающих детерминантами законопослушного поведения, в том числе готовности поддерживать правопорядок, противодействовать совершению противоправных деяний другими людьми.

Для достижения целей правового воспитания необходимо решение комплекса психолого-педагогических задач, основанных на знании структурных элементов правосознания личности. Данные задачи должны быть направлены на формирование в личности воспитанника: необходимого уровня правовых знаний; уважительного отношения к закону; положительного отношения к законопослушному человеку и

негативного – к преступнику; личностной приемлемости правопослушного поведения и неприятия преступного образа жизни; уважительного отношения к правоохраняемым социальным ценностям; уважительного отношения к органам государственной власти, в том числе правоохранительным; гражданской активности, направленной на поддержание правопорядка в обществе; адекватных социально-правовых ожиданий.

2.4. Психолого-педагогические задачи профилактики противоправного поведения несовершеннолетних

Стратегия профилактической работы с подростками предусматривает: недопущение формирования и (или) нейтрализацию криминогенных склонностей и деформаций правосознания; формирование и развитие качеств личности, необходимых для законопослушной жизни, правомерного удовлетворения потребностей и решения жизненных проблем (социальной подготовленности подростка); формирование или укрепление антикриминальной устойчивости личности, выражающейся в способности противостоять криминогенным влияниям других лиц и жизненных обстоятельств.

Реализация профилактической стратегии предполагает три основных этапа [67, 124].

Первый этап – формирование мотивации и волевой решимости жить правопослушно. Мотивация построить благополучную жизнь должна включать не только желание и волевою решимость не допускать совершения противоправных деяний, но и систематически учиться, трудиться, а также выполнять иные обязанности для обеспечения своей жизни (заботиться о близких и др.).

Индивидуальная исправительно-профилактическая работа предусматривает последовательное решение ряда психолого-педагогических задач.

Во-первых, формирование высокой ценностной значимости учебной, спортивной, трудовой и иной социально полезной деятельности. Реализация данной задачи возможна посредством:

обогащения положительной эмоционально-образной представленности социально активной жизни в психическом мире личности (обеспечивается это управляемой актуализацией положительных эмоционально-образных детских воспоминаний об играх, спортивных состязаниях, совместной трудовой деятельности с родителями; достигается при выполнении просьбы воспитателя представить, какие чувства испытывает человек, когда выполняет подобную деятельность; наряду с самостоятельным ассоциированием положительного душевного со-

стояния необходимо использовать и внушающую подсказку, в чем оно заключается (приятное спокойствие, чувство радости, удовлетворенности от радости близкого человека, ощущение своего достоинства, уверенности в том, что это всегда будет в будущем); усиление положительных образных ассоциаций может обеспечиваться демонстрацией фотографий, видеосюжетов, рисованием символических рисунков, написанием кратких эссе («маленькие и большие радости в жизни», «Благополучие в жизни в моей душе»);

укрепления позитивных ожиданий в построении благополучной жизни (многим трудным подросткам присуще чувство неоправданных надежд на построение такой жизни, неуверенность в возможности справиться с трудностями в учебе, приобретении профессии, отношениях со взрослыми и сверстниками; для укрепления положительных ожиданий необходимо вначале достичь признания подростком, что построить благополучную добропорядочную жизнь в принципе возможно; затем может идти проективное обсуждение вопросов: «Есть ли люди, у которых при реальных не совсем благоприятных условиях это получается. У какого человека это может получиться? Что он для этого делает?»; далее целесообразна детализация для «накопления уверенности» в возможности построить благополучную правопослушную жизнь, заключающуюся в том, что несовершеннолетние под управлением воспитателя последовательно осмысливают возможность обретения отдельных благ и решения отдельных задач по налаживанию правопослушной жизни, начиная от наиболее простых и переходя к более сложным, параллельно продуцируется мысль о необходимости личного старания и принятия личной ответственности за это).

Во-вторых, формирование мотивации избегать неблагоприятных (противоправных) поступков и принимать личную ответственность за свое будущее. Для этого необходимо выполнить следующие психолого-педагогические действия:

осмысление отрицательной значимости асоциального (противоправного) поведения: что оно принесло плохого и что отняло, чем такая жизнь хуже, чем противоположная (добропорядочная) (обеспечивает формирование ценностно-смыслового компонента отрицательного отношения к криминальному образу жизни);

актуализация негативных воспоминаний о переживании наказания (от родителей, в школе, милиции) за неблагоприятные поступки (драка, хулиганские действия и др.) для усиления эмоциональной стороны отрицательного отношения к нему в контексте личной ответственности за случившееся (у многих подростков негативное восприятие наказания отсутствует в силу защитных механизмов, оберегающих от чувства вины; человек может подсознательно приуменьшать субъективную

тяжесть своих провинностей, глядя на них с точки зрения личной способности «достойно» пройти испытание, не показать себя слабым; кроме того, у подростков, длительно находящихся в компании подобных трудных сверстников, происходит привыкание к такой криминальной жизни, отвыкание от добропорядочной жизни с ослаблением нормальных социальных связей и отношений; еще один защитный феномен выражается в блокировании мыслей о жизненных потерях: подросткам не приятно и не хочется думать об этом);

мысленное проектирование жизненного пути при совершении преступлений: какие могут наступить правовые последствия, что человек теряет (позволяет взглянуть на преступную жизнь в масштабе жизненного пути и увидеть ее ущербность; у подростков может возникнуть сильная защитная реакция, побуждающая к отказу от осмысления своего будущего при противоправном поведении, но это имеет пользу для исправительного влияния);

обесценивание благ, получаемых от преступной деятельности (иллюзорное уважение, самоутверждение, материальные блага и др.) с подведением к мысли о том, что на них надо смотреть в неразрывной связи с жизненными потерями, душевными переживаниями и физическими лишениями, которые им присущи в связи с наступающим уголовным наказанием (часть подростков склонны оправдывать свою жизнь, восхваляя аморальные развлечения, общение со сверстниками и др.); необходимо насыщать сознание воспоминаниями об отрицательных моментах противоправной жизни и на этом фоне стараться обесценивать «блага» преступной жизни; полезна актуализация положительных воспоминаний о правоммерном периоде жизни детства;

формирование ожиданий неизбежности наказания и иных отрицательных последствий при противоправном поведении (целесообразно использовать такие приемы, как обращение к примерам раскрытия тщательно подготовленных преступлений; использование ассоциативных аналогий, например с «русской рулеткой»; применение метафор, поговорок, крылатых выражений о неизбежности наказания при совершении преступлений).

Второй этап – формирование готовности к правопослушному образу жизни, включая проработку правильных жизненных планов и соответствующих им личных правил поведения в различных сферах и ситуациях, осознание должного Я-образа, правильных вариантов решения жизненных проблем, а также приобретение профессиональной квалификации и выработку умений, необходимых для правильного взаимодействия с людьми, бытового самообеспечения. По мере формирования и укрепления мотивации построения правопослушного образа жизни постепенно решаются задачи подготовки к нему.

Данный этап профилактической работы основывается на результатах первого (стремление построить добропорядочную жизнь с отказом от противоправного поведения) и носит характер проработки подростком ряда ее составляющих:

жизненные планы в основных сферах жизнедеятельности и правильные варианты разрешения вероятных жизненных проблем: где жить; как строить отношения с теми, с кем придется жить, как избегать конфликтов; как вести себя с детьми; как действовать для трудоустройства и как справиться с проблемами в этом деле; как себя зарекомендовать в учебном коллективе; как строить отношения с сотрудниками милиции; как строить отношения с друзьями; какой должен быть распорядок жизни; как с пользой проводить свободное время и избегать втягивания в пьянство; как наладить семейную жизнь или построить близкие отношения;

должный Я-образ: каким себя необходимо проявлять в различных сферах и социальных отношениях (в школе, с членами семьи, сверстниками, работниками милиции и т. д.); какие проявления нельзя допускать (при коррекции Я-образа такая умственная проработка представляет только начальный этап; далее необходимо использование техник, формирующих более глубокие установки на проявление требуемых качеств и волевой самоконтроль по сдерживанию проявления нежелательных);

формирование системы личных правил действий и поведения в разных сферах жизнедеятельности, при реализации определенных функций, отношений и решении всевозможных жизненных задач: как необходимо себя вести, действовать, строить отношения, поступать в определенных проблемных ситуациях; как не следует поступать (формирование системы таких правил требует умственной выработки с письменной фиксацией, что более рационально для усвоения; затем возможно применение техники самовнушения на фоне релаксации и техники умственного апробирования в воображаемых ситуациях и в виде ролевой игры);

формирование умений, необходимых для социальной адаптации и построения правомерного образа жизни (касается реализации выработанных личностных правил поведения, самоконтроля; может осуществляться в процессе обучения, консультирования, проведения тренинговых мероприятий, контроля за поведением, стимулирующего влияния и коррекции);

формирование устойчивости против употребления наркотиков и против пьянства (является специальным направлением исправительно-профилактической работы, которое требует сочетания медицинских и психолого-педагогических средств); воспитательное влияние призвано обеспечить формирование установки на прохождение наркологическо-

го лечения (при наличии зависимости), которая предусматривает прежде всего ее ценностно-смысловую основу аналогично описанному выше формированию мотивации отказа от противоправного поведения.

Третий этап – формирование достаточного уровня правовых знаний и уважительного отношения к явлениям социально-правовой действительности: необходимого уровня правовых знаний о сущности и назначении закона, основных нормах административного и уголовного законодательства, обстоятельствах, отягчающих вину, порядке реализации права человека на защиту от преступных посягательств и т. д.; уважительного отношения к закону; положительного отношения к законопослушному человеку, отрицательного – к преступнику и сочувственного – к объекту преступного посягательства; положительного отношения к законопослушному поведению и отрицательного – к противоправному; уважительного отношения к правоохраняемым социальным ценностям (жизнь, здоровье, честь, достоинство, права и свободы человека, общественная нравственность, уклад семейных отношений, природная среда, общественные и государственные интересы и т. д.); положительно-го восприятия органов государственной власти, в том числе органов правопорядка, и их деятельности; повышение гражданской активности по поддержанию правопорядка в обществе; необходимых социально-правовых ожиданий:

Реализация формирования необходимого уровня правовых знаний о сущности и назначении закона, основных нормах административного и уголовного законодательства, обстоятельствах, отягчающих вину, порядке реализации права человека на защиту от преступных посягательств и т. д. имеет особое значение в отношении ребенка как существенное условие и средство социализации его личности. Базовые правовые знания надо формировать у несовершеннолетнего до наступления возраста уголовной ответственности (14 лет), а в подростковом возрасте – углублять и расширять их. В результате по окончании средней школы выпускник обязательно должен иметь целостное представление о своих правах и обязанностях, порядке их реализации, возможностях и способах защиты прав личности (куда обратиться за решением того или иного вопроса, как и где обжаловать неудовлетворяющее решение, способах защиты своих прав от незаконных действий физических и юридических лиц); правилах поведения в криминальных ситуациях, обеспечения личной безопасности человека от преступных посягательств в семье, школе, общественных местах, дома, на улице; государственно-правовом устройстве Республики Беларусь, системе обеспечения национальной безопасности, в том числе по защите граждан от преступных посягательств, а также правах и обязанностях граждан по участию в охране правопорядка; видах юридической ответственности

граждан, условиях и порядке привлечения граждан к юридической ответственности; уголовной и административной ответственности за правонарушения в сфере материального обеспечения (кража, разбой, грабеж и т. п.), взаимодействия с другими людьми (оскорбление, хулиганство, телесные повреждения, проституция, изнасилования и т. д.), развлечения и досуга (пропуски учебных занятий, нахождение в общественных местах в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, распространение наркотиков и др.).

Оценочными критериями должного уровня правовой подготовленности являются: умение индивида давать нравственно-правовую оценку поступкам людей, собственным действиям, явлениям жизни (правильно с точки зрения морали и закона поступил или нет), а также знание юридической ответственности за проступки и правонарушения.

Формирование уважительного отношения к закону предполагает: воспитание представлений о социальной важности и необходимости правовых предписаний, направленных на защиту конкретного гражданина, всего общества, устанавливающих общественный порядок; формирование убеждений о справедливости действующих в обществе правовых предписаний; разъяснение обязательности исполнения правовых предписаний всеми гражданами, равенства всех граждан перед законом.

Формирование оценочного отношения к закону проявляется, с одной стороны, в раскрытии положительных сторон (выгодных для каждого человека, ребенка и взрослого) существования в обществе правовой системы и действующих законов. С другой стороны, целесообразно разъяснение катастрофических последствий для социума отсутствия правовых предписаний, нормативно закрепленных правил взаимодействия людей друг с другом.

Участие народа в подготовке законопроектов является важнейшим условием формирования личностной значимости правовых предписаний, потребности их соблюдать и требовать их соблюдения от других людей. Уважение к законам формируется не только тогда, когда народ принимает участие в его создании, но и потому, что есть возможность его изменять в случае, если закон начинает приносить вред. В этой связи важным представляется привлечение, например, обучающихся к разработке и корректировке правил поведения в школе, распорядка дня, пропускного режима, поддержания чистоты в классе и т. д. Участвуя в управлении школой, а затем предприятием, районом, государством, формируется личная заинтересованность в том, чтобы все исполняли законы, то есть установленные в обществе правила игры.

Оценочными критериями уважительного отношения к правовым предписаниям являются: восприятие закона как главного средства обеспечения собственной (личной) безопасности, спокойствия в семье,

школе, компании друзей, на улице, всего общества; возникновение личной заинтересованности укреплять закон, защищать правопорядок в классе, школе, обществе.

Формирование положительного отношения к человеку, ведущему законопослушный образ жизни, предполагает в первую очередь раскрытие эмоционально позитивного (привлекательного) образа добропорядочного гражданина, насыщение его психологического содержания социально одобряемыми качествами (мужественный защитник Отечества (герой), хороший семьянин, любящий сын, заботливый отец, чувственный муж, честный труженик, имеющий материальный достаток, сильный, уверенный в завтрашнем дне, самодостаточный, знающий, отзывчивый, готовый прийти на помощь и т. д.). В этой связи нравственно-правовое воспитание должно осуществляться на основе культивирования колоритных гражданских идеалов, на которые хотелось бы равняться и с которыми бы воспитанник себя идентифицировал. Данные образцы для подражания можно разделить на три уровня: общенациональные, региональные (известные в конкретном районе, области) и местные (выпускник школы, житель города, поселка).

Формирование положительного отношения к законопослушному человеку предполагает также воспитание представлений о том, что большинство людей в обществе живут законопослушно и уважительно относятся к закону, соблюдают требования правовых предписаний. Необходимо также убеждать воспитанников в том, что только законопослушный человек может быть успешным в обществе, уважаем другими людьми, счастливым, жить полноценной жизнью, испытывать радость от общения с близкими и друзьями, занятия любимым делом.

Формирование осуждающего отношения к преступнику, лицу, ведущему аморальный образ жизни, выражается в создании отрицательного (эмоционально непривлекательный, осуждающий, отталкивающий) образа человека, ведущего противоправный и асоциальный образ жизни, насыщение его психологического содержания нелицеприятными качествами (имеющий посредственные знания об окружающем мире, всего боится, не уверен в завтрашнем дне, отвергаем большинством людей, не имеет надежных друзей, презираем собственными детьми, супругой и др.). Реализация данной задачи подразумевает также девальвацию значимости, разрушение эмоциональной привлекательности неформальных норм и традиций криминальной среды («воровских законов»), раскрытие их антисоциальной сущности, разъяснение вредности татуировок, ложных ценностей, пропагандируемых в «блатных» песнях и т. д.

Формирование сострадательного отношения к объектам преступного посягательства (человек, общественные интересы, природная среда и др.) также имеет большое значение. Важно, чтобы воспитанник осоз-

нал и понял, какие эмоции и переживания испытывает, например, человек, у которого украли велосипед (мотоцикл), который подвергся сексуальным издевательствам и т. д. В процессе воспитательной работы необходимо также разъяснить отличие жалости от сострадания. Жалость – это бездействие, а сострадание – это активное участие в судьбе человека, в данном контексте, например, попытка защитить человека от преступного посягательства.

Оценочными критериями сформированности должного отношения к субъекту социально-правового поведения являются наличие у воспитанника социально одобряемого жизненного идеала (отец, литературный герой, спортсмен и т. д.), к достижению которого он стремится, осуждающее отношение к лицам, ведущим асоциальный образ жизни.

Положительного отношения к законопослушному поведению и отрицательного – к противоправному.

Формирование положительного отношения к правомерным способам удовлетворения потребностей и решения жизненных проблем в трех сферах жизнедеятельности (материальное обеспечение, взаимодействие с другими людьми, развлечение и досуг) предполагает: раскрытие положительных сторон правопослушного образа жизни для конкретного человека, его родных и близких, а также всего общества, широкого спектра возможностей добропорядочного образа жизни в саморазвитии личности, достижении успеха, реализации себя в различных областях; разъяснение личной выгоды при выборе правопослушных способов удовлетворения потребностей и интересов, разрешения жизненных проблем; выработка убеждений, что общество морально одобряет и всячески поддерживает (стимулирует) законопослушное поведение граждан; создание понятных, конкретных и реальных (соответствующих субъективным и объективным возможностям человека) представлений о правомерных способах удовлетворения потребностей и интересов (моделей поведения) в сфере обеспечения своей жизни материальными благами, взаимодействия с другими людьми, проведения свободного времени, а также о правопослушных способах удовлетворения потребностей как единственно возможных для человека и полезных для других людей; расширение знаний об эффективном (уникальном) опыте, наиболее оптимальных и целесообразных формах и способах удовлетворения потребностей и интересов, разрешения жизненных проблем правопослушным способом.

Формирование отрицательного отношения к преступным способам удовлетворения потребностей и решения жизненных проблем предполагает: нетерпимое и осуждающее отношение к противоправным способам удовлетворения материальных потребностей, разрешения межличностных конфликтов, а также к пьянству, алкоголизму, наркомании,

половой распущенности и т. д.; отрицательный смысл противоправного способа удовлетворения потребностей, интересов и притязаний как несущего угрозу другим людям, в первую очередь близким и родным; преодоление убежденности, что в обществе достаточно противоправных способов для удовлетворения материальных потребностей, что существует широкий спектр криминальных возможностей для того, чтобы развлечься, отдохнуть либо решить проблемы, возникающие во взаимоотношениях с другими людьми; наличие убеждений о различных отрицательных последствиях противоправного поведения и высокой вероятности их возникновения (наступление уголовной ответственности, переживание родителей, появление в биографии судимости и связанных с ней трудностей в дальнейшей жизни, недоверчивое и преимущественно отрицательное отношение людей, сложность найти хорошую работу, создать семью и т. д.); разрушение представлений о том, что противоправные способы удовлетворения потребностей и решения жизненных проблем являются более быстрыми и простыми по сравнению с правопослушными; разрушение толерантного отношения ко взяточничеству при решении жизненных проблем.

Помимо этого, работая с несовершеннолетними, необходимо особое значение придавать пропаганде правопослушных способов отдыха и развлечений, формировать мотивацию вести здоровый образ жизни либо избавляться (лечиться) от алкогольной или наркотической зависимости, которые выступают предпосылкой преступного поведения. Важным является также формирование мотивации на повышение образовательного уровня, приобретение профессии, трудовых навыков, желание трудиться.

Реализация данной подзадачи предполагает формирование антикриминальной устойчивости личности, что требует создания представлений о способах противостояния вовлечению в преступную деятельность, умений идти на конструктивный конфликт, говорить «нет».

Оценочными критериями сформированности должного отношения к правовому поведению различной направленности являются: наличие конкретных и реальных представлений о правомерных способах удовлетворения потребностей и интересов; осуждающее отношение к противоправным способам разрешения жизненных проблем и удовлетворения потребностей.

Для формирования уважительного отношения к правоохраняемым социальным ценностям (жизнь, здоровье, честь, достоинство, права и свободы человека, общественная нравственность, уклад семейных отношений, природная среда, общественные и государственные интересы и т. д.) следует привлекать внимание к нравственным и социально-правовым вопросам общества, актуализировать информацию, важную

для укрепления правопорядка и решения социальных проблем, создавать вокруг определенных информационных поводов атмосферу значительности, культивировать определенное (положительное или отрицательное) отношение к ним.

Оценочным критерием сформированности должного отношения к правоохраняемым социальным ценностям является выражение воспитанником положительного отношения к жизни и здоровью других людей, интересам общества, семейным ценностям и т. д.

Формирование положительного восприятия органов государственной власти, в том числе органов правопорядка, и их деятельности подразумевает: создание положительного, эмоционально привлекательного образа государственного служащего (чиновника), насыщение его психологического содержания положительными качествами (честный, обладающий высокими моральными качествами, профессионал, преданный делу, хороший семьянин и т. д.); разрушение стереотипа о том, что все чиновники «нечисты на руку»; выработку убеждений о наличии в обществе должного контроля за состоянием правопорядка, эффективном противодействии преступности; формирование уважительного отношения к сотрудникам органов правопорядка и их деятельности; положительного, эмоционально привлекательного образа сотрудника милиции (суда, прокуратуры и др.), насыщение его психологического содержания положительными качествами (преданный Родине и интересам народа, отличающийся высоким профессионализмом, бескорыстный, заботливый, всегда готовый прийти на помощь, помогающий, спасающий, не считающийся с личным временем и т. д.); укрепление чувства безопасности от преступных посягательств.

Оценочным критерием реализации данной задачи является выражение воспитанником положительного отношения к органам государственной власти, чиновникам, а также органам правопорядка, милиционеру.

Повышение гражданской активности по поддержанию правопорядка в обществе выражается в формировании убежденности в необходимости участия в пресечении преступных посягательств, оказания помощи работникам правоохранительных органов в изобличении виновных, а также в развитии общественного одобрения, поддержки участия в этой деятельности; создании эмоционально позитивного (привлекательного) образа человека, оказывающего помощь органам правопорядка в поддержании спокойствия в обществе, насыщение его психологического образа социально одобряемыми качествами.

Оценочным критерием реализации данной задачи является выражение воспитанником намерений принимать участие в поддержании об-

щественного порядка (в классе, школе, поселке), оказывать помощь милиции в раскрытии и расследовании преступлений.

Формирование необходимых социально-правовых ожиданий предполагает воспитание убеждений в том, что правопослушный образ жизни приносит радость и удовлетворенность от жизни, уверенность в себе, чувство самодостаточности; подавляющее большинство преступлений раскрывается, а преступники отвечают за содеянное; наказание за совершенное преступление неотвратимо.

Решение данной задачи направлено на формирование и укрепление оптимистических положительных ожиданий, веру в будущее, в осуществление правомерных жизненных планов и намерений, на положительный результат при использовании правомерных способов решения жизненных проблем, отрицательный результат при использовании противоправных способов.

Оценочным критерием реализации данной задачи является выражение воспитанником отрицательных последствий правонарушающего поведения.

Правовые знания формируются в результате познавательной деятельности, поэтому формой их образования выступает правовое информирование и обучение. Оценочные отношения человека к явлениям правовой действительности формируются при понимании их значения для себя, переживании положительных или отрицательных чувств при взаимодействии с ними, подражании и идентификации, а также при стимулирующем влиянии (одобрение, осуждение и др.). В этой связи, осуществляя воспитательное воздействие, в первую очередь необходимо раскрывать положительные или отрицательные стороны социально-правового явления, их значимость для человека, пропагандировать образцы поведения для подражания.

Реализации профилактических задач препятствует подсознательное сопротивление подростка. Оно, в свою очередь, препятствует отказу от прежних отрицательных взглядов, отношений, привычек, а также усвоению правильных убеждений, отношений, личных правил, выработке внутренних барьеров против совершения противоправных действий [71].

3. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

3.1. Психолого-педагогические особенности суицидального поведения подростков

Каждые 40 с где-то в мире умирает человек, совершая самоубийство, и еще чаще кто-то предпринимает попытку свести счеты с жизнью [144]. По данным Всемирной организации здравоохранения ООН (ВОЗ), ежегодно в мире из-за самоубийства умирают около 800 тыс. человек [89].

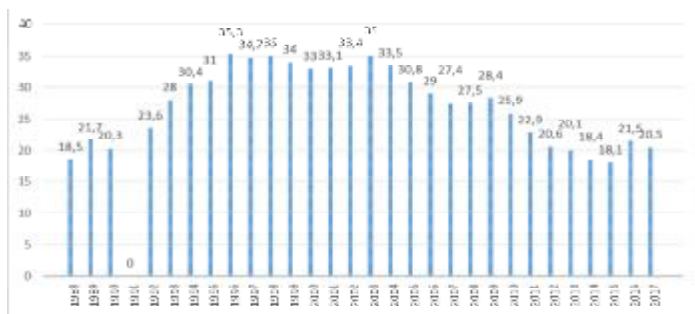

Рис. 4. Динамика уровня суицидов в Республике Беларусь в 1988–2017 гг.

В современном белорусском обществе, несмотря на повышение эффективности социальной профилактики девиантного поведения, сохраняется высокий уровень суицидов¹. Уровень самоубийств в нашей стране [40, 94–104, 107–113] за последние 30 лет увеличился почти в 2 раза и до настоящего времени остается критическим², хотя с 2003 г. по 2015 г. отмечалась тенденция его снижения (рис. 4). В 2016 г. вновь произошел рост показателей суицидов во всех популяциях республики: общей, трудоспособного возраста, детской. Республика Беларусь вер-

¹ Самоубийство (суицид) есть осознанное лишение себя жизни. Парасуицид – это суицидальная попытка, то есть суицид, не закончившийся летальным исходом по независящим либо зависящим от индивида причинам.

² По данным ВОЗ, для европейских стран предельный критический уровень самоубийств составляет 17,5 случая на 100 тыс. населения [144].

нулась в группу стран с высоким уровнем суицидов – 21,5 случая на 100 тыс. населения (по уровню суицидов в городской популяции – с низким уровнем, по уровню суицидов в сельской популяции – со сверхвысоким уровнем суицидов) [112].

Показатели уровней суицидов в общей популяции регионов сложились следующим образом (представлены по мере убывания показателей): Витебская область – 28,1 случая на 100 тыс. населения; Гродненская область – 25,6; Минская область – 25,6; Могилевская область – 24,6; Гомельская область – 23,1; Брестская область – 16,4; Минск – 13,1 [112].

Уровень суицидов в сельской местности продолжает преобладать над уровнем суицидов в городах во всех группах населения и во всех областях республики.

Основной суицидоопасный возраст – 15–17 лет (дети), 18–29 лет (лица молодежного возраста) и от 40 до 59 лет. Среди лиц старшего возраста – это чаще всего мужчины с проблемами в семье, не состоящие в браке (разведен, вдовец), не имеющие детей, проживающие одиноко, не имеющие постоянной работы, злоупотребляющие алкоголем. Показатель суицидов у мужчин в 3–6 раз выше, чем у женщин.

Согласно данным ВОЗ, в среднем на один случай суицида приходится 7–10 суицидальных попыток. В Республике Беларусь данное соотношение составляет 1 : 2,5 (исключение составляют два региона, где соотношение суициды/парасуициды выше, чем в среднем по республике – Витебская область (1 : 3,5) и Минск (1 : 4,8). Уровень суицидальных попыток больше примерно в 1,5 раза среди женщин. Более 30 % людей, совершивших парасуицид, предпринимают повторные суицидальные действия [63].

Многолетний анализ суицидов в республике, по сведениям учреждений здравоохранения, позволяет определить разнообразие способов их совершения: падение с высоты, повешение, огнестрельное ранение, отравление, нанесение самоповреждений, утопление, прыжок под движущийся объект, аварии транспортных средств.

В 2017 г., как и в предыдущие годы, в общем числе совершенных парасуицидов подавляющее большинство совершено двумя способами: отравление (42,8 %) и нанесение самоповреждений (41,7 %), затем следует повешение (8,5 %), падение с высоты (3,6 %), утопление (0,5 %), огнестрельное ранение (0,2 %) и др.

Примерно 70 % взрослых людей, совершивших самоубийство, страдали острым или хроническим заболеванием на момент смерти. Около 50 % из этой группы имели сочетание психического расстройства и соматического заболевания. Соматические заболевания приносят массу страданий и ограничений, поэтому часто сочетаются с депрессией.

Наибольший риск суицида связан со следующими состояниями: эпилепсия; онкологическая патология и заболевания органов кровотока; сердечно-сосудистые заболевания; заболевания органов дыхания (астма, туберкулез); врожденные и приобретенные уродства; потеря физиологических функций; ВИЧ-инфекция; состояния после тяжелых операций и трансплантации донорских органов и тканей; искусственная почка. Усиление риска связано со специфическими ситуациями: постановка диагноза, ожидание операции, физическое страдание, болевой синдром [63]. При этом, если близкие родственники (родители, бабушка, дедушка) совершали суицид или парасуицид, вероятность суицида детей вырастает.

К сожалению, в настоящее время в медицинской и психолого-педагогической науках отсутствует единый подход к пониманию механизмов формирования и способов профилактики суицидального поведения¹. Согласно широко известной концепции А. Г. Амбрумовой и В. А. Тихоненко [3, 4] суицидальное поведение – это одна из форм общечеловеческих реакций на кризисное событие. Состояние социально-психологической дезадаптации наблюдается у всех категорий суицидентов. Объективная сторона проявлений социально-психологической дезадаптации связана со снижением уровня и качества функционирования индивида в макросоциальном окружении, а субъективная – с переживанием гаммы негативно окрашенных эмоциональных переживаний (тревога, горе, душевная боль, обида, стыд, возмущение, злоба, гнев).

По данным национального опроса, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Республики Беларусь в 2017 г., главными социальными (объективными) и личностными (субъективными) факторами суицидального поведения выступала сложная, противоречивая и нередко кризисная жизненная ситуация, которая могла быть обусловлена как семейными проблемами и невзгодами (супружеская измена, болезнь (своя и близких), потеря смысла жизни, недостаток любви, непонимание близких, особенно, для молодежи), так и об-

¹ Суицидальное поведение – понятие более широкое, чем суицид, и включает в себя суицидальные проявления, попытки (парасуицид) и непосредственно суицид. К суицидальным проявлениям относят: мысли, фантазии, высказывания («умереть и узнать, как хорошо в другом мире», «заснуть и не проснуться»; «если бы со мной произошло что-нибудь, и я бы умер ...»), намеки («иногда даже птицы уходят из жизни добровольно»), не сопровождающиеся, однако, какими-либо действиями, направленными на лишение себя жизни; замыслы – разработка плана реализации суицида (человек осуществляет мыслительный поиск способов, времени и инструментария совершения самоубийства); намерения – когнитивный компонент (замысел) усиливается волевым компонентом, принимается решение, формируется готовность к совершению акта самоубийства. Суицидальные проявления могут быть крайне скоротечными, развиваться в течение нескольких часов и дней, а также хроническими и длиться несколько месяцев и даже лет.

щей социально-экономической ситуацией в стране (9 % опрошенных отметили, что положение бедственное, терпеть уже невозможно). Большое негативное влияние на психосоциальное самочувствие населения оказывает распространенность в обыденной жизни состояний переутомления, раздражительности, стресса, тревоги, страха, тоски, апатии, скуки, одиночества и безысходности. Конкретными суицидогенными поводами обычно выступают проблемы семейной жизни, злоупотребление алкоголем, жизненные неудачи, бедствия и смерть близких людей, проблемы в любви, ревность, потеря смысла жизни и отсутствие жизненной перспективы, плохое состояние здоровья, хроническая болезнь, проблемы в школе, на работе и др.

До недавнего времени заканчивали жизнь по доброй воле преимущественно представители старшего поколения: прощались с жизнью неизлечимо больные, не имеющие средств к существованию, получившие психологические травмы и утратившие смысл существования в результате семейных трагедий (смерть ребенка), социально-политических катаклизмов (революция, военный конфликт, политические репрессии), техногенных катастроф (авария на Чернобыльской АЭС) и др. Мировая статистика свидетельствует, что с конца XX в. наиболее склонны к самоубийствам подростки и молодые люди, в первую очередь мужского пола [112]. Это вторая причина смерти среди 15–29-летних. В Беларуси с 2008 по 2017 г. от самоубийства погибли 318 детей. Всплеск детских суицидов приходился на 2009–2010 года. Как правило, родители (опекуны) не обращаются к специалистам по поводу изменений в поведении своих детей (только 6,5 % из них оказывалась психоконсультационная или психиатрическая помощь). По статистическим данным, на одну девочку приходится 2,5 мальчика, возраст – в основном 15–17 лет [63].

Наиболее распространенные способы подростковых самоубийств – повешение, затем падение с высоты, а также отравление лекарствами или химическими (токсическими) веществами.

Как мы отмечали, суицидальное поведение подростка формируется не в один момент, поэтому предпочтительно говорить о нескольких факторах – психологических и внешних, способствующих совершению самоубийства.

Начиная с советской школы суицидологии у специалистов, в том числе современных, сложилось устойчивое убеждение, что основными психологическими факторами риска суицидального поведения являются психические расстройства (органические психические расстройства, шизофрения, депрессивные состояния, расстройства невротического спектра эмоционально-неустойчивое и диссоциальное расстройство зрелой личности [3, 4, 63]). Вместе с тем анализ результатов посмерт-

ных судебно-психологических, судебно-психиатрических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз детей и лиц молодежного возраста (до 29 лет включительно), покончивших жизнь самоубийством, проведенных Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь (ГКСЭ)¹, убедительно доказывают обратное [114–117, 122].

В большинстве случаев эксперты ГКСЭ не диагностировали психические расстройства (более 80 %) у детей и молодых людей, покончивших жизнь самоубийством. И лишь у почти 20 % были диагностированы такие психические расстройства, как синдром зависимости от алкоголя, расстройство адаптации, депрессия, легкая умственная отсталость, шизофрения, эмоционально-неустойчивое расстройство личности.

Полученные данные, однако, не являются основанием для утверждения, что психические расстройства не увеличивают риск суицида. Суицидальный риск повышается при диагностике следующих психических расстройств [4, 63]: синдромом зависимости от ПАВ (вероятность совершения суицида у страдающего второй стадией алкогольной зависимости в 80 раз больше, чем у среднестатистического жителя страны, состояние опьянения снижает страх смерти, разрушает психологические барьеры перед суицидальным актом); эмоционально-неустойчивые расстройства личности (быстрая смена настроения, напряженные межличностные отношения, импульсивность, чувство опустошенности и бессмысленности в сочетании с депрессией и зависимостью от ПАВ); депрессия (умеренный или тяжелый депрессивный эпизод предшествует 45–70 % суицидов; риск суицида у пациентов, страдающих депрессией, является очень высоким (8–30 %); суицидальный риск при депрессиях наиболее высок при легкой или средней степени их выраженности; такие больные нередко рационализируют (объясняют усталостью, бессонницей, бессилием и т. п.) и соматизируют (жалуются на неприятные ощущения в различных частях тела, расстройства вегетативных функций, дискомфорт со стороны внутренних органов) проявления депрессии, пытаются преодолеть психическое угнетение, скрыть проявления болезни, вследствие чего своевременно не получают лечение; наиболее суицидоопасны у них ощущение собственной измененности, утрата межличностных связей и престижа, нарастание непродуктивности профессиональной деятельности, социальной несо-

¹ Изучено 63 посмертных судебно-психологических, судебно-психиатрических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз детей и лиц молодежного возраста. Использовались методы ретроспективного клиничко-психопатологического и клиничко-anamnestического анализа, психологический анализ материалов уголовного дела, экспертной оценки.

стоятельности, которые реактивно утяжеляли тревогу, тоску, чувство душевной боли, идеи самообвинения); шизофрения (риск суицида в этой группе пациентов почти такой же, как и среди страдающих депрессией, и составляет 10–12 %).

Высокий суицидальный риск может быть связан с нервной анорексией, паническим расстройством, расстройствами, вызванными стрессом, и др.

Вместе с тем еще раз подчеркнем, суицидальное поведение не является прямым следствием психического расстройства. Абсолютное большинство людей с психопатологией никогда не совершают суицидальных действий.

Специфика суицидального поведения подростков обусловлена психофизиологическими особенностями их развития, среди которых противоречивость чувств (сочетание ранимости и жестокости), неадекватная самооценка и неуверенность в себе, критическое восприятие общественной морали, максимализм, упрямство и внушаемость, отсутствие жизненного опыта, навыков конструктивного решения проблемы и др. Психофизиологическое становление подрастающих людей происходит в условиях легкодоступности ПАВ, которые часто сопровождают суициды и парасуициды, снижая инстинкт самосохранения. Подростковый возраст является кризисным этапом жизненного пути, что приводит к и пессимистическому восприятию внешнего мира и самого себя.

В качестве основных психологических факторов риска суицидального поведения у подростков выступают: эмоциональная неустойчивость (продуцирует высокую конфликтность подростков с ближайшим окружением, нестабильность в общении); импульсивность (проявляется в неспособности обдумывать сколько-нибудь продолжительное время принимаемые решения, прогнозировать последствия поступков); повышенная тревожность; высокая внушаемость, несамостоятельность мышления, зависимость от мнения окружающих, в первую очередь референтной группы; склонность подражать кумирам; неадекватная самооценка (низкая, в сочетании с крайней зависимостью от мнения сверстников и самоуничтожительными высказываниями о себе; нарциссизм – чрезмерная самовлюбленность, завышенность самооценки, не имеющая под собой объективных оснований); агрессивность как склонность к реакциям на фрустрирующие воздействия; слабый контроль агрессии; антисоциальные склонности, бездушные; проблемы идентичности (социальной и гендерной – половой); когнитивный фактор (проблемы убеждений и установок подростков, их представление о смерти) [126]; неразвитость коммуникативных качеств и способностей, трудности межличностного взаимодействия; глубокая интровертированность, скрытность, замкнутость.

Часто суицидальное поведение формируется на фоне сниженного, депрессивного настроения, ощущения одиночества, непонимания окружающих, чувства безнадежности и обиды.

Особенностью суицидального поведения подростков является, с точки зрения взрослых, несерьезность, мимолетность и незначительность мотивов, вызвавших попытку суицида. Парасуициды и суициды у подростков часто носят ситуационный характер, нередко совершаются по принципу «короткого замыкания», на высоте аффекта (предательство, резкое замечание, обида, незаслуженное наказание и т. п.), что затрудняет своевременное распознавание суицидальных тенденций у детей и их профилактику.

Н., 16 лет, отличался интровертированностью, замкнутостью, испытывал глубокую привязанность к отцу, во всем брал пример с него, считал его безупречным, своим идеалом. Решив прогулять школу, после первого урока, без разрешения старших ушел из школы, и вернулся домой. Дома он застал отца в постели с чужой женщиной. В эмоционально возбужденном состоянии, в слезах убежал из квартиры, забрался на крышу дома и сбросился с нее.

Особое значение приобретают условия, в которых формируется суицидальное поведение подростков. Как правило, внутренние психологические факторы, о которых говорилось выше, актуализируют мысли о смерти в сочетании с внешними конфликтными факторами (разрыв отношений с партнером, смерть близкого, сексуальное насилие и т. п.). Важным представляется то, что суицидальным попыткам, как правило, предшествует конфликт, вызывающий острые переживания обиды, безысходности, безнадежности, одиночества, гнева. Решающим внешним провокатором формирования суицидальных намерений является именно конфликт. Острота конфликта в какой-то одной сфере индивида (например, семейной) со временем может снижаться, но в дальнейшем может быстро актуализироваться одновременно в нескольких сферах (помимо семейной в отношениях со сверстниками – лично-интимной, учебе и др.). При этом сознание индивида сужается: человек не хочет искать конструктивные способы разрешения данного конфликта либо не воспринимает ранее известные. Считает, что все иные способы, кроме суицида, неэффективны или неприемлемы. Конфликт приобретает субъективно неразрешимый характер.

Результаты посмертных экспертиз детей и лиц молодежного возраста (до 29 лет включительно), покончивших жизнь самоубийством, проведенных ГКСЭ, свидетельствуют, что конфликтные ситуации, с которыми было связано суицидальное поведение, в основном носят межличностный характер и развивались в трех основных сферах: семья, интимно-личностные отношения и учеба. При этом почти в 70 %

случаев предсуицидальные конфликты затрагивали одновременно несколько сфер: отношения в семье и школе; семейные и интимно-личностные отношения; интимно-личностные отношения и проблемы в школе; интимно-личностные отношения и проблемы в семье и школе. Межличностные конфликты и разрыв эмоционально-позитивных отношений с близкими, в первую очередь с родителями, а также партнером, другом являются основными провокаторами суицидальных поступков. Похожие данные получены российскими исследователями [126]. Так, условиями суицидов подростков являются: конфликты в семье (31,2 %), конфликты со сверстниками, учителями (10,4 %), трудная жизненная ситуация, возникшая в приемной семье, интернате (16,6 %), неразделенная любовь (12,5 %), тяжелое соматическое, психическое заболевание (12,5 %), неустановленный повод (16,6 %).

Таким образом, суицидальная активность подростков связана с наличием острых конфликтов в семейно-бытовой, интимно-личностной и учебной (трудовой) сферах жизнедеятельности, а также, как правило, сопровождается отсутствием родительской поддержки. При этом ведущим фактором риска являются неблагоприятные семейные отношения.

Елизавета А., единственный ребенок в семье, 16 лет, ученица 10-го класса. Согласно характеристике из школы Елизавету отличала высокая мотивация к обучению, средний балл по итогам второй четверти составляет 9,6 балла. Всегда ответственно относилась к подготовке домашних заданий. Старалась выполнять все требования учителей, много времени уделяла дополнительным занятиям. Всегда уважительно относилась к старшим. Отношения со сверстниками хорошие. Конфликтов не создает, в конфликтные отношения не вступает, обладает лидерскими качествами. Воспитывалась в полной благополучной семье, взаимоотношения в которой дружеские, основаны на любви и доверии. Родители постоянно интересуются учебной деятельностью дочери, посещают родительские собрания.

На самом деле Елизавета А. воспитывалась и жила то у мамы, то у бабушки. Отец совместно не проживал, общался с дочерью примерно 1–2 раза в месяц, доверительные отношения с ним отсутствовали. Предпочитала часто менять место жительства и обстановку. С наступлением менструального цикла (12 лет) стала проявлять оппозицию и конфронтацию по отношению к матери. С мамой сформировались достаточно сложные отношения, не секретничала с ней, не делилась сокровенным, не рассказывала о своих школьных делах, взаимоотношениях с подругами. Считала, что у нее сформировались неприязненные отношения с родителями, случались частые конфликты по пустякам.

Неоднократно высказывала неприязненное отношение и нежелание соответствовать тем требованиям, которые выдвигаются в школе, жаловалась на высокую школьную нагрузку (домашние задания ежедневно готовила до полуночи), не высыпалась, испытывала хроническое переутомление, утром чувство-

вала себя разбитой. Увлечений почти не имела. Учебная деятельность не компенсировалась физической нагрузкой, танцами или каким-то творческим хобби.

По характеру замкнутая, скрытая. Очень импульсивная. Высказывала недовольство своей внешностью, в школе часто вызывала рвоту, чтобы похудеть. Отношения со сверстниками поверхностные, общалась с ребятами ниже ее уровня интеллектуального развития.

В период, предшествующий суициду, редко общалась со сверстниками, пропускала учебные занятия без уважительных причин, грустила. В личном блокноте оставляла записи, в которых описывала свое состояние как депрессивное, безысходное и проявляющееся в частых «нервах» и слезах. В качестве причины такого состояния указывала увеличение массы тела, недовольство своими физическими данными. При описании самой себя использовала уничижительные эпитеты.

Бабушка заметила изменения в поведении внучки и отвела ее на консультацию к психотерапевту в коммерческий медицинский центр. После консультации девочка еще более закрылась в себе, стала более молчаливой.

Через неделю выбросилась из окна многоэтажного дома, предварительно позвонив трем подругам, у которых попросила прощения.

Таким образом, при внешнем благополучии (судя по характеристике из школы) Елизавета А. находилась в состоянии внутриличностного конфликта (недовольна собой), сильного психического и физического переутомления (из-за высокой нагрузки и чрезмерного чувства ответственности и долга перед учителями), состоянии депрессии, безысходности. Данная ситуация усугублялась неумением восстанавливать душевные и физические силы (отсутствие увлечений, физической нагрузки), а также неблагоприятными отношениями в семье на протяжении нескольких лет.

Согласно данным современной суицидологии не существует таких психических (эмоциональных) состояний, которые бы однозначно предрасполагали либо приводили к суицидальному поведению. Между психическим состоянием и суицидальным поведением существует лишь вероятностная связь, психическое состояние суицидента может играть лишь роль условий, облегчающих либо затрудняющих совершение суицида.

3.2. Неблагополучная семья как условие формирования суицидального поведения подростка

Семейная среда играет важнейшую роль в развитии ребенка. Анализ материалов посмертных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз детей и молодых людей, совершивших суицид, проведенных ГЭКЦ, позволяет утверждать, что суицидальное

поведение подростков в большинстве случаев формируется и развивается в неблагополучной семейной среде. Семейные отношения либо являются фоном, усиливающим психологические факторы риска, либо, выливаясь в острый семейный конфликт, становятся причиной совершения суицида. Данное утверждение подтверждают российские исследования. Например, С. В. Зиновьев отмечает, что более 60 % подростковых суицидентов воспитывались в неполных семьях, в которых и до распада происходили постоянные конфликты [37], П. Астахов приводит сведения о том, что 92 % суицидов у детей связаны с неблагополучием в семьях, в большинстве случаев, относящихся к асоциальным [133]. При этом если сложные семейные отношения подростка сопряжены с непосредственным его знакомством с суицидентами или членством в группах, осуществляющих поиск информации о самоубийствах, то формируется благоприятная психологическая среда для системного завершения в сознании представлений о смысле, предназначении и способах самоубийства.

Недурно суицидальные мысли возникают на фоне употребления ПАВ, могут быть отягощены игровой или интернет-зависимостью.

Необходимо также учитывать определенную зависимость между психическими заболеваниями и суицидальным поведением близких родственников. Мощным суицидогенным фактором является история суицида родителей, что в 5 раз повышает вероятность суицидального поведения детей [126]. Классическим примером является семья Хемингуэй. Культовый писатель Э. Хемингуэй, который страдал паранойей и депрессией и которого безрезультатно лечили электрошоком, застрелился из охотничьего ружья, ранее предприняв неудачную попытку суицида. Задолго до этого застрелился его отец, страдавший тяжелыми соматическими заболеваниями. Позже добровольно ушел из жизни младший брат, а спустя 35 лет, за день до годовщины самоубийства своего деда Эрнеста, приняла смертельную дозу снотворного внучка.

Вместе с тем в науке отсутствуют достоверные данные о наследовании суицидальных склонностей. Вероятно, суицидальное поведение является предметом подражания, копирования способа решения жизненных проблем, которое формируется в неблагоприятных семейных условиях и отягощено психическими расстройствами. Так, биографы Э. Хемингуэя указывают на сложные отношения в семье писателя, творчество которого родители не ценили, пристрастие к алкоголю и наркотикам его родственников, многочисленные разводы и любовные интрижки самого литератора, его близких и потомков [134].

Результаты анализа посмертных экспертиз ГКСЭ позволили выделить три неблагоприятных семейных фактора, обуславливающих формирование суицидального поведения подростков:

эмоциональная холодность и отчужденность между членами семьи; потеря чувства любви и уважения супругов; отсутствие доверительных отношений между ребенком и родителями; неудовлетворенность ребенка своим положением в семье, качеством и интенсивностью контактов с родителями; высокий уровень конфликтности;

неадекватные методы воспитания (авторитарный стиль воспитания; гиперопека, ограничение свободы передвижения, выбор за ребенка, с кем ему дружить и общаться, где учиться, сопровождаемые эмоциональной несдержанностью родителей (крики, скандалы), жестоким наказанием, перманентным порицанием за несоответствующее поведение и т. д.); попустительство и вседозволенность, равнодушие к судьбе ребенка);

потеря родителя (или родителей) (фактический или юридический развод родителей, смерть одного из них).

В благополучной семье ребенок окружен заботой, его понимают и принимают таким, какой он есть, ему психологически комфортно, он способен говорить о своих проблемах, переживаниях, чувствах, неудачах, получая адекватный отклик родителей. Именно в благополучной семье возможно формирование психически и нравственно здоровой личности и, следовательно, личности, способной уверенно противостоять внешним невзгодам, деструктивному информационному воздействию, девиантному влиянию группы, успешно разрешать внутриличностные конфликты. Только благополучная семья обеспечивает безопасность ребенка, то есть удовлетворяет его как психофизиологические, так и духовные потребности, в том числе потребность самореализации.

Риск суицида при наличии других неблагоприятных факторов в благополучной семье минимален. В этой связи отметим базовые психолого-педагогические критерии благополучной семьи:

эмоционально-позитивные отношения между родителями (особый вред формирующейся личности ребенка оказывают отрицательные отношения между папой и мамой, проявляющиеся в форме межличностной отчужденности, отсутствия общих интересов, увлечений, угасшего чувства любви и уважения друг к другу, не говоря уже о семейных скандалах, оскорблениях, драках, изменах и т. д.);

безупречность нравственно-правового поведения родителей (словесное воздействие родителей не должно противоречить их собственному поведению; негативным фактором выступает демонстрация родителями эмоционально-позитивных отношений, за которыми скрыто безразличие друг к другу, неприятие, неуважение, ненависть, измены и др.; двуличие, лицемерие формируют чувство отчужденности и повышенной тревожности у ребенка, что выступает психологическим фактором риска суицида);

эмоционально-позитивные отношения в диаде «родители – ребенок» (отсутствие эмоционального контакта с ребенком (хотя бы одного из родителей), а в крайнем случае, отвержение ребенка, формируют невротические и депрессивные состояния, чувство отчужденности, высокий уровень тревожности, неуверенность в себе, что закладывает начало дальнейшей дезадаптации и является питательной почвой для развития суицидальных склонностей);

адекватные педагогические методы воспитания ребенка, предъявление родителями единых педагогических требований, наличие общей стратегии воспитания (пренебрежение нравственным воспитанием детей, гиперконтроль, отсутствие контроля, невежество родителей, несогласованность и непоследовательность в действиях родителей, насилие, неумение организовать досуг детей – условия формирования девиантной личности).

Как мы отмечали ранее, в 70 % случаев детских суицидов решающим провокатором формирования суицидальных намерений является конфликт в нескольких сферах жизнедеятельности (семейная, интимно-личностная, учебная). Как правило, любой конфликт (внутриличностный или в межличностных отношениях со сверстниками либо в учебной, трудовой деятельности) развивается на фоне неблагополучной семьи, в которой развивается ребенок.

Рассмотрим примеры суицидального поведения подростков, в основе которых находятся конфликты в основных сферах жизнедеятельности.

Потеря одного либо обоих родителей, развод родителей, измена. Николай, 16 лет, испытывал глубокую привязанность к папе, во всем брал пример с него, считал его безупречным, своим идеалом. Вернулся со школы домой раньше обычного, где застал отца в постели с чужой женщиной. В эмоционально возбужденном состоянии в слезах убежал из квартиры, забрался на крышу дома и сбросился с нее.

Отсутствие доверительных отношений в семье, педагогически обоснованных методов воспитания в сочетании с конфликтом в школе. Илья, 16 лет. Воспитывался только мамой, имевшей собственный бизнес и обеспечившей высокий материальный достаток в семье. Отец с новой семьей проживал в другом городе, изредка общался с сыном по телефону. Отношения с матерью конфликтные, взаимопонимание отсутствовало. Мать сочетала в воспитании чрезмерную опеку и попустительство. Илья часто дома устраивал истерики, мог ударить мать, как указывали соседи, страшно кричал, ломал мебель, бил посуду.

Хотел поступать в кулинарный техникум, мать запретила, настаивала на получении сыном высшего образования. Успеваемость в гимназии низкая, за три месяца учебы в 11-м классе без уважительных причин пропустил 131 урок. Из школьной характеристики: «...достаточно эрудирован. Любит читать историче-

скую литературу. Пишет стихи. Посещает спортивную секцию по баскетболу. Категорично отзываясь о школьной программе. Участия во внеклассных мероприятиях не принимает. Претендует на лидерство без достаточных на то оснований. Проявляет неуважение и нетактичность к учителям...».

Имел взрывной характер, крайне импульсивен, раздражителен, склонен к гневу, нетерпим к противодействию, злопамятен, способен в порыве гнева «поднять руку на другого». Имел зависимость от компьютерных игр. Употреблял алкоголь, курил. Непослушен. Эгоцентричен. Демонстративен. Неоднократно привлекался к административной ответственности (за мелкое хищение и нарушение общественного порядка). Рассматривался на заседании комиссии по делам несовершеннолетних администрации района, совете по профилактике безнадзорности и правонарушений школы.

За полгода до смерти был парасуицид – попытка медикаментозного отравления (выпив таблетки, испугался, попросил маму вызвать скорую).

Непосредственно перед суицидом устроил истерику и скандал с матерью. Соседи слышали истерический крик подростка с отчетливой нецензурной бранью, а также словами «Вы все меня достали!». Истерика длилась 15 минут. Когда мать вышла из его комнаты, открыл окно и сбросился с 18-го этажа.

Потеря близкого человека (партнера), неразделенное чувство любви, любовные неудачи в сочетании с отсутствием доверительных отношений в семье. Елизавета, 17 лет, студентка 1-го курса учреждения высшего образования. Воспитывалась отцом, родители в процессе развода, мать с другим мужчиной проживала в другой местности, отношения с дочерью не поддерживала, участия в воспитании не принимала. Взаимоотношения с отцом сложные, доверия нет. Отец пытался воспитывать дочь в строгости и целомудрии. Девушка проживала в общежитии, где влюбилась в старшекурсника, который стал ее первым мужчиной, от которого и забеременела. Парень взаимностью не отвечал, сказал Елизавете, что помолвлен на другой. Очень страдала из-за безответной любви. Перестала учиться, посещать занятия. Случился выкидыш. Высказывала подругам суицидальные мысли («выброшусь с вышки»), стала часто выпивать, оставаться ночевать в чужих комнатах с другими парнями.

Из характеристики учреждения высшего образования: «...Эмоционально неустойчивая, несдержанная в отношениях с людьми, легко обижается. С преподавателями на контакт не шла, высказывала неприятие педагогических воздействий в форме пассивного сопротивления, игнорирования, упрямства. К общественному осуждению относилась равнодушно. В большей мере ориентировалась на антиобщественные нормы и ценности, и в соответствии с ними оценивала свои поступки и поступки окружающих. Навыков самоанализа и самокритичности не имела и не стремилась их развивать. Проявляла стремление уходить от ситуаций, требующих волевого начала, преодоления трудностей, принятия решений...». Подруги отзывались о ней, как о замкнутой, необщительной, стремилась дистанцироваться от группы, человек с узким кругом общения. Слушала депрессивную музыку.

Суицидальные мысли высказывала еще до поступления в учреждение высшего образования, в личном блокноте были обнаружены записи, сделанные ее рукой: «Я никому не нужна», «меня никто не любит», «хочу прыгнуть с моста»).

За два месяца до смерти резко изменилась, стала крайне замкнутой, перестала со всеми общаться, ничего о себе не рассказывала. Прекратила контакты с отцом.

Накануне смерти приехала домой к отцу, от разговора отказалась. Ночью посещала интернет-сайты, где искала информацию, как правильно покончить с собой путем отравления, в том числе с помощью «но-шпа», какие ощущения человек испытывает незадолго до смерти. Последний выход в интернет зафиксирован в 07.00.

Отравилась медикаментами из домашней аптечки.

Психическое или физическое (сексуальное) насилие на фоне отсутствия доверительных отношений в семье. Анна, 16 лет, отличалась повышенной ранимостью, уязвимостью, устойчивыми ценностными представлениями о девичьей чести. Изнасилована группой подростков. Впоследствии у нее развилось депрессивное состояние со стойкими суицидальными мыслями, ощущением непереносимости сложившейся ситуации, о чем неоднократно говорила матери. Депрессивное состояние девушки усугубилось в результате субъективно непереносимых для нее допросов в качестве потерпевшей.

Мать заняла не сочувствующую, а агрессивно осуждающую дочь позицию, говорила ей, что неправильно себя вела, сама этого хотела и получила и т. д. Отец участия в воспитании ребенка не принимал.

Неоднократно совершала попытки самоубийства путем отравления. Одна из них закончилась летально.

Трудная жизненная ситуация на фоне отсутствия доверительных отношений в семье, а также отчужденностью в среде сверстников. Вадим, 15 лет. Воспитывался одной матерью. Отец жил в другой стране, алименты не платил, участия в воспитании сына не принимал, не общался с ним более двух лет. Мать в силу нравственно-интеллектуального развития не способна была оказывать должное воздействие на сына, на его поведение и успеваемость. Близкие отношения отсутствовали, не рассказывал матери о делах в колледже, своих переживаниях, планах. Доверительные отношения сложились только с бабушкой, к которой часто приходил в гости.

Учился на тракториста-машиниста. Успеваемость плохая, часто пропускал занятия без уважительных причин. При этом был неконфликтен, застенчив, скрытен, замкнут, трусоват. Испытывал симпатию к девушке, студентке колледжа, где сам учился. Стеснялся с ней познакомиться, подойти и заговорить, тайно присылал ей сообщения в «ВКонтакте».

Из характеристики из колледжа: «Проживает в съемном жилье. Условия для учебы и проживания крайне скромные, что обусловлено материально сложным положением в семье. Вадим не имеет излишеств ни в одежде, ни в

предметах обихода. Не стремился упрочить свой социальный статус в группе. В коллективе уважением не пользовался, друзей нет».

Комплексовал по поводу своего роста, внешнего вида, говорил, что выглядит, как маленький ребенок.

Со слов матери, сын разочаровался во всем, не видел в ней какой-либо поддержки. Несколько месяцев находился в тоскливом состоянии, на контакт практически не шел, не хотел разговаривать даже с ней. За неделю до смерти перестал посещать колледж. Перестал общаться с бабушкой.

Вадима хотели отчислить из колледжа, а матери на работу направили письмо, в котором работодателю сообщили, что данная семья находится в социально опасном положении. В день смерти мать рассказала об этом сыну. В этот же день с телефона осуществлял поиск информации по следующим запросам «димедрол передозировка», «как покончить жизнь самоубийством», «как прыгнуть под поезд», «какие лекарства смертельны», «проститутки Минска», а также многочисленные запросы на порносайты.

Машинист рассказал, что парень подбежал к железнодорожному полотну и сразу лег на правую рельсу. Он положил шею на рельсу, а туловище было по правую сторону от рельса. Парень лег на живот и голову не поднимал. Остановить поезд не было возможности.

Совершение проступка, правонарушения, страх общественного позора и обвинения, порицания и наказания (например, ранняя беременность, вероятность привлечения к уголовной ответственности, задержания под стражу, содержания в следственном изоляторе или отвержения в референтной группе). Анатолий, 18 лет, солдат срочной службы. Отличался крайней лживостью. Ради получения многочисленных увольнений из воинской части говорил командиру, что мать попала в ДТП, мать умерла от ран, отец пьет из-за смерти матери, отец покончил жизнь самоубийством, не выдержал, «залетел», надо жениться (в дальнейшем действительно женился, но позже и не по указанной причине), ребенок родился (жена действительно была беременна, но еще не родила) и т. д. Придумывал веские поводы и одалживал деньги у сослуживцев, родителей и друзей. Накопилось долгов примерно около 2 000 долларов США. Когда ложь и долги Анатолия вскрылись, командир созвонился с его родителями, проинформировал их о случившемся, просил оказать на него педагогическое воздействие.

Близкие стали обвинять Анатолия во лживости и бессовестном отношении. Жена прислала ему СМС-сообщение: «Ты сейчас своим враньем доиграешься вплоть до того, что ты нас потеряешь, у меня есть предел терпения. Подумай в последний раз». Брат также направил СМС-сообщение Анатолию: «Когда ты уже перестанешь врать??? С тобой даже родная мать никаких дел иметь не хочет, ты что, смерти ее захотел? Я тебе таких поступков не прощу. На тебя нельзя положиться. Конечно зря, что выбрал тебя крестным отцом. Одни слезы и убытки, никакой радости и гордости для мамы и папы».

Анатолий повесился в подсобном помещении.

Таким образом, суицид подростков необходимо рассматривать как следствие социально-психологической дезадаптации личности в условиях микросоциального конфликта [4] в первую очередь в семье, а также ближайшем окружении сверстников, школе. Данное явление имеет многофакторную природу, включающую психологические механизмы, средовые и социальные факторы. Профилактика суицида предполагает анализ личности несовершеннолетнего, особенностей его воспитания, сферы взаимодействия с другими людьми, развлечений и досуга, других обстоятельств, а также выбор необходимых форм и методов психологической и социальной поддержки.

3.3. Деструктивное информационное влияние в механизме формирования суицидального поведения

Суицидальное поведение обуславливается психологическими факторами риска (эмоциональная неустойчивость, импульсивность, неадекватная самооценка и др.), развивается в условиях, как правило, длительного межличностного или внутриличностного конфликта, вызывающего формирование депрессивного настроения, острых переживаний обиды, безысходности и безнадежности. Часто суицидальные мысли, замыслы и намерения актуализируются под деструктивным информационным влиянием общественного мнения, СМИ, интернет-ресурсов, литературы, кино, музыки, суицида близкого человека, общения с другими людьми.

Деструктивное информационное влияние представляет собой произвольный или непроизвольный процесс трансляции информации, который способен изменить отдельные психические характеристики человека, а также направленность его поведения. Средством воздействия выступает информация, то есть определенные сведения, факты, сообщения, знания, эмоционально-чувственные образы, возникающие при восприятии художественных произведений и т. д. Если данный процесс имеет произвольный (целенаправленный) характер, необходимо говорить о деструктивном информационном воздействии (например, когда в СМИ на протяжении длительного времени в деталях повествуется о самоубийстве лидера популярной музыкальной группе).

Деструктивное информационное воздействие – это целенаправленный процесс предъявления информации. Как правило, данное воздействие преследует две задачи – тактическую и стратегическую. В контексте проблемы суицидального поведения тактическая задача – сформировать негативные психические состояния (депрессия, уныние, безысходность и др.); затормозить процессы памяти, мышления, сни-

зять внимательность; актуализировать некоторые свойства личности – импульсивность, агрессивность, подозрительность, недоверие и т. д. Стратегическая задача – изменить поведение человека, направить его в нужном направлении, как правило, саморазрушающем.

Деструктивное информационное влияние выражается в формировании у человека специальных знаний и представлений о суициде, а также положительного отношения к данному способу решения жизненной проблемы.

Так, знания и представления о способах добровольного ухода из жизни, суицидальные убеждения («Я должен покончить со всем этим!») формируются в результате *восприятия* фактов самоубийства, растиражированных СМИ и сети Интернет, образно раскрытых в литературе и кино, запоминания данной информации, осмысления значимости произошедшего для окружающих («Пусть страдают! Теперь узнают, как мне было больно!»), а также в результате произвольного и непроизвольного повторения этой информации в сознании («зацикливания»).

Личностное принятие, позитивное отношение к суициду как способу разрешения жизненной проблемы формируется при понимании положительных последствий для себя («Боль закончится. Не будет ничего. Наступит покой и тишина») и отрицательном значении для тех, кто не понимал, не простил, кто причинил боль (родители, отвергающие сына; парень, обманувший невинную девушку; сверстники, унижающие одноклассника и пр.).

Личностное принятие добровольного ухода из жизни образуется также при переживании положительных чувств, возникающих в процессе:

восприятия информации об «эффектно» совершенном суициде, как правило, кумирами или сверстниками, похожей социальной прослойки, например школьником (косвенным подтверждением тому служат результаты исследований, в результате которых установлен факт увеличения в 3 раза попыток суицидов среди тех подростков, которые близко знали людей, покончивших жизнь самоубийством) [139];

взаимодействия с подростками и молодыми людьми, объединенными в группу единомышленников, обсуждающих причины, способы и последствия суицида (это может быть реальная малая группа, а также виртуальная – в социальной сети Интернет, например так называемые группы смерти);

осуществления определенных видов деятельности, определенных поступков (например, в соответствии с заданием, полученном в социальной сети, необходимо проснуться в 04.20 и выполнить какое-то поручение), которые фиксируются в памяти.

Часто суицидальные модели поведения в сознании подростка формируются в результате подражания лично значимому лицу – ку-

миру, отцу, литературному герою («эффект Вертера»)¹. Если у детей превалирует слепое подражание старшим (самоубийством закончил жизнь отец), то для подростков характерно произвольное копирование поведения личностных идеалов, то есть если героиня пьесы А. Н. Островского «Гроза» Катерина для девушки является идеалом и примером женственности, любви и красоты, она может выступить образцом для подражания. Если данное произведение лишь обязательное принудительное чтение, не вызвавшее переживаний, Катерина выступит неким скучным персонажем из нереального прошлого.

Сегодня под «эффектом Вертера» понимается подражающее самоубийство, которое совершается после суицида, широко освещенного СМИ, либо описанного в популярном художественном произведении литературы или кинематографа. «Эффект Вертера» подразумевает, что частота суицидов тем выше, чем детальнее факт самоубийства описывается в открытых источниках.

В 1980 г. две школьницы из Джафна (Шри-Ланка) покончили жизнь самоубийством, съев семена ядовитого олеандра. Печальная история широко освещалась в местных газетах. Как результат, в следующем году на острове было зафиксировано 23 случая преднамеренного отравления олеандровым соком, в 1982 г. – 46, а в 1983 г. – 100. Вскоре такой способ самоубийства стал настолько популярным среди молодых людей, что к концу 1990-х гг. на Шри-Ланке ежегодно регистрировалось несколько тысяч случаев «олеандровых» отравлений. Олеандр стал ассоциироваться с суицидами на Шри-Ланке, причем именно среди молодых людей (средний возраст – 24 года). Даже государственная кампания по вырубке этих растений не смогла помочь [141].

Подражание персонажам, закончившим жизнь самоубийством, особенно сильно проявляется в групповом взаимодействии. Подростки усваивают наблюдаемые суицидальные модели поведения, подражая какому-то субъективно значимому, эмоционально привлекательному

¹ Данный феномен получил название благодаря событиям, произошедшим после выхода в 1774 г. романа И. В. Гете «Страдания юного Вертера». В основу произведения легла реальная история о молодом чиновнике, покончившем с собой из-за несчастной любви, чувства безысходности и униженности, а также недовольства своим положением в обществе. Роман имел огромную популярность в Европе, в результате, как гласит легенда, участились самоубийства среди юношей. Исследуя этот случай, а также динамику суицидов в США, Д. Филлипс обнаружил, что в течение двух месяцев после каждой громкой публикации о самоубийстве количество суицидов существенно увеличивалось. Данное явление ученый и назвал «эффектом Вертера». Кстати, аналогом произведения И. В. Гете в Российской империи считается повесть «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина (1792 г.), якобы спровоцировавшая волну самоубийств среди девушек (героиня повести юная Лиза влюбилась в молодого дворянина Эраста, которому подарила свою невинность, однако вскоре Эраст женился на богатой вдове; из-за безысходности девушка бросилась в пруд).

лицу, а также правила поведения и ценности, типичные для референтной группы. В данном случае явление подражания сопровождается конформизмом, то есть адаптацией поведения индивида под влиянием давления группы. Конформизм проявляется в стихийных (бесконфликтное внутренне и внешнее согласие), защитных (поиск защиты, поддержки) и условных, маскировочных формах подражания, когда индивид демонстрирует согласие с мнением лидера или большинства в личных целях.

Подражание является важнейшим механизмом формирования в сознании деструктивных моделей поведения, проявляющимся в принятии индивидом социальной роли при вхождении в группу, осознании им групповой принадлежности. Подражание априори подразумевает сильную эмоциональную составляющую. Подросток отождествляет себя с другими на основе установившихся эмоциональных отношений, принимая как собственные суицидальные нормы и ценности, правила игры других людей либо конкретных групп.

Американский социолог Д. Филлипс приписал «эффекту Вертера» волну самоубийств, накрывшую США после смерти Мэрилин Монро. Культовая актриса ушла из жизни 5 августа 1962 г. (официальная версия смерти – самоубийство). В тот же месяц было совершено на 200 самоубийств больше, чем обычно. При этом на 12 % увеличилось количество самоубийств среди подростков.

Д. Филлипс предположил, что, узнав о самоубийстве субъективно значимого человека, склонные к девиантному поведению люди словно получают «разрешение» уладить свои проблемы путем самовольного ухода из жизни. Они убивают себя в подражание другому. Человек решает, как ему поступать в сложных обстоятельствах, опираясь на действия других людей, испытывающих похожие трудности [143].

В. С. Ефремов, сравнивая самоубийства, описанные в художественных произведениях классиков мировой литературы с известными случаями из истории, а также из СМИ, писал: «Воздействие того или иного самоубийства вымышленного персонажа, представленного великими художниками с помощью поэтических средств, на мысли и чувства других людей (включая их возможные суицидальные тенденции) оказывается более выраженным, чем простая информация в СМИ о суициде некоего лица» [34, с. 61].

Целый пласт мировой художественной литературы, часть которой изучается школьниками и студентами в учреждениях образования, насыщенный героями с суицидальными склонностями. Например, в 10-м классе изучается «Гроза» А. Н. Островского – пьеса о религиозно экзальтированной Катерине, которая наказывает себя за любовь, за свидание с другим мужчиной и бросается в Волгу. В том же классе обу-

чающиеся знакомятся с романом Л. Н. Толстого «Анна Каренина», в котором героиня изменяет мужу и бросается под поезд. Любовно трагические и депрессивно экзистенциальные сюжетные линии, с явными или скрытыми намеками на самоубийство, прослеживаются в пьесе У. Шекспира «Ромео и Джульетта» (8-й класс), романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (10-й класс), пьесе А. П. Чехова «Чайка» (10-й класс), романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» (11-й класс) и др. Помимо суицидальных сюжетных линий русская литература, изучаемая в школе, часто повествует о иных девиантных моделях поведения. Так, девушки, впитывая яркие художественные образы Татьяны Лариной, Наташи Ростовой, Анны Карениной, Анастасии Филипповны, Сони Мармеладовой, идентифицируют женскую судьбу с виктимностью, неверностью, страданием из-за невозможности сочетать супружество с любовью.

Тема смерти и суицида ярко представлена и в литературе для детей. Например, в прекрасно иллюстрированной книге «Украденные имена» Х. А. Тассиеса (кстати, несколько лет продавалась в Республике Беларусь) рассказывается о мальчике, у которого нет имени, потому что дети в классе его обзывают трусом и зубрилой. Он боится ходить в школу, которая превратилась для него в тюрьму. Он одинок и несчастен. Автор и издатели сообщают, что книга призвана вызвать у детей и взрослых сострадание к преследуемым в школе детям. Но одновременно с идеей сострадания автор поселяет в сознании детей идею суицида. В книге мальчик без имени сообщает читателю, что он совершенно потерял интерес к жизни. И вот однажды он решает подняться на последний этаж своего дома. Последняя иллюстрация книги, как и все, в черных депрессивных тонах констатирует: «На последнем этаже я перегнулся через перила. И у меня не закружилась голова...».

В художественной прозе нашло свое отражение не только самоубийство реально существующих и вымышленных личностей, но также был создан фон для их восприятия. Все это является объяснением того, почему в тяжелые времена жизненных кризисов некоторые люди, задумавшие добровольный уход из жизни, обращаются к суицидальным сценам из произведений мировой литературы [34]. Литературный герой, по мнению В. С. Ефремова, может выполнять функцию своеобразного стимулятора, который упрощает осуществление замысла самоубийства.

Вместе с тем отмеченные литературные герои не являются для современной молодежи образцами для подражания, так как далеко не все эти произведения читают.

Исследователи «эффекта Вертера» часто приводят в пример немецкий телесериал «Смерть студента». В начале каждой серии зрителям

показывали напряженный момент, когда 19-летний студент совершает самоубийство, бросаясь под колеса поезда. Случившееся в каждой новой серии рассматривалось с разных точек зрения: с позиции родителей студента, его учителей, сокурсников, подруги, самого погибшего. Немецкие психологи А. Шмидтке и Х. Хефнер изучили деструктивное влияние телесериала «Смерть студента» на поведение людей [17, 145]. В течение 70 дней после показа только первого эпизода количество самоубийств среди молодых людей 15–19 лет на железной дороге увеличилось на 175 % (причем больше погибало именно парней, которые подражали герою киноленты). Аналогичный эффект резкого увеличения количества суицидов прослеживался, когда сериал вновь демонстрировали по телевидению. При этом эффект неуклонно снижался в старших возрастных группах. Так, количество суицидов не изменилось в группах мужчин старше 40 лет и женщин старше 30 лет.

Вместе с тем суицидологи признают, что результаты исследований «эффекта Вертера» (влияния СМИ и художественных произведений на количество самоубийств) противоречивы и не позволяют сделать однозначные выводы – одни не оказывают никакого влияния, другие же повышают частоту суицидального поведения. В настоящее время отсутствуют убедительные научные исследования, доказывающие прямое влияние СМИ на уровень суицидов в обществе. Можно предположить, что самое сильное влияние оказывают случаи самоубийств известных людей, кумиров молодежи на уже «подготовленных» лиц, тех, у кого уже сформирована личностная готовность к суицидальному поведению, кому нужен лишь толчок к совершению суицида. И этим спусковым курком становится деструктивный информационный посыл извне.

Как бы там ни было, но ВОЗ выступает за взвешенное освещение суицидальных происшествий в СМИ. Безответственное отражение в СМИ фактов самоубийства придает им «сенсационную и гламурную окраску, увеличивая риск того, что у самоубийц найдутся подражатели среди уязвимых людей. Недопустимо, когда СМИ необоснованно подробно освещают самоубийства известных людей, сообщают о необычных способах самоубийства или о серии самоубийств, показывают изображения или дают информацию о способах самоубийств, а также оправдывают самоубийства, характеризуя их как допустимую реакцию на кризис или несчастье» [144].

Следуя призыву ВОЗ, сегодня в разных странах разрабатываются национальные правила освещения фактов о самоубийстве. Так, в Норвегии с 1975 по 2005 г. вообще запрещалось освещать эту тему в прессе. В 2006 г. ситуация изменилась, однако местным журналистам рекомендуют: «Будьте осторожны, сообщая о самоубийстве и попытке самоубийства. Избегайте описания методов, а также других моментов,

которые могут спровоцировать аналогичные действия среди читателей». В Турции запрещено отображать визуальные материалы (фото, видео) в сообщениях о самоубийстве. В Австралии будущие журналисты изучают спецкурс, касающийся правил отражения в СМИ этой темы.

В настоящее время специалистам, тиражирующим информацию, рекомендуют руководствоваться правилами ВОЗ: нельзя детализировать и конкретизировать информацию о способах совершения суицида, мотивах и причинах, двигавшими суицидентами; нельзя размещать фотоматериалы с места происшествия, публиковать предсмертную записку или аудиовидеозапись; желательно не помещать слово «самоубийство» в заголовок; необходимо ограничить количество сентиментальных отсылок и комментариев о погибшем – новость должна быть сдержанной, без эмоциональных эпитетов; любые упоминания о суицидальных происшествиях в СМИ должны сопровождаться информацией о горячих линиях и другой возможной помощи молодым людям со стороны соответствующих служб.

СМИ нередко выступают субъектом деструктивного информационного воздействия на общество, в первую очередь наиболее уязвимую ее часть – подростков. При этом подробное, эмоционально-образное освещение индивидуальных фактов самоубийства, как правило, всегда наносит вред. Еще большую опасность представляет детальное описание способа убийства себя. Романтизация случаев суицида, идеализация тех, кто отказывается жить, изображение самоубийства как героического или романтического акта могут побуждать других идентифицировать себя с жертвой.

В то же время СМИ играют огромную роль в просвещении общественности и профилактике самоубийств. Важно информировать читателей и зрителей о вероятных причинах самоубийства, предупреждающих признаках суицидальных намерений, возможностях семьи и школы в профилактике этого негативного явления.

Макрофактором риска суицида является неоднозначное общественное мнение к самоубийству, а также к лицам, совершившим «неудачную» попытку суицида.

На протяжении всей истории развитие человечества общественное мнение к самоубийству носит противоречивый характер.

В древнем мире суицид нередко воспринимался как необходимость, как биологический регулятор. Так, по существовавшей традиции в общинах эскимосов старики в голодные годы уходили умирать в тундру, а немощных японцев по их же воле дети оставляли одних в горах. Таким образом община избавлялась от слабых и увечных членов племени. У малазийцев суицид был узаконен. При нарушении табу человек принимал яд или прыгал с высоты. В Древней Греции способ само-

убийства мог выбрать тот, кого закон приговорил к смерти, примером тому является Сократ, выпивший яд.

В Средневековье суицид стал осуждаться обществом, религией (христианство и ислам), государством. Христианство образ самоубийцы связывало с дьяволом. По этой причине суицидантов запрещалось хоронить на общих кладбищах. Обычай предписывал похороны в лиминальных¹ пространствах, отмечая пограничный статус самоубийцы между миром живых и мертвых, – возле дороги, на перекрестке, краю поля, в лесу, овраге или болоте. Защитные ритуалы включали протыкание тела самоубийцы осиновым колом (способ, более распространенный в Англии) и забрасывание могил камнями, деревом или сеном [36]. Нередко труп привязывали к лошади и таскали по улицам городов и селений. В ряде стран была введена уголовная ответственность за неудавшуюся попытку суицида (в Российской империи – «гражданская» ответственность). Так, до конца XIX в. в США приговаривали к 20 годам тюрьмы тех, чья попытка самоубийства была неудачной. В Англии в подобной ситуации государство доводило начатое дело до конца.

Уголовным преступлением самоубийство перестало считаться в Великобритании только в 1961 г., хотя еще в 1955 г. подсудимого-суицидента приговорили к двум годам тюрьмы [66]. В Ирландии за попытку самоубийства судили до 1993 г., а в Индии – до 2014 г. В некоторых странах уголовная ответственность за самоубийство предусмотрена до сих пор. Например, в Сингапуре лицо за попытку суицида наказывается лишением свободы до одного года и (или) штрафом.

Однако в современном мире не все так однозначно. Официальная идеология отвергает самоубийство как способ решения жизненных проблем. Вместе с тем в общественном сознании разных стран проявляются признаки терпимого отношения к суицидам. Яркий пример – Япония и древняя традиция харакири² (сэппуку). Официально харакири отменено, однако осталось в том или ином проявлении в традиции

¹ Термин «лиминальность» (англ. Liminality, от лат. Limes – порог, пороговая величина) – пороговое или переходное состояние между двумя стадиями (состояниями) развития человека или сообщества. Связывается с изменением социального статуса, ценностей и норм, идентичности. Лиминальные пространства включают в себя конкретные места, большие зоны или даже регионы: границы между государствами, ничейные либо спорные территории, перекрестки. Это могут быть как естественные пространства (болото, кратер вулкана и др.), так и искусственно созданные переходные пространства (аэропорт, гостиница и т. п.). Данные пространства считаются особо опасными, доступными другим реальностям и силам, действующим через них.

² Дословно «харакири» переводится как «резать живот». Человек сам вскрывал себе мечом живот, нанося смертельную рану и переживая сильнейшие боли и мучения. Это было ритуальное самоубийство, закрепленное официально как почетная смерть, которое практиковалось среди высшего сословия Японии – самураев. Вид пассивного протеста против любой несправедливости.

японцев (достаточно вспомнить пилотов-камикадзе во время Второй мировой войны). Харакири присутствует в современной Японии, хотя редко кто вскрывает себе живот, из жизни уходят более «гуманными» способами.

В отличие от христианских стран, в Японии самоубийство не считается грехом. Оно рассматривается как способ взять на себя ответственность или получить прощение. Как следствие, в Японии один из самых высоких уровней самоубийств среди развитых государств [141]. Общий уровень самоубийств в Японии примерно на 60 % выше, чем в среднем по миру. С 2014 г. самоубийство стало главной причиной смерти детей и юношей в Японии в возрасте 10–19 лет, уровень самоубийств среди детей продолжает расти [138]. Основные причины детских самоубийств находятся в учебной сфере и связаны с высокими нагрузками на детей, высокими требованиями педагогов и издевательствами. В совокупности это вызывает депрессивные состояния у детей. В Японии 1 из 12 учеников начальной школы и 1 из 4 учащихся средних классов страдают от депрессии, что приводит к тому, что многие из них совершают самоубийство [138]. Пик самоубийств среди детей наблюдается в конце августа и начале сентября, а также в середине апреля. Для западноевропейского общества 1 сентября насыщено позитивными эмоциями. Однако в Японии этот день несет скорбное бремя. Японские дети часто склонны убивать себя именно 1 сентября, это наиболее частая дата смерти. Всплеск самоубийств повторяется в апреле, когда обучающиеся возвращаются в школу, чтобы начать новый учебный год¹.

Подавляющее большинство суицидов в мире происходит в странах, исповедующих буддизм и индуизм [2]. В отличие от христианства, которое не одобряет самоубийство, буддизм и индуизм демонстрируют двойственную позицию по этому вопросу. Так, в священном буддистском тексте зафиксировано высказывание Будды о том, что настоящий бодхисаттва (просветленный) – это тот, кто пожертвовал бы жизнью по альтруистическим соображениям, например, чтобы прекратить страдания других людей или возместить свой долг родителям. Согласно священному тексту «Рамаяма», Рама – наиболее почитаемый бог индуистского пантеона, был настолько опечален смертью жены, что покончил

¹ Учебный год в Японии делится на три триместра и начинается 6 апреля. Первый триместр продолжается до 20 июля, затем идут большие летние каникулы, 1 сентября начинается второй триместр, зимние каникулы – с 26 декабря, и последний, третий, триместр продолжается с 7 января по 25 марта. Затем идут небольшие весенние каникулы, во время которых происходит переход из класса в класс. Точные даты начала и конца триместров бывают разные в разных школах. Начало учебного года в апреле связано с тем, что в это время в Японии весна вступает в полную силу и начинает цвести сакура.

с собой, прыгнув в реку. В результате достиг самадхи – состояния просвещенного разума.

В довольно близких народах Дании и Норвегии отношение к суициду различно. У норвежцев в мифологии суицид осуждается, у датчан самоубийство рассматривается как достойный выход из критической ситуации. Статистика свидетельствует, что на протяжении многих лет уровень суицидов выше в Дании, чем в Норвегии [141].

В Советском Союзе во время Великой Отечественной войны сдача в плен приравнялась к измене Родины, приказ партии и правительства однозначно требовал от солдата себя убить. В последние месяцы Второй мировой войны в маленьком городе фашистской Германии Деммин произошла страшная трагедия. В апреле – мае 1945 г., когда в городок вошли советские войска, сотни его жителей покончили жизнь самоубийством: некоторые перерезали себе вены, кто-то принял яд, кто-то застрелил родных, а потом себя. Целыми семьями люди топились в реке, матери входили в воду, привязав к телу малолетних детей¹.

Примером терпимого отношения к самоубийству является эвтаназия – возможность тяжелобольного человека уйти из жизни по собственной воле, при помощи врача, не испытывая боли и мучений. В Беларуси эвтаназия запрещена, в отличие от Австрии, Албании, Бельгии, Венгрии, Дании, Испании, Канады, Люксембурга, Нидерландов, США (штаты Вермонт, Орегон, Вашингтон, Джорджия), Швейцарии (Цюрих), Швеции, Франции. В некоторых из этих стран получил развитие особый вид медицинской помощи – суицидальный туризм, то есть поездка за официально разрешенной добровольной смертью. В Японии и Колумбии официальной легализации эвтаназии нет, однако фактически данная процедура возможна.

В целом европейская общественность не является противником идеи эвтаназии. Исследования, проведенные нами в 2010 г. в Минске среди 214 студентов педагогических, психологических и юридических факультетов, свидетельствуют, что 56 % молодых людей считают возможным легализацию эвтаназии в Республике Беларусь. По данным российских опросов, 57,3 % респондентов, не имеющих медицинского образования, и 42,3 % медиков считают, что эвтаназия допустима; 50,9 % немедиков и 37,7 % медиков согласны с тем, что эвтаназию необходимо узаконить [12].

Таким образом, общественное мнение выражает терпимое отношение к самоубийству, особенно если добровольный уход из жизни обусловлен неизлечимым заболеванием, нежеланием обременять близких, желанием отстоять права и интересы других людей либо собственную

¹ См.: Массовое самоубийство немцев в 1945-м: что помнят свидетели. – Режим доступа: <https://news.tut.by/culture/586080.html>. – Дата доступа: 23.03.2018.

честь. Не однозначная ситуация и в Беларуси. Гродненские ученые в результате анкетирования более 2 300 респондентов установили, что 60,2 % опрошенных категорично против самоубийств, 20,5 % относятся негативно, но не всегда [15]. Подросток, принимающий решение уйти из жизни (сомневающийся), чувствует неоднозначное отношение общества, понимает, что люди не всегда осуждают самоубийство, а иногда и молчаливо поддерживают. Это выступает благоприятной почвой для формирования готовности личности к суициду.

Другой стороной медали выступает настороженное, опасливое отношение к человеку, совершившему незаконченный суицид. Как правило, ребенок, после незаконченного суицида, подвергается стигматизации – навешиванием социальных ярлыков, имеющих отрицательный характер. Часто его считают психически ненормальным, обязательно поставят на разного рода профилактические учеты как склонного к суициду, о чем будет знать весь класс; за его спиной будут шушукаться одноклассники, учителя и соседи; при встрече с ним разговоры в компании сверстников будут неловко прекращаться. Учителя станут преувеличенно деликатно разговаривать с подростком, пережившем попытку самоубийства; близкие такого человека будут чрезмерно его контролировать; бывшие друзья – избегать общения. Ребенок со стигмой страдает от своего «несовершенства», от того, что «даже ЭТО сделать не смог», он старается избегать общества, скрывает наличие у себя проблем. Одиночество усугубляется. Вероятность рецидива увеличивается. Так, по статистике Министерства здравоохранения Республики Беларусь, более 30 % людей, совершивших суицидальную попытку, предпринимают повторные суицидальные действия [63].

Нужно ли говорить о суициде с детьми? Мы согласны с мнением С. И. Букина и Е. М. Тищенко о том, что «стратегическим направлением в превентивных мероприятиях является формирование антисуицидального общественного мнения» [15].

В настоящее время особое внимание уделяется исследованию влияния так называемых просуицидальных интернет-сайтов, а также развлекательных компьютерных программ на личность детей и лиц молодежного возраста. Например, по данным американских психологов, занятие видеоиagramами или погружение в сеть Интернет больше, чем на 5 часов в день, связано с риском депрессии и появления суицидальных мыслей [142].

В 2016 г. широкий общественный резонанс вызвали самоубийства подростков и молодых людей, совершенные якобы под влиянием просуицидальных интернет-ресурсов. Журналистские расследования убеждали читателей, что в результате целенаправленного деструктивного информационно-психологического воздействия специальных сайтов в

сети Интернет за полгода добровольно ушли из жизни более 130 российских детей¹. По некоторым данным более 90 % несовершеннолетних, совершивших суицид в России с ноября 2015 по май 2016 г., состояли в сообществах социальных сетей с суицидальной направленностью [91].

В глобальной сети Интернет, в частности в социальной сети «ВКонтакте», начиная с 2000 г. активизировалось сотни сообществ суицидальной направленности [28, 41, 91, 92]. В данных группах обсуждаются суициды известных музыкантов, киноактеров, политических деятелей и просто сверстников, подробно описываются способы их совершения, размещаются видеозаписи со сценами подростковых самоубийств с героизацией погибших. В данных сообществах самоубийство нередко рассматривается как единственный способ решения всех проблем, возможность стать известным и популярным (даже на уровне набора большого количества «лайков» на собственной странице). Вступить в эти группы может любой желающий.

Анализ содержания рассматриваемых интернет-ресурсов позволяет сделать вывод, что в некоторых сообществах действительно ведется активная работа по склонению подростков к самоубийству. На некоторых сайтах администраторы способны оказывать манипулятивное информационно-психологическое воздействие на сознание детей с целью выявления и вовлечения подростков в закрытые группы социальных сетей. Это могут быть и группы помощи в выполнении домашних заданий, литературные объединения или любой другой направленности. Получили широкое распространение закрытые «группы смерти» в социальных сетях («F57», «Разбуди меня в 4.20», «Море китов», «Тихий дом» и др.). Модераторы приглашают юных пользователей сети Интернет в свои группы, эксплуатируя чувства одиночества, непонимания со стороны взрослых, жестокого обращения в детском социуме, личные обиды. Участников в закрытые группы заманивают вопросами: «Тебя бросил парень? Устала от учебы? Часто сидишь в ВК? Никто не пишет?» и др. К общению приглашают в ночное время, что приводит к недосыпанию, расстройству внимания, нарушению памяти, ослаблению воли и замедленному мышлению. Это способствует формированию повышенной внушаемости. Используется конспирологический фактор – предлагается указывать в группах возраст 18+. В процессе

¹ См.: Крайняя черта. Кто в социальных сетях склоняет подростков к суициду // Аргументы и факты. – 27 апреля 2016. – № 17. – Режим доступа: http://www.chr.aif.ru/belgorod/incidents/kraynyaya_cherta_kto_v_socsetyah_sklonyaet_podroستkov_k_suicidu – Дата доступа: 18.11.2016; Группы смерти (18+) // Новая газета. – 16 мая 2016. – № 51. – Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18>. – Дата доступа: 18.11.2016.

разговора актуализируются личностные проблемы участника группы, формируется впечатление, что он по своим качествам не такой, как все, чувствует более обостренно, его никто не сможет понять. Суицид позиционируется как единственный выход из создавшейся ситуации, наиболее эффективный способ решения всех проблем.

В процессе общения происходит романтизация смерти посредством героизации самоубийств молодежных кумиров, покончивших жизнь самоубийством (например, «Клуб 27» – сообщество известных музыкантов, погибших в возрасте 27 лет (Д. Хендрикс, Д. Джоплин, Д. Моррисон, К. Кобейн, Э. Вайнхаус и др.); внушается мысль о том, что самоубийство – это удел сильных и великих людей (Ван Гог, М. Цветаева, Э. Хемингуэй, М. Монро, Р. Уильямс и др.). Предлагаются к прослушиванию определенная музыка (например, David Bowie Rock N Roll Suicide «Хороший день для суицида... неправда ли?»), к прочтению – соответствующая поэзия и литература («50 дней до моего самоубийства»). В таких сообществах культивируются лозунги «Давай прыгнем вместе!», «Здесь в воду кинулась Эрастава невеста, топитесь, девушки, в пруду довольно места» (реплика произведения Н.М. Карамзина «Бедная Лиза»). Предлагается выполнить различные задания (написать стихотворение), принять участие в интерактивных квестах (например, ARG – игра в альтернативной реальности, участники которой должны выполнить определенные задания, в том числе порезать руки и выложить фотографии в социальной сети). Часто выполнение задания является условием перехода на следующий уровень игры либо получения «лайков» и «репостов».

Абсолютное большинство участников данных групп не собираются умирать, однако специфический формат общения, по мнению ряда исследователей, заставляет ребенка размышлять о самоубийстве. В России зафиксированы случаи, когда с момента вступления в суицидальные интернет-группы до факта самоубийства проходило 10–14 дней [92]. Предполагается, что в интернет-группах ребенка не оставляют одного до последних минут жизни, его постоянно контролируют. Даже когда он совершает последний шаг, другие члены группы следят за ним, фотографируют, готовят отчет, который затем размещается в сети.

Результаты некоторых научных исследований свидетельствуют, что поиск и получение информации о людях, покончивших жизнь самоубийством (кумиры, сверстники, сообщества), способах суицида, переживаниях обидчиков, общественном мнении о произошедшем стимулируют суицидальное поведение с высокой вероятностью завершённых суицидов [140]. Общение (непосредственное или виртуальное) в социальных сетях со сверстниками, склонными к суицидальному поведению, также оказывает провоцирующее влияние на суицидальные тенденции подростков [126].

В 2017 г. на волне общественного резонанса, вызванного «группами смерти», актуализировалась проблема появления в свободном доступе просуицидальных компьютерных игр для детей младшего школьного возраста. Например, программа «Новости» телеканала «Россия 24» сняла сюжет про суицидальную угрозу для малышей, которую таит в себе игра под безобидным названием «Розовый Пони». МВД Республики Беларусь также было установлено, что в сети набирает популярность эта игра для детей.

В сети Интернет набрало популярность следующего содержания сообщение мамы ребенка: «Я поставила восьмилетней дочке на планшет развивающую онлайн-игру. Там розовый Пони скачет по полю и дает разные задания. Мне и в голову не приходило проверить, что за задания девочка выполняет. Ну какая опасность может быть от Пони? А как-то планшет лежал на диване, я посмотрела задания. И испугалась. Пони писала дочке примерно следующее: „Ты же хочешь, чтобы Пони тебя любил? Тогда не говори маме, что у нас должны быть секреты“. Последним сообщением было: „А ты можешь сама залезть на подоконник?“ В общем, я вовремя планшет прочла. Конечно, игру сразу стерла. Но мне до сих пор очень страшно. Вы же понимаете – и игрушки для малышей стали опасными».

Однако феномен «розового пони» оказался хорошо разрекламированной акцией. Игра действительно есть, и принцесса на пони действительно скачет. Но ни пони, ни принцесса ни к чему деструктивному не призывают. Ими надо управлять, чтобы преодолевать всевозможные препятствия и собирать сердечки. И все. Популярность игры обеспечена паникой в сети Интернет, которую обеспечили обеспокоенные и напуганные родители.

Действительно, сеть Интернет позволяет бесконтрольно получать информацию, в том числе и о самоубийстве. Однако большинство людей, в том числе и дети с определенного возраста, и без подсказки задумываются о смерти, размышляют о самоубийстве как одной из форм саморазрушающего поведения. Как и большинство людей, размышляют о влиянии наркотиков (алкоголя, табака) на организм, но не употребляют ПАВ.

Проведенные нами исследования свидетельствуют, что мотивом систематического посещения просуицидальных сайтов является поиск сочувствия и понимания, способов выхода из депрессивного состояния.

По мнению молодых людей, ежедневно посещающих данные ресурсы от 3 месяцев до 3 лет, такого отношения к ним, как в сети, они никогда не чувствуют со стороны других людей, а в официальных службах психологической (или иной) помощи такого понимания вообще нет. По словам участников, ни семья, ни друзья, ни широкая общественность, включая службы медицинской и психологической по-

мощи, не могут их понять так, как участники таких сайтов. Участники виртуальных групп считают себя членами тайного общества, общины, сообщества. Они оказывают психологическую поддержку друг другу, делятся разноплановой информацией, а также устанавливаю дружеские отношения с такими же участниками сайта. Они считают, что их взгляды на мир, людей, самих себя отличаются от убеждений большинства людей, и это дистанцирует их от остального общества. Они чувствуют себя особенными. Виртуальное сообщество признает их уникальность, их личность. Вместе с тем участники таких сайтов еще более отдаляются от общества, ограничивая свои возможности в получении профессиональной помощи за пределами сети Интернет [17].

Анализ посмертных судебно-психологических, судебно-психиатрических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз детей и лиц молодежного возраста (до 29 лет включительно), покончивших жизнь самоубийством, проведенных ГКСЭ, позволяет утверждать, что в Республике Беларусь до настоящего времени прямой зависимости между самоубийствами подростков и молодых людей возрасте до 30 лет и влиянием просуицидальных интернет-сайтов не установлено.

В этой связи не стоит давать однозначно отрицательную оценку данным сайтам, тем более при отсутствии системных эмпирических исследований рассматриваемой проблемы. Нередко просуицидальные виртуальные площадки имеют терапевтический эффект, спасают молодых людей от необдуманных поступков.

Интернет выступает не причиной формирования суицидального поведения, а благоприятным условием, на фоне которого развиваются имеющиеся суицидальные мысли и намерения. Как правило, поиск данной информации осуществляет подросток, у которого уже сформированы суицидальные тенденции в условиях неблагополучной семьи, сложных отношениях в школе, с друзьями, интимной сфере. Это относится к любым проявлениям девиантного поведения. Например, не интернет превращает человека в террориста, а человек, который уже задумал и спланировал совершение преступления, будет осуществлять поиск информации в сети Интернет о способах изготовления бомбы.

С одной стороны, глобальная сеть является незаменимым источником полезной информации, средством обучения, общения, развлечения, а с другой – значительное количество интернет-ресурсов носят откровенно деструктивный характер, представляют серьезную угрозу психическому развитию, способствуют формированию девиантных форм поведения подростков. И важнейшей задачей нравственно-правового воспитания подростков выступает формирование антидеструктивной устойчивости личности.

В этой связи, осуществляя воспитательную работу с подростком, родителям и педагогам необходимо разъяснять, какие опасности таит в себе интернет:

деструктивная информация (свободный доступ к информации о наркотиках и способах их приобретения, насилии, в том числе сексуальном, порнографии, суицидальных группах, сектах и т. д.);

ложная или неверная информация о способах удовлетворения потребностей и решения жизненных проблем (получение и запоминание информации о неадекватных способах реагирования на жизненные трудности, удовлетворения своих духовных и психофизиологических потребностей может привести к формированию в сознании подростка ложных представлений и моделей поведения о том, как себя вести в ситуации межличностного конфликта, построения интимных, сексуальных отношений, нивелирование вреда ПАВ и др.);

анонимные знакомства (общение с лицом, которое может представлять угрозу жизни и здоровью ребенка, совершать действия, направленные на приобщение ребенка к ПАВ, достижение сексуальных контактов, вовлечение в секты, группы смерти, получение конфиденциальной информации о семье, жилище, материальных ценностях и др.);

распространение конфиденциальных сведений о себе, своих близких, охраняемых материальных ценностях и др. (выкладывание в социальные сети информации о своих увлечениях, распорядке дня, времени посещения кружков, секций (особенно в вечернее время), номеров телефонов, адреса места жительства и т. д.);

интернет-зависимость (отсутствие друзей, проведение всего свободного времени за компьютером, появление навязчивого желания постоянно обновлять ленты соцсети, бесконечно проверять личные сообщения (даже во время урока)).

Интернет-угрозы нивелируются, если в семье присутствуют доверительные отношения с ребенком, а в школе ученик чувствует себя комфортно. Это является условием гармоничного развития ребенка, формирования желания подростка обсуждать с родителями и учителями увиденное, прочитанное и услышанное.

Тема смерти не должна быть под запретом. И интернет запретить нельзя. Запретный плод сладок. Рано или поздно подросток посетит тот интернет-сайт, который ему запрещают. Опасность не в том, что он получит деструктивную информацию. Проблема в том, как он ее воспримет, интерпретирует, станет ли она руководством к действию. Для того чтобы сформировать правильное отношение к негативной информации, необходимо разъяснять, что не всякие факты, изложенные в сети Интернет достоверны, не все сведения носят познавательный характер, не всякое общение несет пользу, что любая конфиденциальная

информация, размещаемая в сети, может быть использована недоброжелателями в противоправных целях.

Ребенок должен уметь распознавать опасность и ложность в транслируемой информации.

3.4. Структурно содержательная модель антисуицидальной устойчивости личности

Эффективная профилактика суицидального поведения строится на основе формирования в личности подростка качеств, необходимых для социально приемлемого разрешения кризисной жизненной ситуации. В настоящее время психологическая сущность антисуицидальной устойчивости личности фактически не изучена. Почти отсутствуют исследования, содержащие комплексное и конкретное объяснение данного явления, что не позволяет решать практические задачи – разрабатывать программы и технологии формирования и укрепления антисуицидального сознания личности.

Антисуицидальная устойчивость личности – психическое образование, представляющее систему функционально взаимосвязанных психологических свойств, выступающих в своей совокупности внутренней причиной социально приемлемого поведения в кризисной жизненной ситуации. Данный психологический феномен выражает собой устойчивую субъективную недопустимость совершения суицида и готовность противостоять деструктивным социальным условиям и влияниям других лиц, побуждающим к его совершению. Это психическое образование следует рассматривать не только в соотношении с внутренними и внешними факторами риска, но и в соотношении с противоположным явлением – предрасположенностью личности к суицидальному поведению. Исследуемая позиция отличается от ситуативного состояния субъекта, которое выражает решение воздержаться от совершения суицида в настоящее время в силу определенных (например, неблагоприятных) внешних и внутренних обстоятельств.

Антисуицидальная устойчивость личности может характеризоваться по направленности и степени развития (зрелости). Характеристика по направленности определяет, по отношению к каким способам суицида эта устойчивость имеет место. Например, она может проявляться в недопустимости утопления или нанесения порезов, но допустимости падения с высоты. По степени развития антисуицидальную устойчивость можно оценить как имеющую высокий уровень, выражающую безусловную субъективную недопустимость совершения самоубийства либо как недостаточную устойчивость, когда лицо способно совершить аутоагрессию при сильных деструктивных влияниях на него или в силу выполнения нравственного долга (например, защиты Отечества).

Для психологического объяснения антисуицидальной устойчивости личности особое значение имеет раскрытие структуры образующих ее психологических свойств и описание содержательных характеристик этих свойств. Такое объяснение основывается на понимании, что антисуицидальная устойчивость личности выступает противоположным явлением личностной предрасположенностью к суицидальному поведению. Исходя из этого для обоснования психологической структуры антисуицидальной устойчивости личности необходимо обратиться к анализу ее антипода – личностной предрасположенности к совершению самоубийства.

Ядро предрасположенности к суицидальному поведению образуют те психологические свойства, которые выражают личностную приемлемость самоубийства – восприятие ситуации как безысходной, положительное отношение к смерти, желание мести и др. Данное деяние выступает для субъекта способом разрешения кризисной ситуации, поэтому необходимо вести речь о приемлемости суицидального способа решения жизненных проблем или разрешения кризисной ситуации. Приемлемость суицидального способа выражается в его положительной субъективной представленности, включающей когнитивное, эмоциональное, установочно-поведенческое проявление.

Когнитивное проявление выражается в том, что лицо видит в суицидальном способе ряд положительных сторон, считая его оперативным, быстрым, эффективным, доступным, распространенным и единственно возможным способом достижения желаемой цели – разрешения жизненной проблемы или кризисной ситуации.

Эмоциональный компонент проявляется в том, что самоубийство ассоциируется с позитивными чувствами от его результата (конец страданиям, боли, облегчение, предвосхищение удовлетворенности от чувства мщения), хотя и сочетается с противоположной эмоциональной представленностью (способ страшный, возможно болезненный, непредсказуемый, неизвестно, как закончится). Мы неоднократно утверждали, что чем чаще были попытки суицида, тем более высокая вероятность суицида. Психологический механизм данной закономерности выражается в том, что при неоднократном парасуициде у человека разрушается ассоциация самоубийства с возможными негативными, неприятными, болезненными переживаниями и ощущениями, при этом может формироваться положительная эмоциональная окраска суицидальных действий (членовредительство, рискованное поведение, отравление лекарствами и т. п.).

Парасуицид и суицидальное поведение (особенно демонстративно-шантажного типа) может иметь представленность и на установочном уровне как личностное правило (личностный принцип) разрешения кризисной (трудной) ситуации или удовлетворения какой-либо по-

требности. Суицидальный шантаж становится привычным способом достижения личного интереса, вымогательства у родителей денег, вещей, дополнительной свободы, у учителей – лучших оценок и похвал, а у друзей – сочувствия и внимания.

У лиц с суицидальными намерениями закономерно обнаруживается суицидальная самоидентификация, предикторами которой выступают феномены положительной субъективной представленности другого человека, совершившего самоубийство и наделенного преимущественно положительными чертами, мотивами, поведенческими паттернами. Это свидетельствует о его «психологической близости», психологической идентификации с ним.

К суицидально-релевантным психологическим свойствам относятся и такие свойства, которые создают мотивационные предпосылки его совершения: стремление избежать позора, отомстить любимому, который изменил, наказать учителя, потребность выйти из конфликта, который невозможно, с точки зрения суицидента, разрешить.

Личностная предрасположенность к суициду может различаться по степени сформированности. Высокая степень проявляется в виде суицидальной активности, когда субъект ищет информацию о лицах, совершивших самоубийство, людях, интересующихся данной темой (единомышленников), способах суицида, его последствиях, стремится общаться на соответствующие темы в социальных сетях и т. д. Меньшая степень личностной предрасположенности к суициду выражается в том, что лицо не проявляет инициативу в поиске суицидально значимой информации или создании условий для совершения самоубийства, но совершает его в случае возникновения острого конфликта. Более низкая степень сформированности суицидальных намерений заключается в том, что лицо может совершить самоубийство только из-за высших моральных соображений – убийство себя ради спасения близких или защиты Отечества.

Учитывая содержание предрасположенности к суицидальному поведению, можно предложить психологическую структуру антисуицидальной устойчивости личности. Ее системообразующим ядром выступает отрицательное отношение к самоубийству и лицам, их совершающим. Такое отношение основывается на отрицательной субъективной представленности суицида, придании ему отрицательного значения и личностного смысла. Человек видит в нем в большей мере плохое или исключительно только плохое. Этот способ разрешения конфликта, кризисной жизненной ситуации представляется как недостойный, постыдный, опасный, противоречащий нравственным и религиозным убеждениям, чреватый негативными последствиями для близких. При негативном отношении личности к самоубийству он ассоциируется с отрицательными чувствами – отвращением, опасностью, презрением,

страхом, представляющими собой эмоциональный компонент такого отношения. Важнейшим личностным свойством, выражающим субъективную недопустимость совершения суицида, выступает личностный принцип-запрет «так поступать нельзя». Особое значение также имеет отрицательная эмоционально-оценочная установка, проявляющаяся в реакции на информационные влияния (например, сеть Интернет), склоняющие к совершению самоубийства.

Важной составляющей антисуицидальной устойчивости выступает отрицательная субъективная представленность (образ) человека, совершившего самоубийство. Субъективная представленность человека, совершившего суицид, диагностируется при постановке проективных вопросов, ориентирующих на его характеристику: как ты представляешь себе такого человека; какой это человек по своим качествам; как он живет; почему он так действует?

Отмеченная отрицательная субъективная представленность суицидального поведения и самоубийцы во внутреннем мире личности, обладающей высоким уровнем антисуицидальной устойчивости, сочетается с устойчивым позитивным отношением к жизни.

Антисуицидальная устойчивость личности включает в себя также представленность в сознании человека: конкретных, детальных и реальных жизненных целей и планов (как ближайших, так и перспективных на многие годы вперед); знание широкого спектра субъективно приемлемых путей и способов удовлетворения жизненных потребностей и разрешения конфликтных ситуаций; наличие психологической компетентности и эффективных механизмов психологических защит, высокий уровень социализации личности.

Антисуицидальная устойчивость личности выражается общей жизнерадостностью, эмоциональной привязанностью к близким людям, приносящими удовлетворенность родительскими обязанностями, выраженным чувством долга и т. д.

К свойствам, имеющим существенное значение для антисуицидальной устойчивости личности, необходимо также отнести адекватную самооценку, реальное осознание своих возможностей, понимание причин, почему окружающие так или иначе относятся к человеку.

3.5. Психолого-педагогические задачи и направления профилактики суицидального поведения несовершеннолетних

Профилактическая и коррекционная работа с несовершеннолетними, попавшими в группы суицидального риска, имеет три ключевых направления.

Во-первых, коррекционная и социально-профилактическая работа с семьей подростка. Как мы отмечали, семья ребенка данной категории чаще всего относится к разряду неблагополучных. В профилактической работе с семьей необходимо выделять информационно-просветительскую и организационно-практическую составляющие. Информационно-просветительская работа предполагает разъяснение родителям причин и условий формирования суицидальных намерений, признаков суицидального поведения, способы эмоциональной поддержки несовершеннолетнего, находящегося в кризисном состоянии, формы и направления выхода из данного состояния. Организационно-практическая работа нужна в случаях, когда ребенок находится в социально опасной ситуации, вызванной неблагополучием семьи (пьянство родителей, отсутствие должных материально-бытовых условий и др.), и требует незамедлительных мероприятий по изъятию ребенка из семьи, направлению его к узким специалистам, оказанию материальной помощи и т. д.

Во-вторых, информационно-профилактическая работа с ученическим коллективом в рамках класса и школы, целью которой является формирование антисуицидальной устойчивости личности несовершеннолетних, формирование желания, знаний и умений оказать помощь товарищам, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Информационно-профилактическая работа с ученическим коллективом в рамках класса и школы проводится в групповой форме. Интерес у подростков вызывают такие формы, как дискуссионный клуб (проведение групповых бесед и дискуссий на следующие темы: «Формула человеческого счастья», «Отцы и дети», «Социальные сети и Я», «Жизнь несправедлива!?» и др.); совместный просмотр видеофильмов с их дальнейшим обсуждением (например, «Вторая жизнь Уве», сериал «13 причин почему»); обсуждение прочитанных книг (А. Жвалевский и Е. Пастернак «Пока я на краю», Д. Эшер «13 причин почему», С. Крамер «50 дней до моего самоубийства» – суицидальная проблематика; У. Старк «Пусть танцуют белые медведи», К. Нестлингер «Само собой и вообще», Е. Габова «И отец мой, и мама моя», М. Заурман «Малыш и чудовище» – конфликты в семейной сфере) с обсуждением жизненной позиции героев, их ценностных ориентаций; творческая деятельность (рисование, лепка, музыкальные занятия); анализ биографий выдающихся личностей или просто известных людей, музыкантов, певцов, актеров (например, жизненного пути Стива Джобса с обсуждением «Трех историй Джобса»).

В-третьих, индивидуальная профилактика и коррекция суицидального поведения подростков. Индивидуальная работа требует привлечения специалистов из различных сфер – психолога, психиатра, нарколога, социального работника и др.

Стратегическими задачами профилактической и коррекционной работы с лицами, склонными к суициду, является нейтрализация психологических факторов риска, коррекция негативного восприятия себя и неблагоприятных социальных условий и формирование антисуицидальной устойчивости личности.

Организационно-тактическими задачами выступают: диагностика суицидального риска; ликвидация конфликтной ситуации, которая может привести к суициду; устранение отрицательных факторов внутрисемейных отношений; оптимизация межличностных отношений; включение потенциального суицидента в различного вида полезную деятельность; подключение к оказанию ему помощи различных учреждений и специалистов.

Учитывая содержание антисуицидальной устойчивости личности, сформулируем психолого-педагогические задачи индивидуальной профилактики и коррекции суицидального поведения (пересекающиеся с задачами информационно-просветительской работы с ученическими коллективами):

купирование психологических факторов риска (снижение тревожности и агрессивности; эмоциональной нестабильности; нормализация неадекватной самооценки; формирование убеждений, что есть люди, которые находятся в гораздо более тяжелых условиях, чем он; коррекция пассивной жизненной позиции; формирование негативного отношения к самоубийцам; формирование отрицательного отношения к суицидальным способам разрешения кризисных жизненных ситуаций, удовлетворения потребностей; формирование боязни физических страданий, опасения остаться инвалидом; формирование образных представлений о противном (мерзком) внешнем виде тела человека, после самоубийства¹);

формирование позитивных ценностей и представлений построение адекватного образа себя (коррекция недовольства своей внешностью или способностями), позитивного отношения к себе; актуализация

¹ Прекрасной иллюстрацией могут стать, например, живописное воспроизведение фрагментов книги М. И. Хасьминского и П. А. Розумного «Способы самоубийства. Суицид без розовых очков» из просторов сети Интернет: «Повешение. Сначала происходит довольно продолжительная агония. Во время этой агонии имеют место судороги, при которых висельник ударяется обо все близлежащие предметы, отчего на трупе остаются кровоподтеки, ссадины, переломы, синяки. Дальше разжимаются сфинктеры заднего прохода и мочеиспускательного канала. Все, что было в кишечнике и мочевом пузыре, вытекает, и человек в буквальном смысле оказывается весь в дерьме. Под трупом – лужа. На трупе – трупные пятна, особенно на ногах, куда оттекает кровь, и мерзкая странгуляционная борозда на шее. А еще видны кровоизлияния в подкожную клетчатку, ножки грудных мышц и мышцы шеи. Шея деформирована из-за перелома позвонка, на лице трупа – гримаса».

жизненных ценностей, целей и планов; ценности жизни и установок на позитивное будущее; ясных и конкретных представлений своего будущего и желания его достичь; раскрытие элементов счастья (обострение любви к жизни); составление индивидуальной формулы человеческой радости, человеческого счастья; актуализация желания выполнить не реализованные планы (жизненные, творческие, семейные и др.); разработка реальных, конкретных, социально приемлемых стратегий и моделей поведения по удовлетворению потребностей в различных сферах жизнедеятельности, разрешению жизненных проблем; стимулирование стремления к самореализации; актуализация чувства любви и заботы к близким (родители, сестричка), нежелание вызывать их отрицательные переживания; формирование желания кому-нибудь помочь; установка на здоровый образ жизни, негативное отношение к саморазрушающему поведению (зависимость от ПАВ, рискованное поведение));

психологическое просвещение, формирование психологической компетентности (развитие коммуникативных навыков, умения принимать и просить поддержку у окружающих людей; формирование устойчивости к деструктивному информационному влиянию (в том числе просуицидальному) в сети Интернет, СМИ, литературе, кино, раскрытие личностного и социального вреда, который они приносят в общество; развитие умений и навыков распознавать и вовремя выходить из опасных ситуаций или из контакта с определенными людьми; формирование установок на развитие собственных качеств для решения кризисных ситуаций; развитие умения анализировать кризисные ситуации, находить разные варианты их решения, разъяснение преимуществ гибкого поведения; развитие способности анализировать собственное эмоциональное состояние, и если необходимо – вовремя обращаться за помощью к специалистам (психолог, врач), внушение безопасности и эффективности такой специализированной помощи; обучение подростков навыкам релаксации, саморегуляции, снижения психоэмоционального напряжения в стрессовой ситуации.

Раннее выявление суицидальных тенденций является основной задачей профилактики самоубийств. Профилактика суицидального поведения подростков предполагает знание признаков суицидального риска (диагностика). Анализ научной литература [3, 4, 9, 17, 37, 63, 126, 127, 135], а также результаты комплексных психолого-психиатрических экспертиз ГКСЭ позволяют выделить признаки суицидального риска:

вербальные признаки (повторяющиеся мысли и высказывания о смерти, самоубийстве; фантазии о смерти, самоповреждении («Я больше не хочу здесь быть»; «Никто меня не понимает»; «Я больше не могу этого выносить»; «Лучше никогда не будет»; «Я устал быть тяжелой ношей для моих друзей и семьи»; «Никто не будет скучать по мне, ес-

ли я умру», «Лучше не жить, чем так страдать», «Я больше никому не нужен», «Я вам больше не помешаю», «Вы меня больше не увидите», «Всем будет только лучше без меня»), суицидальные угрозы («Я покончу с собой»); высказывания конкретных представлений о времени, месте и способе суицидальных действий; мысли о бессмысленности жизни или о полной утрате контроля над ней; отсутствие планов на будущее; окончательная потеря надежды; ненависть к себе; неудовлетворенность своим телом; чрезвычайно настойчивые просьбы о переводе в другой класс, школу, изменении места жительства и т. п.);

поведенческие признаки (интерес к смерти, рисование сцен смерти, прослушивание музыки с образами смерти и др.; стойкая тяга к прослушиванию грустной музыки и песен; появление порезов, царапин и синяков неизвестного происхождения (особое беспокойство должны вызывать травмы запястья, предплечья, шеи, живота, груди); попытка завершить все свои земные дела, прежде чем покончить с собой; признаки «прощания» (составление завещания, раздача долгов, подарков, написание «прощальных» писем, отправка тревожных сообщений в сети Интернет); прогулы, уход из школы во время уроков; неоправданный, бессмысленный риск жизнью и здоровьем (например, хождение по краю крыши высотного здания, выезд на большой скорости мотоцикла на полосу встречного движения и др.; вождение в состоянии алкогольного опьянения; употребление наркотиков или алкоголя, что свидетельствует о безуспешных попытках «ухода» от тяжелых чувств); игнорирование внешнего вида и гигиены (особенно важным данный признак является для девушек); экстремальные способы контроля своего веса (прекращения приема пищи или резкое ограничение, вызывающие рвоты после приема пищи и др.); наличие средств совершения суицида (накапливание медикаментов, наличие огнестрельного оружия, ядохимикатов и др.); риск увеличивается при наличии доступа к средствам, о которых думает подросток (например, отец охотник, в доме без должного контроля хранится ружье); появление навязчивых мыслей и образов; сниженное настроение («потухший» взгляд, задержка дыхания, тяжелые вздохи, необщительность, молчаливость, высказывания об отсутствии надежды, перспектив, смысла жизни); снижение интереса к обычным для данного человека занятиям, контактам и развлечениям, прекращение посещения спортивных секций, факультативов и кружков по интересам; бесцельное времяпрепровождение в постели, на диване, отсутствие интереса ко всему, избегание общения, отсутствие желания просмотра телепередач, чтения и др.); снижение успеваемости, работоспособности, повышение утомляемости; вдруг появившаяся постоянная усталость; снижение памяти, сложность кон-

центрации; появление нехарактерных для обучающегося проблем в школе; самообвинение (никому не нужен, никчем); снижение самооценки и потеря уверенности в себе; восприятие своего прошлого, настоящего и будущего как череды прошедших и предстоящих неудач; чрезмерное чувство вины, беспричинное порицание себя, обвинение себя в реальных и надуманных неудачах, взятие на себя вины за трагические события в жизни близких, друзей; нерешительность, чрезмерные колебания в выборе даже незначительного решения; заторможенность, снижение двигательной активности (если у подростка проявлялись вышеперечисленные признаки, а затем он вдруг из депрессивного человека превратился в жизнерадостного, то это не говорит о том, что он взял себя в руки и вернулся к нормальной жизни; резкая перемена в сторону, казалось бы, счастливого состояния может говорить о том, что человек смирился с идеей самоубийства);

психосоматические симптомы (задержка стула; сухость слизистых оболочек; колебание артериального давления; нарушение сна (затруднение в засыпании, пробуждение по ночам, раннее окончательное пробуждение, отсутствие удовлетворенности ночным сном, чувство постоянной мыслительной работы по ночам; бессонница, в ранние утренние часы сопровождающаяся тягостными тревожными переживаниями с суицидальными мыслями); быстрая потеря или быстрый набор веса, понижение или повышение аппетита (понижение аппетита с потерей веса на 5 % и более от обычной массы тела также говорит о тяжести состояния; в некоторых случаях повышение аппетита и увеличение веса может служить бессознательной компенсацией отсутствия удовлетворения в других жизненных сферах);

агрессивное и импульсивное поведение, высказывания (часто являются предшественниками суицидальных действий); психологические механизмы суицида во многом сводятся к перенаправлению агрессии «на себя», уменьшению чувства вины через самонаказание или предотвращению нанесения вреда окружающим; признаки – появление сильного гнева, ярости или чувства мести);

наличие стрессовой (конфликтной) ситуации (смерть близкого человека, утрата ценностей; острый семейный конфликт во внешне благополучной семье, развод родителей, уход из семьи одного из родителей, измена; постановка диагноза тяжелого заболевания; неприятности с законом; разлука/разрыв с партнером; изменения места учебы (работы); социальная изоляция подростка, изгнание из референтной группы; обвинение ребенка в чем-либо (кража, нелюбовь к родителям, предательство друга, принадлежность к сексуальному меньшинству и др.); переживания из-за нетрадиционной сексуальной ориентации; пережитое насилие, в том числе сексуальное).

Конечно, риск суицида существенно увеличивается, если подросток ранее совершал суицидальные попытки. Чем больше количество и сильнее тяжесть парасуицидов, тем выше вероятность дальнейшего суицидального поведения. Обеспокоенность должны вызывать факты суицидов или парасуицидов, совершенных людьми, лично значимыми для подростка (родитель, друг, музыкальный кумир и др.).

Часто вербальные признаки отсутствуют или крайне не выражены, замаскированы. Однако всегда проявляется характерный признак, почти не поддающийся диссимуляции, который редко удается скрыть, при котором внимание концентрируется как бы в одном узком «туннеле», он называется сужением сознания. В обыденной речи потенциального самоубийцы сужение проявляется в использовании определенных слов, отражающих пресуицидальное дихотомическое мышление [135].

Оценка суицидального риска предполагает не только выявление признаков суицидальных намерений, но и анализ антисуицидальной устойчивости личности подростка.

Антисуицидальная устойчивость личности выступает объектом формирующего психолого-педагогического воздействия на личность подростка.

Рассмотрим стратегии поведения взрослых в профилактике и коррекции суицидального поведения подростка. Что и как говорить подросткам о суициде? Основатель когнитивной психотерапии А. Бек в работе, посвященной первичной и вторичной профилактике суицида, писал: «Среди профессионалов до сих пор бытует миф о том, что, расспрашивая пациента о наличии суицидальных желаний, терапевт рискует „подбросить“ ему эту идею и тем самым подтолкнуть к самоубийству. Однако, по нашему убеждению, эти опасения являются беспочвенными. Мы обнаружили, что обсуждение суицидальных намерений полезно как для пациента, так и для терапевта; первый принимает более объективный взгляд на вещи и, поделившись своими идеями, испытывает некоторое облегчение, а второй извлекает из разговора ценную информацию, необходимую для определения стратегии и тактики терапевтического вмешательства» [9].

О суициде говорить нужно. Ключевым условием профилактики и коррекции суицидального поведения выступает эмпатия – сопереживание, внимание членов семьи и учебно-воспитательного персонала учреждений образования, которые должны поддерживать ребенка, а не пренебрегать или отвергать его чувства и проблемы, особенно если он переживает стрессовый период либо глубокие изменения в своей жизни. Важно девальвировать суицидальные мысли, сформировать ценность жизни, наполнить существование смыслом, значением.

Парасуицид подростка, вербализация им суицидальных намерений, подозрение о наличии у ребенка суицидальных замыслов могут вызывать у родителей и учителей специфические чувства, а также характерные защитные реакции, свойственные людям в подобной ситуации. Данные чувства могут препятствовать формированию правильных отношений к подростку, адекватной оценке риска и будут препятствовать профилактике трагедии.

В этой связи отметим деструктивные поведенческие стратегии взрослых в общении с подростком с суицидальными намерениями:

дистанцирование, основанное на тревоге и страхе (страх препятствует общению, разговору на тему суицида, заставляет учителя, близких избегать вопросов о суицидальных намерениях, что препятствует их своевременному выявлению);

раздражение и гнев (вызваны субъективным восприятием ситуации как манипуляции («суицидального шантажа») в целях достижения подростком своих меркантильных целей (получение от родителей определенной суммы денег, прощение за провинность, получение снисходительности и т. д.); раздражение, основанное на недоверии, способствует формированию негативного отношения к ребенку, стремлению «наказать» его (занизить отметку), настраиванию других педагогов против него и др.; иногда поведение педагога (родителя) провоцирует подростка продолжить совершать суицидальные действия («Если ты хотел покончить с собой, почему не покончил?» («Почему только запястье порезал?»), «Почему так мало таблеток выпил?»); недопонимание может спровоцировать ребенка доказать серьезность своих намерений (совершить повторные суицидальные действия));

презрение и обесценивание (связаны с традиционным «стигматизирующим» отношением к людям с психическими расстройствами и с восприятием суицида как греха, нравственной слабости, неполноценности; попытки «морализировать», «наставлять на путь истинный» обычно усиливают у пациента чувства вины и стыда, препятствуют открытому диалогу);

чрезмерное чувство вины (связано с ощущением собственной причастности к суицидальным высказываниям или действиям пациента);

морализирование (бездушное наставление на путь истинный, информирование подростка об отрицательных последствиях суицида, восприятию его как греха, нравственной слабости: «Ты – эгоист, думаешь только о себе!», «Ведешь себя, как тряпка, а не как мужчина!», «Будешь гореть в аду!» и т. д.); данная стратегия обостряет и без того актуализированные чувства вины и стыда, формирует барьеры общения, еще более отдаляет подростка от взрослого; подобное отношение может усугубляться традиционным стигматизирующим отношением

окружения к лицам с суицидальными наклонностями, как к неполноценным, о чем мы говорили ранее);

обвинение и навешивание ярлыков («Ты – больной человек, тебя лечить надо!», «Ты опасен для общества», «Тебе не место в школе»);

причитание – безудержная демонстрация личных эмоциональных переживаний взрослых, связанное с чувством вины и представлениями о собственной причастности к суицидальным намерениям подростка).

Родители, учитель, друзья не могут нести всю ответственность за суицидальные действия подростка, так как он совершает их самостоятельно, и абсолютный контроль над ним невозможен. Как это не приискорбно, большая часть ответственности лежит на том, кто совершает суицид.

К конструктивным стратегиям проведения профилактической беседы с подростком в ситуации суицидального риска относятся:

безотлагательность (беседы необходимо проводить немедленно, уделяя максимальное количество времени и усилий);

индивидуальность (педагогу (психологу) беседовать следует наедине с подростком; категорически недопустимо говорить о проблемах ученика перед классом, другими обучающимися, так как это усилит барьеры общения потенциального суицидента, его внутриличностные конфликты, недоверие к старшим; нежелательно беседу проводить одновременно несколькими учителями, например классному руководителю совместно с психологом и завучем);

эмпатичность (демонстрация искреннего, принимающего, сопереживающего, безусловного отношения к подростку; надо показать, что его принимают таким, какой он есть, его внутренний мир уникален и его взгляды, убеждения и отношения уважают; не следует жалеть ребенка, нужно признать его уникальность; недопустимо моральное осуждение и обвинения подростка, апеллирование к религиозному контексту греха);

активное слушание (заинтересованное, доброжелательное отношение к собеседнику, желание его понять; в беседе необходимо проявлять искренний интерес к подростку, внимание к его эмоциональному состоянию, постараться встать на его место; активное слушание выражается: в поощрении собеседника посредством невербальных (адекватная услышанному мимика, кивание, доброжелательный взгляд) и вербальных (слова «угу», «продолжай, пожалуйста», «я тебя внимательно слушаю») способов; повторении услышанного в форме вопросов («Я тебя правильно понимаю...?», «Ты хочешь сказать...?», «Другими словами...»); отражении с помощью невербальных (ненавязчивое копирование позы, жестов) вербальных («Ты встревожен...», «Ты чувствуешь, что...», «Тебе кажется, что...») способов; обобщении (подведение про-

межуточного итога, тем самым педагог дает понять, что внимательно слушал несовершеннолетнего и понял его основную идею («Если я правильно понимаю, ты испытываешь...», «В общем ты решил, что...»));

честность (нужно избегать невыполнимых обещаний, обмана, двусмысленности в своих намерениях; результатом нечестного отношения, как правило, выступает реальная попытка суицида («А я им поверил»)); необходимо рассказать подростку о своих реальных намерениях, кто будет проинформирован о данной ситуации, своих возможностях);

проработка суицидальных мыслей (в процессе беседы следует стимулировать подростка к детальному озвучиванию суицидальных мыслей и намерений; вопросы об этом должны задаваться несколько раз по ходу беседы в разных формулировках; чем больше человек говорит в беседе о своих чувствах и суицидальных намерениях, тем больше вероятность того, что они снизят свою «остроту» и он станет способным рассуждать более позитивно);

план помощи (информирование о дальнейших действиях, объяснение, что помощь возможна только с помощью других специалистов (психолог, психиатр, родители); важно, чтобы у человека не сформировалось впечатление, что он никому не нужен, его боятся).

Первоочередной мерой в профилактике суицида является «отсрочка» намерения покончить жизнь самоубийством. Важно дождаться окончания опасного периода, добиться, чтобы подросток «повременил» с исполнением своих суицидальных намерений. При этом невозможно требовать от подростка обещания, что он никогда не будет покушаться на свою жизнь. Столь же бессмысленной представляется практика заключения «договора» с ним, в котором тот обязуется «отложить» на две-три недели исполнение суицидальных намерений: если человек почувствует непреодолимое желание умереть, его не остановят никакие обязательства. А. Бек считает, что наиболее эффективный подход заключается в том, чтобы побудить суицидента к объективному анализу своих суицидальных желаний и подвести его к осознанию того, что эти желания могут оказаться безосновательными [9]. Добившись согласия несовершеннолетнего взвесить все «за» и «против» суицида, специалист (психолог, педагог и др.) совместно с подростком могут обсудить доводы в пользу жизни и смерти. Для наглядности можно записать эти доводы на доске или листе бумаги, после чего целесообразно проработать альтернативные способы разрешения конфликтной ситуации и выхода из личностного кризиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Девиантное поведение – это повторяющееся, относительно устойчивое поведение индивида, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным и нравственным нормам, имеющее отрицательные последствия для общества, приносящее моральный или физический вред жизни и здоровью другим людям либо самому индивиду. Это социально осуждаемые отклонения в поведении, совершаемые в рамках психического здоровья.

Девиантное поведение несовершеннолетних классифицируется на две основные группы: саморазрушающее поведение – приносящее вред самому подростку (аддиктивное поведение и аутоагрессия (суицидальное поведение; членовредительство)); делинквентное поведение – приносящее вред другим людям (асоциальное (аморальное) и правонарушающее (преступное) поведение). Максимально вредоносными девиантными проявлениями у несовершеннолетних выступает преступное и суицидальное поведение.

Значимыми возрастными особенностями подросткового возраста, обуславливающими девиации поведения, являются: незавершенность процесса формирования личности; отсутствие собственных механизмов преодоления трудностей; противоречивость чувств, сочетание чувствительности и жестокости; повышенное половое влечение; неадекватная самооценка и неуверенность в себе; импульсивность; максимализм в оценках; упрямство и внушаемость; недостаточно развитая способность объективно оценивать конкретные поступки, к самоконтролю поведения; отсутствие жизненного опыта, навыков конструктивного решения проблемы; неспособность находить наиболее приемлемые способы разрешения сложных жизненных ситуаций, низкая сопротивляемость стрессу.

Постановка психолого-педагогических задач, а также выработка способов педагогической профилактики противоправного поведения подростков потребовали изучения психолого-педагогических особенностей личности подростков-правонарушителей.

Несовершеннолетние преступники, как правило, имеют невысокий уровень культурного и интеллектуального развития, посредственно характеризуются по месту учебы и жительства, агрессивны, склонны к риску, конфликтны, циничны, употребляют спиртные напитки, совершают умышленные преступления корыстной направленности с целью

удовлетворения своих материальных потребностей либо насильственной направленности из хулиганских побуждений. Их возрастные особенности не всегда играют решающую роль в мотивации преступного поведения, они могут лишь усилить восприятие отрицательного влияния. Самоутверждение через насилие – типично подростковая мотивация. Мотивация самоутверждения подростков проявляется в формах ложного чувства товарищества, агрессии к чужакам вследствие низкой культуры проведения досуга. Значительной части несовершеннолетних преступников присуще такое качество, как отчуждение. Отчужденность выступает в качестве фактора, затрудняющего эмпатическую идентификацию подростка с другими людьми.

Наиболее часто несовершеннолетние преступники совершают кражи, хулиганство и незаконный оборот наркотиков. Причинами воровства могут выступать стремление удовлетворить потребности в пище, вещах первой необходимости, владение престижными вещами, которые родители не в состоянии приобрести, месть. Вместе с тем одна из самых распространенных причин краж – желание самоутвердиться в среде сверстников, проверить границы дозволенного, испытать новые острые ощущения или привлечь к себе внимание. Часто такие подростки не получают в достаточной степени родительской заботы и внимания. Как правило, кражи осуществляется без тщательной подготовки и планирования.

В последние годы все чаще несовершеннолетние привлекаются к ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Для распространения и приобретения наркотических средств используется, как правило, глобальная сеть Интернет. При этом многие подростки не употребляют наркотики, а лишь ищут способ «легкого» заработка, выполняя функцию распространителей. Наиболее распространенный сегодня способ сбыта наркотических средств – оставление их в тайниках, так называемых закладках. Анализ несовершеннолетних осужденных за незаконный оборот наркотических средств позволил классифицировать их по трем основаниям: подростки – наркоманы, зависимые от ПАВ, приобретающие наркотические вещества или их аналоги для личного потребления; подростки – наркоманы, зависимые от ПАВ, приобретающие наркотические вещества или их аналоги для личного потребления, а также распространяющие запрещенные вещества с целью получения денежных средств для их приобретения; подростки, не употребляющие наркотики, распространяющие запрещенные вещества ради получения материальной выгоды.

Несовершеннолетние совершают сексуальные преступления против половой неприкосновенности сверстниц и сверстников, редко мало-

летних лиц или женщин на много старше себя. Часто несовершеннолетние совершают изнасилование группой лиц. Подростки не так стремятся к сексуальному удовольствию, сколько к самоутверждению в глазах друг друга, наслаждению от издевательств над другими, глумления над незащитной жертвой. Нередко подросток принимает участие в изнасиловании под влиянием сверстников, опасаясь, что отказ будет воспринят как трусость, что послужит основанием для изгнания из группы.

Одним из наиболее опасных видов преступлений является убийство. Личности несовершеннолетних убийц присущи такие качества, как склонность к риску, низкий уровень самоконтроля, импульсивность и эмоциональная неустойчивость, неадекватная самооценка, ригидность и внушаемость, сильная потребность в самоутверждении. Для несовершеннолетних, совершивших убийства, характерны враждебность и агрессивность как к сверстникам и близким людям, так и абсолютно незнакомым гражданам.

Совершение несовершеннолетним преступного деяния обусловлено личностными предпосылками, которые представляют собой совокупность определенных психологических свойств, выражающих криминогенную потенцию (склонность) личности как присущую ей внутреннюю возможность или необходимость и возможность совершения преступного деяния при определенных условиях. В совокупности психологических свойств, выражающих личностные предпосылки преступного поведения, имеются свойства, детерминирующие содержание таких основных элементов психологического механизма преступления, как восприятие внешних условий (социальная перцепция), мотивообразование, целеполагание и исполнительная регуляция. Центральным (системообразующим) элементом в механизме преступного поведения выступает принятие криминальной цели и неразрывно связанного с ней преступного способа действий, что представляет собой формирование у индивида криминальной целевой установки – решимости совершить определенные преступные действия или разрешения сложившейся проблемной ситуации.

Противоправное поведение несовершеннолетних обусловлено также деформациями правового сознания – совокупностью свойств, детерминирующих искаженное отражение правовой действительности, отрицательное отношение к правовым предписаниям, законности и правопорядку, а также асоциальную направленность поведения индивида или группы. В зависимости от степени выраженности, представленности свойств, обуславливающих асоциальное поведение, деформации правосознания можно типологизировать на предкриминогенные, криминогенные и криминальные.

Ведущим признаком предкриминогенных деформаций правосознания выступает отсутствие в сознании подростка конкретных и реальных представлений о правомерных способах удовлетворения потребностей и решения жизненных проблем, а также несоответствие правомерных жизненных притязаний объективным и субъективным возможностям несовершеннолетнего. Личность подростка с криминогенными деформациями правосознания отличается фрагментарным уровнем знаний правовых знаний, противоречивым отношением к закону, незнанием правомерных способов удовлетворения потребностей и решения жизненных проблем, отрицательным отношением к отдельным сторонам правопослушного образа жизни. Криминальные деформации правосознания выражаются в наличии отрицательных социально-правовых взглядов, убеждений и ожиданий, а также склонностей к совершению правонарушений.

Совершение преступления происходит в силу личностных свойств подростка. Вместе с тем данные свойства формируются в процессе социализации под воздействием социальных условий и влияний. Ведущую роль в формировании криминогенных склонностей личности несовершеннолетнего имеет деструктивное влияние СМИ, сети Интернет, а также семьи и референтной группы.

Профилактика и коррекция личности несовершеннолетнего с противоправной направленностью поведения предполагает формирование готовности вести правопослушный образ жизни, что представляет собой определенное качество личности (состояние души человека), которое обеспечивает внутреннюю необходимость и возможность осуществлять жизнедеятельность, соблюдая требования законов и морали. Данная деятельность предполагает также формирование правосознания несовершеннолетнего, направленное на усвоение личностью системы правовых норм, регулирующих юридически значимое поведение.

Стратегия исправительно-профилактической работы с подростками предусматривает: недопущение формирования и (или) нейтрализация криминогенных склонностей и деформаций правосознания; формирование и развитие качеств личности, необходимых для законопослушной жизни, правомерного удовлетворения потребностей и решения жизненных проблем (социальной подготовленности подростка); формирование или укрепление антикриминальной устойчивости личности, выражающейся в способности противостоять криминогенным влияниям других лиц и жизненных обстоятельств. Реализация исправительно-профилактической стратегии предполагает три основных этапа. Первый и второй этапы направлены на формировании мотивации жить правопослушно, а также коррекции Я-образа и концепции образа жизни, третий – на формирование достаточного уровня правовых знаний и

уважительного отношения к явлениям социально-правовой действительности.

В современном белорусском обществе, несмотря на повышение эффективности социальной профилактики девиантного поведения, сохраняется высокий уровень суицидов. Основной суицидоопасный возраст – 15–29 и 40–59 лет.

Специфика суицидального поведения подростков обусловлена психофизиологическими особенностями их развития, среди которых противоречивость чувств (сочетание ранимости и жестокости), неуверенность в себе, критическое восприятие общественной морали, максимализм, отсутствие жизненного опыта, навыков конструктивного решения проблемы и др. При этом суицидальное поведение не является прямым следствием психического расстройства. В качестве основных психологических факторов риска суицидального поведения у подростков выступают: эмоциональная неустойчивость, высокая конфликтность с ближайшим окружением, импульсивность, повышенная тревожность, высокая внушаемость, неадекватная самооценка, агрессивность как склонность к реакциям на фрустрирующие воздействия, неразвитость коммуникативных качеств, глубокая интровертированность, скрытость, замкнутость.

Особое значение приобретают условия, в которых формируется суицидальное поведение подростков. Как правило, внутренние психологические факторы актуализируют мысли о смерти в сочетании с внешними конфликтными факторами (разрыв отношений с партнером, смерть близкого, сексуальное насилие и пр.). Суициду чаще всего предшествует конфликт, вызывающий острые переживания обиды, безысходности, безнадежности, одиночества, гнева. Конфликтные ситуации, с которыми связаны суициды подростков, в основном носят межличностный характер и развивались в трех основных сферах: семья, интимно-личностные отношения и учеба. Почти в 70 % случаев предсуицидальные конфликты затрагивали одновременно несколько сфер.

При этом, как правило, базовым выступал конфликт, порождаемый неблагоприятными семейными отношениями. Семейные отношения либо являются фоном, усиливающим психологические факторы риска, либо, выливаясь в острый семейный конфликт, становятся причиной совершения суицида. Проведенное нами исследование позволяет выделить три неблагоприятных семейных фактора, обуславливающих формирование суицидального поведения подростков: эмоциональная холодность и отчужденность между членами семьи; отсутствие доверительных отношений между ребенком и родителями; неадекватные методы воспитания; потеря родителя (развод, смерть и т. д.).

Часто суицидальные мысли, замыслы и намерения актуализируются под деструктивным информационным влиянием общественного мнения, СМИ, интернет-ресурсов, литературы, кино, музыки, а также в результате подражания лично значимому лицу. Подражание является важнейшим механизмом формирования в сознании деструктивных моделей поведения, проявляющимся в принятии индивидом социальной роли при вхождении в группу, осознании им групповой принадлежности. Подражание априори подразумевает сильную эмоциональную составляющую. Подросток отождествляет себя с другими на основе установившихся эмоциональных отношений, принимая как собственные суицидальные нормы и ценности, правила игры других людей либо конкретных групп. Вместе с тем в настоящее время отсутствуют убедительные научные исследования, доказывающие прямое влияние СМИ и сети Интернет на уровень суицидов в обществе. В Республике Беларусь до настоящего времени прямой зависимости между самоубийствами подростков и молодых людей возрасте до 30 лет и влиянием просуицидальных интернет-сайтов не установлено. Сильное влияние оказывают случаи самоубийства известных людей, кумиров молодежи на уже «подготовленных» лиц, тех, у кого уже сформирована личностная готовность к суицидальному поведению, кому нужен лишь толчок к совершению суицида. И этим спусковым курком становится деструктивный информационный посыл извне.

Профилактика суицидального поведения строится на основе формирования в личности подростка антисуицидальной устойчивости личности. Ее системообразующим ядром выступает отрицательное отношение к самоубийству и лицам, их совершающим. Такое отношение основывается на отрицательной субъективной представленности суицида, придании ему отрицательного значения и личностного смысла. Этот способ разрешения конфликта, кризисной жизненной ситуации должен представляться как недостойный, постыдный, опасный, противоречащий нравственным и религиозным убеждениям, чреватый негативными последствиями для близких.

Важной составляющей антисуицидальной устойчивости выступает отрицательная субъективная представленность (образ) человека, совершившего самоубийство. Антисуицидальная устойчивость личности включает в себя также представленность в сознании человека конкретных, детальных и реальных жизненных целей и планов (как ближайших, так и перспективных); знание широкого спектра субъективно приемлемых путей и способов удовлетворения жизненных потребностей и разрешения конфликтных ситуаций; наличие психологической компетентности и эффективных механизмов психологических защит, высокий уровень социализации личности. Антисуицидальная устойчи-

вость личности выражается общей жизнерадостностью и эмоциональной привязанностью к близким людям.

Основные направления профилактической и коррекционной работы с несовершеннолетними, попавшими в группы суицидального риска: социально-профилактическая работа с семьей подростка; информационно-профилактическая работа с ученическим коллективом в рамках класса и школы (целью работы является формирование антисуицидальной устойчивости личности несовершеннолетних и желания, знаний и умений оказать помощь товарищам, попавшим в трудную жизненную ситуацию); индивидуальная профилактика и коррекция суицидального поведения подростков (стратегические задачи – нейтрализация психологических факторов риска, коррекция негативного восприятия себя и неблагоприятных социальных условий, формирование антисуицидальной устойчивости личности).

Социально-профилактическая работа с семьей подростка предполагает информационно-просветительскую и организационно-практическую составляющие. Информационно-просветительная работа направлена на разъяснение родителям причин и условий формирования суицидальных намерений, признаков суицидального поведения, способов эмоциональной поддержки несовершеннолетнего, находящегося в кризисном состоянии, форм и направлений выхода из данного состояния. Организационно-практическая работа необходима в случаях, когда ребенок находится в социально опасной ситуации, вызванной неблагополучием семьи (пьянство родителей, отсутствие должных материально-бытовых условий и др.), и требует незамедлительных мероприятий по изъятию ребенка из семьи, направлению его к узким специалистам, оказанию материальной помощи и т. д.

Информационно-профилактическая работа с ученическим коллективом направлена на формирование антисуицидальной устойчивости личности несовершеннолетних, а также формирование желания, знаний и умений оказать помощь товарищам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Первоочередными задачами информационно-просветительской работы являются: формирование или актуализация жизненных ценностей, целей и планов; ценности жизни и установок на позитивное будущее, ясных и конкретных представлений своего будущего и желания его достичь; формирование реальных, конкретных, социально приемлемых стратегий и моделей поведения по удовлетворению потребностей в различных сферах жизнедеятельности, разрешению жизненных проблем; актуализация чувства любви и заботы к близким, нежелание вызывать их отрицательные переживания; формирование установки на здоровый образ жизни, негативного отношения к саморазрушающему поведению (зависимость от ПАВ, рискованное

поведение); развитие коммуникативных навыков, умения принимать и просить поддержку у окружающих людей; формирование устойчивости к деструктивному информационному влиянию; информирование о службах помощи, телефонах доверия и др.

Стратегическими задачами индивидуальной профилактической и коррекционной работы с лицами, склонными к суициду, является, во-первых, нейтрализация психологических факторов риска, коррекция негативного восприятия себя и неблагоприятных социальных условий и, во-вторых, формирование антисуицидальной устойчивости личности. Организационно-тактическими задачами выступают: диагностика суицидального риска; ликвидация конфликтной ситуации, которая может привести к суициду; устранение отрицательных факторов внутрисемейных отношений; оптимизация межличностных отношений; включение потенциального суицидента в различного вида полезную деятельность; подключение к оказанию ему помощи различных учреждений и специалистов.

Купирование психологических факторов риска предполагает снижение тревожности и агрессивности; стабилизацию эмоционального состояния; нормализацию неадекватной самооценки; коррекцию пассивной жизненной позиции; формирование отрицательного отношения к суицидальным способам разрешения кризисных жизненных ситуаций, удовлетворения потребностей. Формирование позитивных ценностей и представлений предусматривает коррекцию образа себя, установок на позитивное будущее, элементов счастья; формирование реальных, конкретных, социально приемлемых стратегий и моделей поведения по удовлетворению потребностей в различных сферах жизнедеятельности, разрешению жизненных проблем; стимулирование стремления к самореализации. Формирование психологической компетентности направлено на развитие коммуникативных навыков, умения принимать и просить поддержку у окружающих людей; развитие умений и навыков распознавать и вовремя выходить из опасных ситуаций или из контакта с определенными людьми; развитие умения анализировать кризисные ситуации, находить разные варианты их решения, разъяснение преимуществ гибкого поведения; обучение подростков навыкам релаксации, саморегуляции, снижения психоэмоционального напряжения в стрессовой ситуации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов, Г. С. Возрастная психология : учеб. пособ. для вузов / Г. С. Абрамов. – М. : Акад. Проект ; Екатеринбург : Деловая кн., 2000. – 624 с.
2. Абрахам, М. Взаимосвязь протестных самоубийств, угнетения и социальной несправедливости / М. Абрахам // Социология. – 2016. – № 4. – С. 39–46.
3. Амбрумова, А. Г. Диагностика суицидального поведения : метод. рекомендации / А. Г. Амбрумова, В. А. Тихоненко. – М. : НИИ МЗ РСФСР, 1980. – 48 с.
4. Амбрумова, А. Г. Психология самоубийства / А. Г. Амбрумова // Социальная и клин. психиатрия. – 1996. – Т. 6, № 4. – С. 14–20.
5. Антонян, Ю. М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю. М. Антонян, Н. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – М. : Юристъ, 1996. – 336 с.
6. Бабенко, А. Н. Значение правовых ценностей для процесса правового воспитания / А. Н. Бабенко // Вестн. юрид. Урал. гос. ун-та. – 2008. – № 2. – С. 4.
7. Бандура, А. Подростковая агрессия: изучение влияния воспитания и семейных отношений / А. Бандура, Р. Уолтере. – М. : Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 1999. – 512 с.
8. Баранов, П. П. Проблемы теории правосознания и правовой культуры / П. П. Баранов, В. В. Русских. – Ростов н/Д : РЮИ МВД России, 1999. – 80 с.
9. Бек, А. Методы работы с суицидальным пациентом [Электронный ресурс] / А. Бек // Журн. практ. психологии и психоанализа. – 2003. – № 1. – Режим доступа: <http://psyjournal.ru/articles/metody-raboty-s-suicidalnym-pacientom>. – Дата доступа: 18.01.2018.
10. Беличева, С. А. Основы превентивной психологии / С. А. Беличева. – М. : Социальное здоровье России, 1994. – 224 с.
11. Бойков, А. Д. Методологические и методические вопросы пропаганды права / А. Д. Бойков // Вопросы теории и практики правового воспитания. – М. : Наука, 1976. – С. 23–39.
12. Богомягкова, Е. С. Эвтаназия как социальная проблема : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / Е. С. Богомягкова ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2006. – 214 с.
13. Божович, Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе / Л. И. Божович // Вопр. психологии. – 1978. – № 4. – С. 4–15.
14. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко ; 4-е изд., расш. – М. : АСТ ; СПб. : Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.
15. Букин, С. И. Личность и общественное мнение в этиопатогенезе самоубийств [Электронный ресурс] / С. И. Букин, Е. М. Тищенко // Суицидология. – 2016. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-i-obschestvennoe-mnenie-v-etiopatogeneze-samoubiystv>. – Дата доступа: 16.10.2018.
16. Буянов, М. И. Беседы о детской психиатрии / М. И. Буянов. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1992. – 255 с.
17. Вихристюк, О. В. Влияние средств массовой информации на суицидальное поведение подростков и молодежи (обзор зарубежных источников)

[Электронный ресурс] / О. В. Вихристюк // Современ. зарубеж. психология. – 2013. – Том 2, № 1. – С. 100–108. – Режим доступа: <http://psyjournals.ru/jmfp/2013/n1/58059.shtml>. – Дата доступа: 05.01.2018.

18. Волчанский, М. Е. Социализация как объект исследования в науках о человеке и обществе [Электронный ресурс] / М. Е. Волчанский. – Режим доступа: <http://www.egpu.ru/lib/elib/Data/Content/128253446415156250/Default.aspx>. – Дата доступа: 01.07.2010.

19. Вонсович, Л. В. Основы идеологии белорусского государства : ответы на экзаменац. вопр. / Л. В. Вонсович. – Минск : ТетраСистемс, 2009. – 192 с.

20. Воспитание трудного ребенка. Дети с девиантным поведением / М. И. Рожков [и др.] ; под ред. М. И. Рожкова. – М. : ВЛАДОС, 2006. – 239 с.

21. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский ; под ред. В. В. Давыдова. – М. : АСТ Астрель : Хранитель, 2008. – 672 с.

22. Гишинский, Я. И. Девиантное поведение подростков: состояние, проблемы, перспективы / Я. И. Гишинский // Бюл. защиты прав ребенка. – СПб. : Питер, 1994. – С. 7–12.

23. Гойман, В. И. Правовой нигилизм: пути преодоления / В. И. Гойман // Совет. юстиция. – 1990. – № 9. – С. 3–4.

24. Грибанов, Е. В. Преступность несовершеннолетних в контексте культуральной криминологии / Е. В. Грибанов ; науч. ред. А. В. Симоненко. – Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2017. – 158 с.

25. Гриффит, В. Виртуальный мир рождает реальные болезни / В. Гриффит // Финансовые изв. – 1996. – № 183. – С. 57–73.

26. Гулевич, О. А. Правосознание и правовая социализация. Аналитический обзор : учеб. пособие для студентов фак. психол. высш. учеб. заведений по спец. 020400 «Психология» / О. А. Гулевич, Е. О. Голынич. – М. : Междунар. общ-во им. Л. С. Выготского, 2003. – 270 с.

27. Давыдов, Г. П. Основы правового воспитания учащихся общеобразовательной школы : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Г. П. Давыдов ; НИИ общ. проблем воспитания АПН СССР. – М., 1985. – 371 с.

28. Дендоуми, Н. Ю. Распространение «суицидального контента» в киберпространстве русскоязычного интернета как проблема мультидисциплинарных исследований / Н. Ю. Дендоуми, Ю. П. Денисов // Суицидология. – 2014. – № 2. – С. 47–54.

29. Дети и молодежь Республики Беларусь [Электронное издание] : статист. сб. ; Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/metodologiya-otvetstvennyye-za-informatsionnoe-s_2/index_10764/. – Дата доступа: 21.10.2018.

30. Долгова, А. И. Изучение правового сознания несовершеннолетних / А. И. Долгова // Правовая культура и вопросы правового воспитания / под ред. А. Д. Бойкова [и др.]. – М. : Изд-во Всесоюз. ин-та по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1974. – С. 197–206.

31. Долгова, А. И. Криминологические исследования взаимосвязи правосознания и преступности / А. И. Долгова // Криминологические проблемы правосознания и общественного мнения о преступности : сб. науч. тр. по материалам совет. и чехосл. исслед. / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер

предупреждения преступности / под ред. и со вступ. ст. И. И. Карпеца, И. Незкусила. – М. : Прага, 1986. – С. 32–50.

32. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. : изд. подгот. В. А. Луков. – СПб. : Союз, 1998. – 496 с.

33. Еникеев, М. И. Общая и юридическая психология : учеб. для вузов / М. И. Еникеев. – М. : Юристъ, 1996. – 631 с.

34. Ефремов, В. С. Самоубийство в художественном мире Достоевского / В. С. Ефремов. – СПб. : Диалект, 2008. – 584 с.

35. Ефремова, Г. Х. Правовая психология и преступность молодежи / Г. Х. Ефремова, А. Р. Рагинов. – М. : ВИИПРМПП, 1976. – 160 с.

36. Зеленин, Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественно смертью и русалки / Д. К. Зеленин ; вступ. ст. Н. И. Толстого ; подгот. текста, коммент., указат. Е. Е. Левкиевской. – М. : Индрик, 1995. – 432 с.

37. Зиновьев, С. В. Суицид: попытка системного анализа / С. В. Зиновьев. – СПб. : СОТИС, 2002. – 144 с.

38. Змановская, Е. В. Девиантное поведение личности и группы : учеб. пособие / Е. В. Змановская, В. Ю. Рыбников. – СПб. : Издат. дом «Питер», 2015. – 352 с.

39. Змановская, Е. В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие / Е. В. Змановская. – М. : Издат. центр «Академия», 2003. – 288 с.

40. Игумнов, С. А. Система профилактики суицидального поведения: опыт Беларуси / С. А. Игумнов, А. П. Гелда, С. И. Осипчик // Суицидология. – 2016. – Т. 7, № 2. – С. 3–22.

41. Ильин, Н. Н. Влияние сети Интернет на формирование суицидального поведения у несовершеннолетних / Н. Н. Ильин // Юрид. психол. – 2016. – № 4. – С. 32–35.

42. Исаев, Д. Девиантное поведение детей и подростков [Электронный ресурс] / Д. Исаев. – Режим доступа: <http://www.narcom.ru/parents/parents/9.html>. – Дата доступа – 08.10. 2018.

43. Каган, В. Е. Девиантное поведение детей и подростков: к анализу понятия / В. Е. Каган // Социальная дезадаптация: нарушения поведения у детей и подростков : материалы Рос. науч.-практ. конф. (Москва, 28 нояб. 1996 г.). – М., 1996. – С. 31–32.

44. Кашуба, Ю. А. Предупреждение групповой преступности несовершеннолетних : учеб. пособие по курсам «Уголовное право», «Криминология» / Ю. А. Кашуба, В. Н. Перекрестов, В. Н. Дранников. – Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2003. – 29 с.

45. Кле, М. Психология подростка: психосексуальное развитие / М. Кле. – М. : Педагогика, 1991. – 176 с.

46. Клейберг, Ю. А. Психология девиантного поведения / Ю. А. Клейберг. – М. : Сфера : ЮрайтМ, 2001. – 160 с.

47. Ковалев, В. В. Патология личности и девиантное поведение : руководство по психиатрии / В. В. Ковалев ; под ред. Т. Б. Дмитриевой. – М. : Медицина, 1988. – 462 с.

48. Кон, И. С. Психология ранней юности : кн. для учителя / И. С. Кон. – М. : Просвещение, 1989. – 255 с.

49. Кондрашенко, В. Т. Девиантное поведение у подростка: социально-психологические и психиатрические аспекты / В. Т. Кондрашенко. – Минск : Беларусь, 1988. – 204 с.

50. Концептуальные основы идейно-воспитательной работы с детьми, учащейся и студенческой молодежью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adu.by/wp-content/uploads/2014/umodos/kivp/konceptualnie_osnovi.pdf. – Дата доступа: 06.09.2015.

51. Коэн, А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения / А. Коэн // Социология сегодня. – М. : Наука, 1965. – С. 519–549.

52. Кравцов, Р. В. Правовое воспитание личности в контексте аксиологии права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Р. В. Кравцов ; Южно-Урал. гос. ун-т. – Челябинск, 2006. – 168 с.

53. Криминальная психология : учеб. пособие / авт.-сост. А. И. Ушатиков, О. Г. Ковалев. – М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2007. – 496 с.

54. Кудрявцев, В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования : учеб. пособие / В. Н. Кудрявцев [и др.]. – М. : Норма ; ИНФРА-М, 2017. – 220 с.

55. Кукушин, В. С. Теория и методика воспитания : учеб. пособие для студентов пед. вузов / В. С. Кукушин. – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 474 с.

56. Личко, А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А. Е. Личко. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Л. : Медицина, 1983. – 256 с.

57. Левко, А. И. Нравственно-правовое сознание как результат социализации личности / А. И. Левко // Проблемы нравственно-правового воспитания молодежи в Республике Беларусь : материалы науч.-практ. конф., Бобруйск, 6 окт. 2006 г. / Департамент исполн. наказаний МВД Респ. Беларусь ; под ред. А. Н. Пастушени. – Минск : БГУФК, 2006. – С. 42–53.

58. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М. : Наука, 1984. – 445 с.

59. Менделевич, В. Д. Психология девиантного поведения / В. Д. Менделевич. – СПб. : Речь, 2008. – 445 с.

60. Никулин, И. В. О практике противодействия незаконному обороту и пропаганде наркотических средств и иных психотропных веществ в информационно-телекоммуникационной сети Интернет / И. В. Никулин // Вестн. Сиб. юрид. ин-та ФСКН России. – 2013. – № 2. – С. 46–50.

61. Основы идеологии белорусского государства : учеб. пособие для вузов / под общ. ред. С. Н. Князева, С. В. Решетникова. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 491 с.

62. Особенности организации социальной, воспитательной и идеологической работы в учреждениях общего среднего образования в 2014/2015 учебном году [Электронный ресурс] : инструкт.-метод. письмо М-ва образования Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://edu.gov.by/main.aspx?guid=14281>. – Дата доступа: 01.02.2015.

63. Оценка суицидального риска и профилактика суицидального поведения (для среднего медицинского персонала) : инструкция по применению / Е. В. Ласый ; утв. первым заместителем министра здравоохранения Респ. Беларусь Р. А. Часнойть 16 июля 2009 г. – Регистрац. № 075-0709.

64. Павленок, И. Д. Социальная работа с лицами и группами девиантного поведения / И. Д. Павленок, М. Я. Руднева. – М. : ИНФА-М, 2007. – 185 с.
65. Павлухин, А. Н. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних средствами правового воспитания : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А. Н. Павлухин, З. С. Заринов, Н. Д. Эриашвили. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2009. – 111 с.
66. Паперно, И. Самоубийство как культурный институт / И. Паперно. – М. : Новое лит. обозрение, 1999. – 256 с.
67. Пастушеня, А. Н. Исправительная психология : учеб. пособие / А. Н. Пастушеня. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2016. – 178 с.
68. Пастушеня, А. Н. Криминогенная склонность личности: интериндивидуальная характеристика / А. Н. Пастушеня // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 1. – С. 183–188.
69. Пастушеня, А. Н. Психологическая характеристика индивидуального и общественного правосознания: структурно-содержательный аспект [Электронный ресурс] / А. Н. Пастушеня // Психология и право. – 2012. – № 1. – Режим доступа: <http://psyjournals.ru/psyandlaw>. – Дата доступа: 21.06.2018.
70. Пастушеня, А. Н. Психолого-диагностический подход к оценке степени исправления осужденных / А. Н. Пастушеня // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2014. – № 2. – С. 208–214.
71. Пастушеня, А. Н. Психолого-педагогическая модель индивидуального исправительного процесса / А. Н. Пастушеня // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 227–233.
72. Пастушеня, А. Н. Структура и содержание нравственно-правовой сферы личности как целеориентирующая основа воспитания / А. Н. Пастушеня // Проблемы нравственно-правового воспитания молодежи в Республике Беларусь : материалы науч.-практ. конф., Бобруйск, 6 окт. 2006 г. / Департамент исполн. наказаний МВД Респ. Беларусь ; под ред. А. Н. Пастушени. – Минск : БГУФК, 2006. – С. 14–30.
73. Пастушеня, А. Н. Юридическая психология : учеб. пособие / А. Н. Пастушеня, А. А. Урбанович. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2015. – 208 с.
74. Певцова, Е. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию / Е. А. Певцова // Журн. рос. права. – 2004. – № 3 – С. 75.
75. Петров, В. Р. Деформация правосознания граждан России. Проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. Р. Петров ; Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации. – Н. Новгород, 2000. – 25 с.
76. Петручак, Л. А. Правовая культура как детерминанта современного российского общества / Л. А. Петручак. – М. : Юриспруденция, 2012. – 400 с.
77. Покровский, И. Ф. Формирование правосознания личности (вопросы теории и практики) / И. Ф. Покровский. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. – 152 с.
78. Попов, В. А. Изменение мотивационно-ценностных ориентаций учащейся молодежи / В. А. Попов, О. Ю. Кондратьева // Социол. исслед. – 1999. – № 6. – С. 98–107.
79. Правовое сознание и правовое воспитание трудящихся в развитом социалистическом обществе. – М. : Мысль, 1973. – 123 с.
80. Преступность: что мы знаем о ней. Милиция: что мы думаем о ней: описание и результаты социол. исслед. / И. Б. Михайловская (отв. ред.). – Обнинск : ИНТУ, 1995. – 80 с.

81. Прикладная юридическая психология : учеб. пособие для вузов / под ред. проф. А. М. Столяренко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 639 с.
82. Прихожан, А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика / А. М. Прихожан. – М. : Воронеж : МОДЭК, 2005. – 303 с.
83. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности / В. А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В. А. Ананич; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-в внутр. дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2017. – 385 с.
84. Райс, Ф. Психология подросткового и юношеского возраста / Ф. Райс, К. Долджин. – СПб. : Питер, 2012. – 816 с.
85. Ратинов, А. Р. Правовая психология и преступное поведение / А. Р. Ратинов, Г. Х. Ефремова. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 256 с.
86. Ремшмидт, Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности / Х. Ремшмидт. – М. : Мир, 1994. – 320 с.
87. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии : в 2 т. / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1989. – Т. 1. – 448 с.
88. Рябко, И. Ф. Правосознание и правовое воспитание масс в советском обществе / И. Ф. Рябко. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1969. – 191 с.
89. Самоубийца : информ. бюл. Всемир. орг. здравоохранения [Электронный ресурс]. – Август 2017. – Режим доступа: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs398/en>. – Дата доступа: 03.01.2018.
90. Сапрунов, А. Г. Формирование правосознания молодежи как социальный регулятор девиантного поведения : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / А. Г. Сапрунов ; Адыг. гос. ун-т ; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 1999. – 174 с.
91. Сашенков, С. А. Роль социальных сетей в формировании суицидального поведения у несовершеннолетних / С. А. Сушенков // Общество и право. – 2017. – № 1. – С. 210–213.
92. Симакова, Т. А. Проблемы суицидального поведения в молодежной среде / Т. А. Симакова, Е. Е. Гаврина, Е. А. Щелкушкина // Прикладная юрид. психол. – 2017. – № 1. – С. 133–137.
93. Система и опыт работы А. С. Макаренко [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://secrets-of-happy-family.narod.ru/index-284.html>. – Дата доступа: 14.07.2016.
94. Смертность в Республике Беларусь : офиц. стат. сб. за 2005–2006 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.med.by/content/stat/stat2007/2006_2.pdf. – Дата доступа: 09.09.2018.
95. Смертность в Республике Беларусь : офиц. стат. сб. за 2006–2007 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.med.by/content/stat/stat2008/2007_2.pdf. – Дата доступа: 09.09.2018.
96. Смертность в Республике Беларусь : офиц. стат. сб. за 2007–2008 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.med.by/content/stat/stat2009/2008_2.pdf. – Дата доступа: 09.09.2018.

97. Смертность в Республике Беларусь : офиц. стат. сб. за 2008–2009 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.med.by/content/stat/stat2010/2009_2.pdf. – Дата доступа: 09.09.2018.
98. Смертность в Республике Беларусь : офиц. стат. сб. за 2009–2010 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.med.by/content/stat/stat2011/2010_2.pdf. – Дата доступа: 09.09.2018.
99. Смертность в Республике Беларусь : офиц. стат. сб. за 2010–2011 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.med.by/content/stat/stat2012/2011_2.pdf. – Дата доступа: 09.09.2018.
100. Смертность в Республике Беларусь : офиц. стат. сб. за 2011–2012 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.med.by/content/stat/stat2013/2012_2.pdf. – Дата доступа: 09.09.2018.
101. Смертность в Республике Беларусь : офиц. стат. сб. за 2012–2013 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.med.by/content/stat/stat2014/2013_2.pdf. – Дата доступа: 09.09.2018.
102. Смертность в Республике Беларусь : офиц. стат. сб. за 2013–2014 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.med.by/content/stat/stat2015/2014_2.pdf. – Дата доступа: 09.09.2018.
103. Смертность в Республике Беларусь : офиц. стат. сб. за 2014–2015 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.med.by/content/stat/stat2016/2015_2.pdf. – Дата доступа: 09.09.2018.
104. Смертность в Республике Беларусь : офиц. стат. сб. за 2015–2016 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belcmt.by/ru/activity-of-the-center/statistika/statistical-compilations>. – Дата доступа: 09.09.2018.
105. Соколов, Н. Я. Правовое воспитание в современном российском обществе / Н. Я. Соколов, Е. К. Матевосова. – М. : Проспект, 2017. – 123 с.
106. Соловьев, В. С. Методики оценки криминогенного потенциала социальных сетей : учеб. пособие / В. С. Соловьев. – Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2017. – 72 с.
107. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_275/. – Дата доступа: 26.01.2018.
108. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_105/. – Дата доступа: 26.01.2018.
109. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_528/. – Дата доступа: 26.01.2018.
110. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_8027/. – Дата доступа: 26.01.2018.
111. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_8026/. – Дата доступа: 26.01.2018.
112. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_8024/. – Дата доступа: 26.01.2018.

113. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_10865/. – Дата доступа: 12.08.2018.
114. Стуканов, В. Г. Влияние интернет на формирование суицидального поведения подростков / В. Г. Стуканов // Нар. асвета. – 2018. – № 12. – С. 14–18.
115. Стуканов, В. Г. Деструктивное информационное воздействие в механизме формирования суицидального поведения / В. Г. Стуканов // Нар. асвета. – 2018. – № 10. – С. 11–15.
116. Стуканов, В. Г. Детский суицид: психологические факторы риска / В. Г. Стуканов // Нар. асвета. – 2018. – № 5. – С. 10–14.
117. Стуканов, В. Г. Детский суицид: сущность проблемы / В. Г. Стуканов // Нар. асвета. – 2018. – № 4. – С. 15–18.
118. Стуканов, В. Г. Деформации правосознания личности: психологический аспект / В. Г. Стуканов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2018. – № 2. – С. 241–245.
119. Стуканов, В. Г. Информационно-педагогическая система формирования правосознания личности : монография / В. Г. Стуканов. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2016. – 279 с.
120. Стуканов, В. Г. Исправительная педагогика : учеб. пособие / В. Г. Стуканов. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2013. – 395 с.
121. Стуканов, В. Г. Исправительная психокоррекция личности преступника : монография / В. Г. Стуканов. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2014. – 179 с.
122. Стуканов, В. Г. Неблагополучие в семье и суицидальное поведение ребенка / В. Г. Стуканов // Нар. асвета. – 2018. – № 6. – С. 17–21.
123. Стуканов, В. Г. Профилактика правонарушений: стратегия информационно-педагогического воздействия / В. Г. Стуканов // Нар. асвета. – 2017. – № 11. – С. 14–17.
124. Стуканов, В. Г. Содержание нравственно-правового воспитания / В. Г. Стуканов // Нар. асвета. – 2017. – № 4. – С. 18–23.
125. Схопчик, О. Э. Формирование правосознания и предупреждение противоправного поведения несовершеннолетних : пособие для практ. сотрудников ОВД / О. Э. Схопчик. – Минск : Акад. МВД, 2011. – 44 с.
126. Сыроковашина, К. В. Психологические факторы риска суицидального поведения у подростков / К. В. Сыроковашина, Е. Г. Дозорцева // Консультат. психол. и психотерапия. – 2016. – Т. 24. – № 3. – С. 8–24.
127. Тихоненко, В. А. Классификация суицидальных проявлений / В. А. Тихоненко // Актуальные проблемы суицидологии : тр. Моск. НИИ психиатрии / отв. ред. А. А. Портнов. – М., 1978. – Т. 82. – С. 59–73.
128. Трещенок, Я. И. Государственная идеология и национальная идея Республики Беларусь / Я. И. Трещенок. – Могилев : МогГУ, 2006. – 134 с.
129. Уразаева, Г. И. Методологические принципы изучения личности преступника и преступного поведения / Г. И. Уразаева // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2014. – № 3. – С. 126.
130. Ушанова, А. А. Личностные детерминанты агрессии подростков : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 ; Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2010. – 200 с.

131. Федоров, А. Ф. Проблемы игровой компьютерной интернет-зависимости у подростков / А. Ф. Федоров, И. А. Власова // Молодой ученый. – 2013. – № 5. – С. 785–787.

132. Худяков, А. В. Компьютерная игровая зависимость, клиника, динамика и эпидемиология / А. В. Худяков, А. В. Урсу, А. М. Старченкова // Мед. психол. в России. – 2015. – № 4. – С. 1–10.

133. Хуснутдинова, З. А. Суицидальное поведение подростков / З. А. Хуснутдинова // Социол. исслед. – 2015. – № 11. – С. 161–163.

134. Чертанов, М. Хемингуэй / М. Чертанов. – 2-е изд. – М. : Молодая гвардия, 2018. – 531 с.

135. Шнейдман, Э. Душа самоубийцы / Э. Шнейдман. – М. : Смысл, 2001. – 315 с.

136. Яскевич, Я. С. Основы идеологии белорусского государства: мировоззренческие ценности и стратегические приоритеты : учеб.-метод. пособ. для препод., студентов, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации / Я. С. Яскевич. – Минск : РИВШ БГУ, 2003. – 360 с.

137. Brown, R. I. F. Some contributions of the study of gambling to the study of other addictions / R. I. F. Brown // Gambling Behavior and Problem Gambling. – Reno : University of Nevada Press, 1993. – P. 241–272.

138. Child suicide in Japan: the leading cause of death in children [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.humanium.org/en/child-suicide-in-japan-the-leading-cause-of-death-in-children/>. – Date of access: 5.03.2018.

139. Gould, M. Media Contagion and Suicide Among the Young [Electronic resource] / M. Gould, P. J. D. Romer // American behavioral scientist. – Vol. 46. – № 9. – May 2003. – P. 1269–1284. – Mode of access: <http://www.columbia.edu/itc/hs/medical/bioethics/nyspi/material/MediaContagionAndSuicide.pdf>. – Date of access: 05.01.2018.

140. Hagihara, A. Internet suicide searches and the incidence of suicide in young people in Japan / A. Hagihara, S. Miyazaki, T. Abe // European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience. – 2012. – Vol. 262. – № 1. – P. 39–46.

141. Jenkins, J. Poison plant fuels suicide bids [Electronic resource] // BBC NEWS. – 10 April 2006. – Mode of access: [Shttp://news.bbc.co.uk/2/hi/health/4888840.stm](http://news.bbc.co.uk/2/hi/health/4888840.stm). – Date of access: 05.01.2018.

142. Messias, E. Sadness, suicide, and their association with video game and internet overuse among teens: results from the youth risk behavior survey 2007 and 2009 / E. Messias, J. Castro, A. Saini [et al.] // Suicide Life Threat Behav. – 2011. – Vol. 41. – № 3. – P. 307–315.

143. Phillips, D. The impact of televised movies about suicide: A replicative study / D. Phillips, D. J. Paight // New England Journal of Medicine. – 1987. – 317. – P. 809–811.

144. Preventing suicide: a global imperative [Electronic resource]. – Geneva : World Health Organization, 2014. – Mode of access: http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/131056/9789241564779_eng.pdf;jsessionid=1BEFCC50AD8596CD3144A8051FAD55E1?sequence=1. – Date of access: 05.01.2018.

145. Schmidtke, A. The Werther effect after television films: new evidence for an old hypothesis / A. Schmidtke, H. Häfner // Psychol Med. – 1988. – № 18. – P. 65–76.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	5
1.1. Теоретические подходы к исследованию девиантного поведения	5
1.2. Общая характеристика девиантного поведения несовершеннолетних	9
2. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	24
2.1. Психолого-педагогические особенности личности несовершеннолетнего правонарушителя	24
2.2. Социальные условия и влияния в формировании противоправного поведения подростка	39
2.3. Методологические основания педагогической профилактики противоправного поведения несовершеннолетних	52
2.4. Психолого-педагогические задачи профилактики противоправного поведения несовершеннолетних	74
3. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	85
3.1. Психолого-педагогические особенности суицидального поведения подростков	85
3.2. Неблагополучная семья как условие формирования суицидального поведения подростка	93
3.3. Деструктивное информационное влияние в механизме формирования суицидального поведения	100
3.4. Структурно содержательная модель антисуицидальной устойчивости личности	116
3.5. Психолого-педагогические задачи и направления профилактики суицидального поведения несовершеннолетних	119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	129
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	137

Научное издание

СТУКАНОВ Виталий Григорьевич

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ПРОФИЛАКТИКА
ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Редактор *Н. И. Минич*
Компьютерная верстка *Г. М. Граховской*

Подписано в печать 02.05.2019. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 9,05. Уч.-изд. л. 10,02.
Тираж 100 экз. Заказ 100.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.

Стуканов, В. Г.
С88 Педагогическая профилактика девиантного поведения несо-
вершеннолетних / В. Г. Стуканов ; учреждение образования
«Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия
МВД, 2019. – 146, [2] с.
ISBN 978-985-576-178-6.

Монография посвящена причинам и условиям формирования, а также на-
правлениям и способам педагогической профилактики девиантного поведения
несовершеннолетних. Исследованы наиболее трагические формы подростковых де-
виаций – противоправное и суицидальное поведение несовершеннолетних. Пред-
ставлены социально-педагогические предпосылки преступности подростков, рас-
крыты криминогенная сущность личности преступника, деформации правосозна-
ния личности; сформулированы психолого-педагогические задачи и стратегии
профилактической работы с несовершеннолетними. С позиции системного подхода
отображены особенности суицидального поведения подростков, факторы риска,
роль и место деструктивного информационного влияния в механизме формирова-
ния суицидального поведения; впервые представлена структурно содержательная
модель антисуицидальной устойчивости личности; конкретизированы направления
и задачи профилактики и коррекции суицидального поведения подростков.

Адресована научным работникам, преподавателям и студентам педагогиче-
ских, психологических и юридических учебных заведений, учителям, социаль-
ным работникам, психологам и сотрудникам органов внутренних дел.

УДК 316.624
ББК 88.52